

ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Философия. Психология. Педагогика

2022

Том 22

Выпуск 4

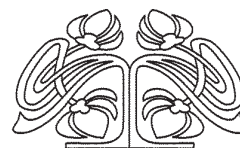

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия
Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2022 Том 22

ISSN 1819-7671 (Print)

ISSN 2542-1948 (Online)

Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

Атязкина А. Н. Безумие в дискурсе «Другой» в современной философии 358

Воробьева О. Б. Quo vadis, Homo spiritualis? 363

Дуплинская Ю. М., Фриауф В. А. «Философская вера» и мистический опыт: конвергенция и дивергенция 368

Иванов А. В. Современные теории секуляризации и перспективы светско-религиозного диалога 373

Конаков Д. Н. Генезис феномена риска: исследовательские нарративы 377

Копанева В. А. Роль памяти в социальном механизме признания 382

Орлов М. О. Риски взаимодействия светской и религиозной культур в цифровую эпоху 388

Пеннер Р. В. От субъектности к агентности в социальных и гуманитарных дискурсах XXI века 393

Рожков В. П. Война и кризис глобального псевдолиберального цивилизационного проекта 398

Рыженков В. Е. Концептуализация хаоса в WEB 2.0 и хаотический субъект Сети 403

Филиппович Ю. С. Прогулка как способ уйти от усталости: философский аспект 408

Психология

Аксеновская Л. Н. Духовная психология С. Л. Франка в контексте современных задач развития российской социальной психологии 413

Андрюшкова Н. П. Личностная зрелость: модель исследования в контексте событийного подхода 423

Кольчик Е. Ю. Особенности ценностных ориентаций подростков с различным уровнем тревожности 427

Романова Н. М., Чернова М. В. Сравнительный анализ характеристик социальной адаптации и сформированности социальных навыков у младших школьников из социально благополучных семей и семей «группы риска» 433

Фролова С. В., Троянова А. В. Типологический анализ социокультурной направленности личности представителей разных возрастных групп 441

Ясин М. И. Отношение к искусственному интеллекту, тревога и открытость опыту 449

Педагогика

Балакирева Е. И., Евдокимова Е. Г., Курчатова Н. Ю. Развивающий потенциал организации исследовательской работы магистрантов: опыт системной рефлексии 454

Бурова В. С. Стили поведения родителей в процессе использования Интернета учениками начальной школы 459

Мингалеева М. Т. Формирование экологической культуры в условиях полиэтничного образования 464

Романова В. В. Формирование толерантного отношения иностранных обучающихся к русской культуре в процессе эстетического воспитания 469

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76648 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 5.3.1; 5.3.4; 5.3.5; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.4; 5.7.5; 5.7.6; 5.7.7; 5.7.8; 5.7.9; 5.8.1; 5.8.2; 5.8.7)

Подписной индекс издания 36014. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (php.p.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Батищева Татьяна Федоровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Батищева Татьяна Федоровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89
E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 15.12.2022

Подписано в свет 23.12.2022

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 13,95 (15,0).

Тираж 100 экз. Заказ 140-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2022

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;

- на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегию серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

- аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

- в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: https://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: aroria@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS**Scientific Part****Philosophy**

- Atyaskina A. N.** Madness in the discourse of the "Other" in the contemporary philosophy 358
- Vorobeva O. B.** Quo vadis, Homo spiritualis? 363
- Duplinskaya Yu. M., Friauf V. A.** "Philosophical faith" and mystical experience: Convergence and divergence 368
- Ivanov A. V.** Recent theories of secularization and perspectives of secular-religious dialogue 373
- Konakov D. N.** The genesis of the risk phenomenon: Research narratives 377
- Kopaneva V. A.** The role of memory in the social recognition mechanism 382
- Orlov M. O.** Risks of interaction between secular and religious cultures in the digital age 388
- Penner R. V.** From the subject to the agent in social and humanitarian discourses of the 21st century 393
- Rozhkov V. P.** The war and the crisis of the global pseudo-liberal civilizational project 398
- Ryzhenkov V. E.** Conceptualization of chaos in WEB 2.0 and the chaotic subject of the Web 403
- Filippovich Yu. S.** Walking as a way to fight fatigue: A philosophical aspect 408

Psychology

- Aksenovskaya L. N.** Spiritual psychology of S. L. Frank in the context of modern tasks of the development of Russian social psychology 413
- Andryushkova N. P.** Personal maturity: A research model in the context of an event approach 423
- Kol'chik E. Yu.** Features of adolescents' value orientations with different levels of anxiety 427
- Romanova N. M., Chernova M. V.** Comparative analysis of the characteristics of social adaptation and the formation of social skills in younger students from socially advantaged families and families "at-risk groups" 433
- Frolova S. V., Troyanova A. V.** Typological analysis of a personality's sociocultural orientation among the representatives of various age groups 441
- Yasin M. I.** Attitudes towards artificial intelligence, anxiety and openness to experience 449

Pedagogy

- Balakireva E. I., Evdokimova E. G., Kurchatova N. Yu.** Developing potential of undergraduates' research work organization: Experience of systemic reflection 454
- Burova V. S.** Parentbehavior styles in the process of Internet use by primary school children 459
- Mingaleeva M. T.** Formation of ecological culture in the context of multicultural interaction 464
- Romanova V. V.** Forming a tolerant attitude of foreign students to Russian culture in the process of aesthetic education 469

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

Главный редактор

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Данилов Сергей Александрович, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Демидов Александр Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Крейг Камл, Ed. D (доктор), профессор (Гринвиль, США)
Варламов Дмитрий Иванович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Гобозов Иван Аршакович, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Гриценко Валентина Васильевна, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)
Железовская Галина Ивановна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Жуковский Владимир Петрович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Мартынович Сергей Федорович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рахимбаева Инга Эрленовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рязанов Александр Владимирович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стеклова Ирина Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Стризое Александр Леонидович, доктор филос. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Филимонова Ольга Федоровна, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Чумаков Александр Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY”**

Editor-in-Chief – Vladimir B. Ustiantsev (Saratov, Russia)

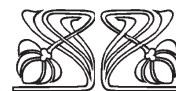
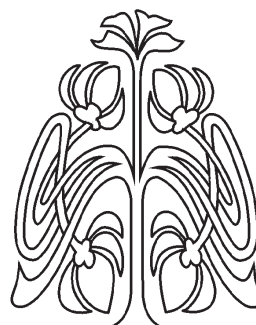
Deputy Editor-in-Chief – Evgeniya V. Listvina (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Sergey A. Danilov (Saratov, Russia)

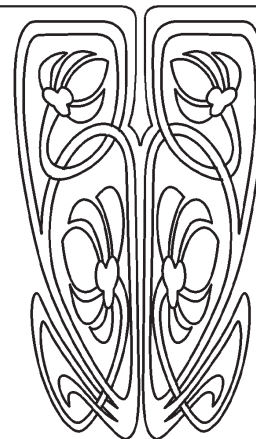
Members of the Editorial Board:

Liudmila N. Aksenovskaya (Saratov, Russia)
Ekaterina A. Aleksandrova (Saratov, Russia)
Alexander I. Demidov (Saratov, Russia)
Ekaterina I. Balakireva (Saratov, Russia)
Craig Kaml (Greenville, USA)
Dmitry I. Varlamov (Saratov, Russia)
Ivan A. Gobozov (Moscow, Russia)
Valentina V. Gritsenko (Moscow, Russia)
Galina I. Zhelezovskaya (Saratov, Russia)
Vladimir P. Zhukovsky (Saratov, Russia)
Igor I. Kalnoy (Simferopol, Russia)
Sergei F. Martynovich (Saratov, Russia)

Mikhail O. Orlov (Saratov, Russia)
Inga E. Rakhimbaeva (Saratov, Russia)
Elena V. Ryaguzova (Saratov, Russia)
Alexander V. Ryzanov (Saratov, Russia)
Irina V. Steklova (Saratov, Russia)
Alexander L. Strizoe (Volgograd, Russia)
Olga F. Filimonova (Saratov, Russia)
Svetlana V. Frolova (Saratov, Russia)
Igor A. Furmanov (Minsk, Belarus)
Alexander N. Chumakov (Moscow, Russia)
Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ФИЛОСОФИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 358–362

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 358–362
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-358-362>

EDN: MOXCGO

Научная статья
УДК 130.122

Безумие в дискурсе «Другой» в современной философии

А. Н. Атыскина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

Атыскина Анастасия Николаевна, аспирант кафедры философии, atyaskinanastya@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9029-7255>

Аннотация. Введение. Статья посвящена разработке темы безумия в дискурсе «Другой» в эстетических и философских концепциях, использующих культурную модель безумия. Безумие рассматривается в качестве метаисторической категории культуры, исключенного языка в западноевропейской культуре, существующего вопреки языковому кодексу. **Теоретический анализ.** Для определения статуса безумия в современной философии автор обращается к исследованию феномена безумия в контексте дискурса «Другой». Показано, что исключение безумия из контекста философских исследований происходило на основаниях различных маркеров, меняющихся из эпохи в эпоху: ложь, заблуждение, бессмыслица, шутовство и, наконец, дисфункция разума, завершенная реформой Пинеля. Определение безумия как запрещенного языка основывается на двух тезисах: 1) в основе психических заболеваний лежат биологические, а не социально-психологические проблемы; 2) безумие и психическое заболевание – это не две различные конфигурации, а только лишь органические повреждения, подлежащие фармакологической нейтрализации со строгим определением отклонений поведения, исключающие субъективные и нетелесные страдания. **Заключение.** Актуальность исследования определяется недостаточной разработанностью темы безумия в дискурсе «иного» в современных эстетических и философских концепциях, построенных на культурной модели безумия. Двойственность предмета психиатрии, касающегося человека как личности, подразумевает, что при исследованиях необходимо учитывать и эту составляющую, помимо исключительно естественно-научной сферы изучения. **Ключевые слова:** безумие, инаковость, психика, Другой, отсутствующий Другой, субъективность

Для цитирования: Атыскина А. Н. Безумие в дискурсе «Другой» в современной философии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 358–362. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-358-362>, EDN: MOXCGO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

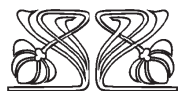
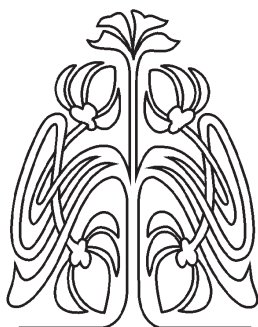
Madness in the discourse of the “Other” in the contemporary philosophy

A. N. Atyaskina

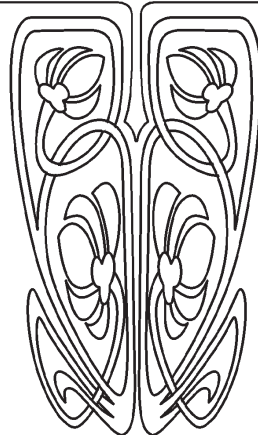
Samara National Research University named after academician S. P. Korolev, 34 Moskovskoye shosse, Samara 443086, Russia

Anastasia N. Atyaskina, atyaskinanastya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9029-7255>

© Атыскина А. Н., 2022

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Abstract. Introduction. This paper considers madness as a metahistorical category of culture as well as an excluded language in Western European culture that exists despite the language code. To determine the status of madness in the contemporary philosophy the author analyses the way it functions in the discourse of “the other”. **Theoretical analysis.** The exclusion of madness from the context of philosophical research occurred due to such various markers changing from era to era as a lie, delusion, nonsense, buffoonery, and finally the dysfunction of the mind completed by Pinel’s reform. The definition of madness as a forbidden language comes from two theses: 1) mental disorders result from biological, not socio-psychological problems; 2) madness and a mental disorder are not two different configurations, they have organic nature that is to be neutralized in terms of pharmacology and defined in terms of behavioral deviations, and that excludes subjective and nonphysical suffering. **Conclusion.** The research relevance is obvious because modern aesthetics and philosophy with the cultural model of insanity as a core concept need further elaborating. The duality of the subject of psychiatry concerning the human personality implies that this component must be taken into account apart from exclusively natural-scientific studies.

Keywords: madness, otherness, psyche, Other, absent Other, subjectivity

For citation: Atyaskina A. N. Madness in the discourse of the “Other” in the contemporary philosophy. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 358–362 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-358-362>, EDN: MOXCGO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

При кризисе рационального метода познания выходом становится поиск альтернативных мировоззренческих концепций, построенных на критике рационалистических абстракций. Поэтому феномен безумия так или иначе сохраняет свою значимость в различных культурах, становясь приоритетной формой протеста против классических устоявшихся норм, реализуя тем самым потребность человека в иррациональной рефлексии духовной культуры для постижения самого себя. Концептуализация инаковости позволяет установить демаркацию границ познаваемости субъекта. Актуальность исследования определяется недостаточной разработанностью темы безумия в дискурсе «Другой» в эстетических и философских концепциях.

Тематизация данного вопроса была осуществлена М. Мамардашвили, который писал, что безумие способно вывести человека из тождества с самим собой и сделать доступным понимание опыта Другого, поставив его в пограничную для психической и социальной нормы ситуацию. Говоря о двойственности в современной символизации, М. Мамардашвили подчёркивает в безумии ее способность к осознанию реальной сущности событий, скрытой за культурными структурами: «Не сама болезнь здесь символ, а ее культурная идеологическая интерпретация, ее принудительная этическая концептуализация – если это называется большим, я бы предпочел быть больным и иметь при этом культуру» [1, с. 128]. Таким образом, метафора безумия как сама выступает символом, так и символизирует, являясь знаком приобщенности к тому, что заведомо задано ценностью и не есть сознание, например культура.

Теоретический анализ

Для того чтобы использовать феномен Другого при анализе феномена безумия, необходимо определить важность Другого для конституирования субъективности. Переосмысление классического субъекта, понимаемого как познающий, происходит в дискурсе инаковости, выраженной в концептуализации Другого (Б. Вальденфельс, Ж.-П. Сартр) и безумия (М. Фуко, Ж. Делёз, Ж. Лакан). Антропологическая проблема осмысления конкретной жизни индивида находит свое выражение в тематизации дихотомии «свой/чужой», рефлексии тревоги и пограничной ситуации. При этом происходят изменение понимания рациональности и переинтерпретация субъекта. Определению возможных значений «чужого» посвящены работы Б. Вальденфельса.

Вальденфельс выделяет три аспекта возможной дефиниции: 1) внешнее как противопоставление внутреннему; 2) принадлежащее Другому; 3) нечто иное как противопоставление привычному. Первоосновой в дихотомии «свой/чужой» выступает понятие «порядок», лежащее в основе понятия «жизненный мир», понимаемого в качестве способа человеческого представления повседневной действительности в ее целостности. Одним из важных принципов нового порядка является признание возможности существования инаковости: «Порядок в потенциалесе». Таким образом, границы, лежащие в континууме имманентного и трансцендентного, преодолевают религиозно-мистическое содержание, создавая возможность трансгрессии. Концепты «свой» и «чужой» существуют вне отношений первичности и доминанции, они возникают одновременно и взаимосвязаны друг с другом [2, с. 179]. Именно благодаря этому различию чужое не является

для нас радикально чужим, а становится модализацией нашего собственного опыта. Абсолютизация схожести и чужести уничтожает само различие, следовательно, «чужость» существует в нас, а мы носим в себе отпечаток Другого, опыт «чужого» «дается в опыте как первично неосуществимое и не как самоданное, однако как то, на что последовательно указывает опыт и что опыт удостоверяет» [3, с. 102]. «Чужость» интерпретируется как тотальная альтернатива привычному, позволяя создавать новые смыслы, будучи неисчерпаемым источником нового, когда свое – это формирование правил, норм и смыслообразований [3, с. 159], являясь, таким образом, актуализацией творческого потенциала Я.

Если обратиться к теме Другого в философии экзистенциализма, то можно констатировать, что Ж.-П. Сартр разрабатывает ее в диалектической экзистенциальной системе. Сознание определяется им как бытие-для-себя, для функционирования которого необходимо бытие-для-другого, что наделяет социальность главной характеристикой сознания. Социальное в философии Сартра рассматривается через решение проблемы Другого, здесь Другой – это тот, для которого мое Я – это объект, о котором он рассуждает [4]. Другими словами, Другой – это «опыт отрицания моего опыта» [5, с. 252], доступный для рефлексии, относящийся к феноменам, существующим вне всякого возможного опыта.

Определив значение Другого для сознания, необходимо рассмотреть значение отсутствия Другого и способы функционирования субъекта в такой ситуации. Понятие «Другой» использовалось многими мыслителями в теориях концептуализирующих безумие (Л. Бинсвангер, Ж. Лакан, А. Мальдине, С. А. Шолохова, К. Ясперс [6]).

Другой познается по аналогии с моим собственным «Я», что подразумевает наличие у него психики, аналогичной психике субъекта, что оказывается невозможным при анализе опыта безумия. Это создает потребность в исследовании безумия в дискурсе опыта иного сознания, где на уровне феноменологического описания необходимо объяснить сознание, отличное от моего.

Подобный опыт исследования был предложен в рамках концепций структурализма, деконструкции и постструктурализма. Например, философские лимиты в структурном психоанализе обусловлены представлениями о субъективности и категорией Другого. По мысли Ж. Лакана, бессознательное структурировано таким же образом, как и языковая система. Для того чтобы определить основные регистры психики и

функционирование в них плана означающего и плана смысла, Лакан использует теорию «стадии зеркала», выделяя три модуса, в рамках которых формируется субъект: Реальное, Воображаемое и Символическое.

Реальное выступает как вытесненный доязыковой психической опыт, складывающийся в бессознательное.

Воображаемое формируется в качестве первоначального опыта отчуждения. Субъект впервые идентифицируется в качестве объекта, производит иллюзорные представления о себя в соответствии с «зеркальным» образом, в котором узнает себя.

Символическое – это структурное образование, уровень языка и социальных отношений, когда бессознательное Реального обретает символическое выражение посредством культурных форм и языкового выражения. Здесь возникает фигура Другого как результат процессов вытеснения и сопротивления бессознательного.

Таким образом, Лакан приходит к заключению, согласно которому человек сам формируется под влиянием Другого и даже желания субъекта в полной мере ему не принадлежат: «Бессознательное – это дискурс Другого» [7, с. 35], да и сам субъект есть ответ бессознательного на вопросы Другого [8, с. 245], а речь – это всегда разговор с Другим [9, с. 212].

Смысл как травма, возникающая благодаря конфликту означающего и означаемого, формируется в сознании психотика задним числом. То есть существование травматического события в прошлом модуса Реального создается в момент психоанализа: «Совершенно неважно, имела ли она место, случилась ли она на самом деле в реальности. Главное, что она влечет за собой серию структурных эффектов» [10, с. 76–77]. Таким образом, реальное здесь – это некая сущность, воссоздаваемая «задним числом», позволяющая объяснять произошедшую деформацию символических структур.

Субъект конституируется в плане означающего и в плане смысла. Для психотика означающее и означаемое представляются в разделенном виде из-за отсутствия элемента, отвечающего за их связку. Замену одного означающего другим он связывает с феноменом метафорического замещения смысла, что в своей актуализации представляется психопатическим субъектом в качестве симптома: «Отсутствие в этом месте Имени Отца образует в означаемом пустоту, вызывая цепную реакцию перестройки означающего, вызывающую катастрофу в сфере воображаемого, продолжающуюся до тех пор, пока не будет достигнут уровень, где означаемое и

означающее уравновесят друг друга в найденной бредом метафоре» [11, с. 17]. План означающего не соответствует плану смысла, который превосходит предметное содержание высказывания, создавая расщепление дискурса.

Таким образом, безумие Лакан интерпретирует в терминах отсутствия структур Другого и изменчивости субъективности, выстраиваемой в процессе взаимодействия с Другим. То есть, если нет Другого, нет и самого субъекта, что приводит сознание к попытке заполнить отсутствующую структуру бредом.

Подход Лакана был подвергнут критике Ж. Делёзом, который в работе «По каким критериям узнают структурализм» выступает с критикой структуралистского выделения символического вне его связи с реальным и воображаемым, предлагая иной взгляд на влияние отсутствия Другого на человеческую психику. На основе анализа книг «Робинзон Крузо» Д. Дефо и «Пятница, или Тихоокеанский лимб» М. Турнье Делёз дает оценку последствиям отсутствия Другого в ситуации тотального одиночества. Согласно тезису Делёза, именно отсутствие Другого является следствием в развитии психических заболеваний в связи с извращением структуры восприятия мира.

Другой выступает априорной структурой восприятия, это своего рода фильтр, через который мир открывается субъекту и становится доступным для понимания, «без которого поле это в целом не функционировало бы так, как оно это делает» [12, с. 396]. Другой создает индивидуальный фон для каждого воспринимаемого объекта, становится контекстом, в котором объект может актуализироваться. Соответственно, в отсутствие Другого воспринимаемое и невоспринимаемое соприкасаются между собой, т. е. Другой – это структура возможного, вне его Возможное разрушается и перестает осуществляться: «Другой как структура – это выражение возможного мира» [12, с. 397]. Из этого следует, что Другой делает возможным дифференциацию субъекта и объекта, а в отсутствие Другого они составляют одно целое, потому что сознание впадает в тождество с объектом [12, с. 397].

Робинзон у Турнье перестает осознавать себя Робинзоном: он становится сознанием острова и закрепляется в его структуре. Сознание порождает другую вещь – двойник каждого объекта, в дополнение к сформированным Другим образам. Это приводит к переструктурированию представляемой субъекту реальности в контексте утраты Другого как структуры и как функции, потеря «Другого приводит к тому, что Другие не схватываемы более как Другие, поскольку

не достает структуры, которая могла бы дать им это место и эту функцию» [12, с. 396]. Поэтому Пятница в романе Турнье функционирует так же, как и обычный объект, а не в качестве заново приобретенного Другого, ибо структура при отсутствующем Другом функционирует извращенно.

Таким образом, для субъекта реальный мир функционирует согласно иной структуре, противостоящей и заменяющей структуру Другого, «из которой при случае вытекают извращенные поступки, а схватывает он других всегда как Других чем другие» [12, с. 421–422] (как жертв, как сообщников).

Заключение

Важным различием в решении вопроса о безумии и Другом у Лакана и его критика Делёза является разное отношение к функционированию субъекта при отсутствующем Другом. Если у Лакана отсутствующие структуры заполняются неправильно и приводят к изменению субъективности, то у Делёза, смешивающего реальное с символическим, отсутствующая структура заполняется двойниками реальных объектов.

Подводя итоги, следует отметить, что фигура Другого в дискурсе безумия осмысливается в рамках разных философских направлений и используется в качестве причины возникновения психической болезни, например, как теория об отсутствующем для субъекта Другом. Речь идет либо о негативном влиянии на психику отсутствия Другого в процессе формирования личности, либо об искажении восприятия мира при отсутствующем Другом.

Список литературы

1. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.
2. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. М. : Прогресс, 1991. 480 с.
3. Гуссерль Э. Картезианские медитации // Гуссерль Э. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2005. Т. 4. 464 с.
4. Зиновьева А. А. Проблема Другого в философии Ж.-П. Сартра // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 28–37.
5. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М. : АСТ, 2015. 928 с.
6. Громова Е. И. «Другой» и концептуализация психической болезни // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2016. № 6. С. 33–47.
7. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М. : Гнозис, 1995. 222 с.

8. Жижек С. Метастазы удовольствия. Шесть очерков о женщинах и причинности. М. : АСТ, 2016. 320 с.
9. Лакан Ж. Психоз и Другой // Метафизические исследования. Вып. 14 : Статус иного. СПб. : Алетея, 2000. С. 201–217.
10. Руднев В. Философия языка и семиотика безумия : Избранные работы. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2007. 375 с.
11. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда // Московский психотерапевтический журнал. 1996. № 1. С. 25–55.
12. Делёз Ж. Мишель Турнье и мир без другого // Турнье М. Пятница, или Тихоокеанский лимб. СПб. : Амфора, 1999. С. 282–302.

References

1. Mamardashvili M. K., Pyatigorskiy A. M. *Simvol i soznanie. Metafizicheskiye rassuzhdeniya o soznanii, simbolike i yazyke* [Symbol and Consciousness. Metaphysical Reasoning about Consciousness, Symbolism and Language]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoy kultury» Publ., 1997. 224 p. (in Russian).
2. Waldenfels B. *Alltag als Schmelztiegel der Rationalität*. Frankfurt, Der Stachel der Fremden, 1990. 276 S. (Russ. ed.: Valdenfels B. *Povsednevnost kak plavilnyy tigl ratsionalnosti*. Moscow, Progress Publ., 1991. 480 p.).
3. Husserl E. *Cartesianische Meditationen und Pariser Vorträge*. The Hague, Martinus Nijhoff, 1950. 174 S. (Russ. ed.: Gusserl E. *Kartezianskiye meditatsii. Soebraniye sochineniy: v 4 t.* Moscow, Publishing House “Territoriya budushchego”, 2005. 464 p.).
4. Zinoveva A. A. The problem of the Other by J.-P. Sartre. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Tula State University], 2010, no. 1, pp. 28–37 (in Russian).
5. Sartre J.-P. *L'Être et le néant. Essai d'ontologie phénoménologique*. Paris, Gallimard, 1976. 675 p. (Russ. ed.: Sartr Zh.-P. *Bytie i nichto*. Moscow, AST Publ., 2015. 928 p.).
6. Gromova E. I. The “Other” and the conceptualization of mental illness. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Moscow State University Bulletin. Series 7: Philosophy], 2016, no. 6, pp. 33–47 (in Russian).
7. Lacan J. The Function and the Field of Speech and Language in Psychoanalysis. In: *Écrits*. New York, W. W. Norton & Company Publ., 2007. 896 p. (Russ. ed.: Lacan J. *Funktsiya i pole rechi i yazyka v psikhooanalize*. Moscow, Gnozis Publ., 1995. 222 p.).
8. Žižek S. *The Metastases of Enjoyment: On Women and Causality*. London, Verso, 2006. 240 p. (Russ. ed.: Žižek S. *Metastazy udovolstviya. Shest ocherkov o zhenshchinakh i prichinnosti*. Moscow, AST Publ., 2016. 320 p.).
9. Lacan J. The seminar 1955–1956: Book III: The psychoses. New York, W. W. Norton & Company, 1997. 352 p. (Russ. ed.: Lakan Zh. *Psikhoz i Drugoy. Metafizicheskiye issledovaniya. Iss. 14: Status Inogo*. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2000, pp. 201–217).
10. Rudnev V. *Filosofiya yazyka i semiotika bezumiya* [Philosophy of Language and the Semiotics of Madness]. Moscow, Publishing House “Territoriya budushchego”, 2007. 375 p. (in Russian).
11. Lacan J. The Instance of the Letter in the Unconscious, or Reason Since Freud. In: *Écrits*. New York, W. W. Norton & Company Publ., 2007. 896 p. (Russ. ed.: Lacan J. *Instantsiya bukvy v bessoznatelnom, ili Sudba razuma posle Freyda. Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal* [Moscow Psychotherapeutic Journal], 1996, no. 1, pp. 25–55 (in Russian)).
12. Deleuze G. Michel Tournier et le monde sans autrui, Postface to Michel Tournier, *Vendredi ou les limbes du Pacifique*. Paris, Gallimard, 1972, pp. 257–83 (Russ. ed.: Delez Zh. *Mishel Turne i mir bez drugogo*. In: Turne M. *Pyatnitsa, ili Tikhookeanskiy limb*. St. Petersburg, Amfora Publ., 1999, pp. 282–302).

Поступила в редакцию 31.05.2022, одобрена после рецензирования 15.06.2022, принята к публикации 17.10.2022
The article was submitted 31.05.2022, approved after reviewing 15.06.2022, accepted for publication 17.10.2022

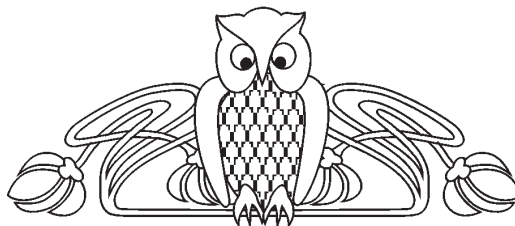

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 363–367
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 363–367
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-363-367>, EDN: FOKHKJ

Научная статья
УДК 130.2

Quo vadis, Homo spiritualis?

О. Б. Воробьева

Самарский государственный университет путей сообщения, Россия, 443066, г. Самара, ул. Свободы, д. 2в

Воробьева Ольга Борисовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории науки, Vorobeva_ob@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3816-4679>

Аннотация. Введение. Куда идешь, человек духовный? – этот вопрос стоит перед человечеством со времен Античности, когда христианская культура явилась альтернативой сакральным учениям. Современный социум в последние «пандемические» годы на фоне благополучия традиционной религиозности проявляет к тайнознанию повышенный интерес. **Теоретический анализ.** Онтологический подход к феномену эзотерической традиции позволил показать его диалектический характер: сакральные учения заключили в себе ценности, которые могут служить основой духовности общества или одной из причин его культурного декаданса. Оставаться константой общества эзотерической культуре позволяет синкретизм мифологического и массового сознания. Социально-философский анализ функциональных особенностей мифомышления позволил обнаружить платформу для устойчивых позиций существования эзотерической традиции в общечеловеческой культуре. **Заключение.** Сегодня наличное бытие эзотерики в человеческой практике находится в точке бифуркации, где одни ценности активно наполняют интеллектуально-элитарную тенденцию развития культуры, а другие перенаправлены в обыденную форму присутствия в обществе. Систематизированы аспекты мифомышления, благодаря которым эзотерическая традиция обеспечивает себе функциональную устойчивость в социуме.

Ключевые слова: эзотеризм, антикультура, миф, массовое сознание, оккультизм, духовность социума

Для цитирования: Воробьева О. Б. Quo vadis, Homo spiritualis? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 363–367. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-363-367>, EDN: FOKHKJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Quo vadis, Homo spiritualis?

O. B. Vorobeva

Samara State Transport University, 2v Svobody St., Samara 443066, Russia

Olga B. Vorobeva, Vorobeva_ob@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3816-4679>

Abstract. Introduction. Where are you going, spiritual man? – humanity has been facing this question since antiquity, when Christian culture was an alternative to sacred teachings. Modern society in recent “pandemic” years, against the background of a stable state of traditional religiosity, has shown an explosive interest in esotericism. **Theoretical analysis.** The ontological approach to the phenomenon of the esoteric tradition made it possible to show its dialectical nature: sacred teachings contained values that could serve as the basis for the spirituality of society or one of the reasons for its cultural decadence. The syncretism of mythological and mass consciousness allows esoteric culture to remain the constant of society. The socio-philosophical analysis of the functional features of myth-thinking made it possible to discover a platform for stable positions of existence in the universal culture of the esoteric tradition. **Conclusion.** Today, the existence of esotericism in human practice is at a bifurcation point, where some values are actively filling the intellectually elitist trend in the development of culture, while others are being redirected into the ordinary form of presence in society. Aspects of myth-thinking are systematized, thanks to which the esoteric tradition ensures its functional stability in society.

Keywords: esotericism, anti-culture, myth, mass consciousness, occultism, spirituality of society

For citation: Vorobeva O. B. Quo vadis, Homo spiritualis? *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 363–367 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-363-367>, EDN: FOKHKJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Ситуация неопределенности человеческого бытия настоящего времени (пандемия, экономический кризис) активизировала внимание

социума к ценностям эзотерической культуры. Установление внутренних причин повышенного интереса к техникам эзотерической традиции – задача специалистов во многих областях гуманитарного знания. В мировой истории расцвет

тайнознания пришелся на III в. до н.э. – III в. н.э. и стал причиной сакрализации культурной жизни эллинистического мира, поэтому ученые говорят о реабилитации архаического сознания в современных «окультурно-магических» антикультурных проектах [1, с. 256]. В рамках таких исследований «рассматривается актуальная проблема глобальной попытки вытеснения христианской культуры архаическими мифологическими представлениями и магическими практиками, что становится характерной приметой массового сознания» [2, с. 120]. Настоящая работа расширит понимание той мифологической платформы в массовом сознании, на которой эзотерическая культура выступает константой общества любого временного периода и испытывает ренессанс в современном социуме, а также ответит на вопрос: Quo vadis, Homo spiritualis? – Куда идешь, человек духовный?

Теоретический анализ

Эзотерическая традиция и современность

Обратимся к статистике, выражающей в цифрах функционирование ценностей эзотерики у населения современной России. Группа «Эксмо-АСТ» (включает в себя крупнейшие издательства) опубликовала данные роста продаж эзотерической литературы, который по итогам 2021 г. составил более 53% (для сравнения в 2020 г. продажи увеличились только на 13%) [3]. Что же восполняет интерес современного социума к сакральной традиции?

Эзотерика выступает в общечеловеческой практике довольно сложным диалектическим феноменом. С одной стороны, оккультные практики: мантическое искусство (особенно гадание на картах Таро – спрос на сами карты вырос на 486%), астрология, нумерология, хиромантия предлагают «взгляд в будущее», понимание предназначения личности при реализации своих сущностных сил. Заметим, что это практики, обеспечивающие в обществе, как правило, прогностическую или адаптивную функцию. Они не воспринимаются современным социумом как эзотерические в истинном варианте понимания этого термина, а перерастают в экзоплоскость – в нормативно-ценностный комплекс быденной жизни.

С другой стороны, восточный эзотеризм, психофизические практики, философские учения эзотерики воспринимаются, прежде всего, как этические учения, лишенные веры в сверхъестественное, наполненные элементами почитания принципов добра, радости, любви. Здесь решающая роль в развитии мира отве-

дена духовным силам человека, где на новый уровень ставится человеческий интеллект, воля, чувства. Это присущая всем эзотерическим системам с древнейших времен до наших дней традиция философских исканий и трансперсонального опыта о мире, о роли сознания человека в эволюции природы, общества, планеты, всего космоса, о повышении роли этических принципов в развитии мира. Эзотерика предоставила современности особые психотехнические направления, обеспечивающие личности ее самоактуализацию и возможность растворить «индивидуальную» историю – частную духовную культуру – в объективной истории мира. Иррациональная составляющая личности, ее положительные эмоции реализуются через практики эзотерики, накладывающиеся на теоретическую составляющую ее учений, работающую с мышлением и выстраивающую в сознании адепта особую реальность. Трансформация самосознания дает возможность личности соответствовать современному культурному коду, который диктует: уникальность, самодостаточность, проявление лидерских качеств, уверенность в своем будущем.

Такие аспекты эзотерических учений не только вошли в жизнь людей, но и востребованы научной мыслью. К познанию сущности эзотерики наиболее приблизились космогонические подходы в естествознании, биологии, медицине. На основе ценностей эзотерической традиции в последнее время получают развитие геопсихология, экософия, космопланетарная антропоэкология. Эзотерику современные исследователи понимают как энергоинформационные практики, направленные на обеспечение эффективной коэволюции.

Обе формы эзотерической традиции служили предметом интереса социума любого временного периода. Возможность являться неизменным участником социокультурной динамики эзотерику обеспечивает мифологизация массового сознания.

Миф как элемент массового сознания и условие константы эзотерической традиции в человеческом обществе

Человечество «живёт» в мифе: оно сохраняет и изменяет принимаемые за идеалы и нормы архетипы и традиции во всех сферах своего бытия. Через миф обеспечивается доступ как к удаленному по времени способу восприятия и переработки информации, так и к характерному для современной культуры. Это предоставляет возможность эффективной адаптации субъекту массового сознания к меняющимся условиям общественной среды с учетом прошлого опыта.

Каковы же основополагающие свойства мифического сознания, обеспечивающие функциональную деятельность эзотерики в общекультурной практике? Выделим следующие.

Миф – не идея, не понятие, а образ, воспринимаемый как реальность. Миф, перестав быть единственным на определенном этапе существования человечества типом мышления, сохранился благодаря своему слиянию с бытием, с действием. Он – единственно возможный фундамент частного и общественного бытия. Поэтому миф может быть объявлен герменевтической моделью понимания социокультурной трансформации.

Синкретизм мифа и массового сознания объясняет их информационно-коммуникативную природу. Наличие этого свойства (неразделенность объекта и субъекта) делает возможной идентификацию себя с другими. Когда человек реализует свою принадлежность к массе в поведении, оно тождественно поведению других в этой массе. Механизм идентификации лежит в основе массового поведения, как и в основе поведения мифического субъекта. Функциональный смысл мифа – способность сплачивать людей, побуждать к действию выдвигается на первый план в период поиска конкретных решений жизненно значимых проблем.

В основе эзотерических учений лежит особое мироощущение субъекта. Для него эзотерическая реальность – истинная. В ней, существующей вне земного пространства и времени, действуют силы (законы), реализующие справедливость – в любви, карьере, здоровье и т.д. Выше справедливости нет ценности. Такая данность – основополагающий мотив любого мифа, сформированного в общечеловеческой культуре, обеспечивающий целеполагание поведению человека.

В массовом сознании «картина мира» создается различными уровнями отражения действительности. Многие исследователи утверждают, что в сознании масс аналитическая работа ума не исключает, а сочетается с преднамеренным упрощением видения мира, с тягой к простым решениям, простым объяснениям. Миф – результат непосредственного, наивного, понятного оперирования с реальными объектами, с максимально конкретными явлениями. Это свойство мифомышления используется эзотерической традицией весьма активно. Так, в оккультных практиках применяются предметы быта, например, хлеб, свеча, соль, а также природные составляющие: вода, травы, зола, земля и др. Использование средства, часто упоминаемого в

мифах как помощника доброй силы, осознается как индикатор верности выбранного пути, тем более проверенного мудростью народа. Мифологическая реальность воспринимается здесь как осознанная и объединяющая личность с традицией народа, историей, природой. Это свойство мифа позволяет эзотерике выступать одним из способов национальной, социальной и культурной идентичности личности, причем способом простым и понятным каждому человеку.

Эзотерическая традиция воспользовалась языком мифа в описании мироустройства. Доступность языка мифа – необходимый элемент диалога внутри приверженцев эзотерики любой степени погруженности в нее.

Миф – образ бытия личностного. Личным восприятием пронизано все сознание, личностное бытие лежит на любой вещи. Так, функционирование мифического сознания отражается в повествовании о жизни героя [4]. Поэтому демонстрация экранной культурой истории из жизни личности (причем небольшой по длительности), попавшей в проблемную ситуацию, использование совпадения чувств героя и зрителя, порождение симпатии – антипатии – это верный шаг популяризаторов эзотерики.

Благодаря мифу «культура знает небытие» [5]. Эту формулу позволили утвердить уже мифы Древнего мира, христианской культуры и не только, оперирующие трансцендентными понятиями и ценностями. Миф обеспечивает человеку представление о мире как образно-чувственной целостности. И на этом уровне нет ничего лишнего, нет ничего ненужного [6, с. 122], а значит, все возможно, все есть истина. Люди принимают информацию в той степени, в какой она согласуется с имеющимися у них мифами. При ощущении безысходности, неопределенности будущего, при отсутствии ориентиров ясность и четкость мифа выступает для человека догмой и заставляет верить в возможность чудес. Со стороны масс важна не вера в чудо, а готовность к тому, что чудо может совершиться. Ощущение чуда или его близости – необходимое состояние как мотив к действию. Сошлемся в этом вопросе на авторитет А. Ф. Лосева [7].

«Феномен чуда» имеет место как в традиционных религиях, так и в оккультных элементах эзотерической культуры [8]. Обе традиции указывают выходы из жизненных тупиков, когда действительность не позволяет человеку найти рациональный путь. Однако вместе с ростом спроса на эзотерику издания фиксируют падение продаж «религиозной литературы в

2021 году на 30%, тогда как в 2020 году оно составляло только 14%» [3]. В чем причина такой динамики? Жизнь человека в традиционных религиозных системах – постоянная духовная работа над собой, раскинутая во времени, погруженная во все сферы его бытия и дающая «невидимый» результат – совершенную личность. Атеистический период существования страны как объективный фактор, духовные потребности личности, ее воспитание и окружение – основные причины выбора населением в пользу эзотерических практик. Если говорить об оккультных традициях – их путь прост и понятен, не требует овладения нагруженным сложными смыслами учением, обращен к заветным желаниям личности. Скорость, в том числе в реализации чуда, – атрибут современности. Поэтому население востребует у эзотерики, как правило, понятные для личности системы, «работающие» на быстрый ответ мира в сложившейся неблагоприятной ситуации.

Заключение

Эзотерическая традиция сохраняет себя константой человеческой истории. Ее два вектора – интеллектуально-элитарный и вульгарно-маргинальный (оккультизм) – неизменно сопровождают человечество. В настоящее переходное время эзотерика испытывает к себе колоссальный интерес общества. Выход современным социумом в повседневном опыте на оккультные практики – путь реализации эзотерики сегодня. Однако использование ее истинных ценностей также весомо: они обеспечивают человеку комфортное психологическое состояние и уверенно входят в научную плоскость. Выбор человеком вектора эзотерических практик (оккультизм, элитарный интеллектуальный путь), на наш взгляд, зависит от степени страстного желания соприкоснуться с «другой» реальностью, степени возможности освоить ее (образованность адепта), а также определяется совпадением интеллектуальных усилий носителя тайнознания и мифоосновы эзотерической практики.

Функционирование эзотерической традиции в социуме – результат мифологизации массового сознания. Оно, обладая абсолютным синкретизмом с мифом, выходит за границы времени. Эта способность преодолевать временные рамки объясняется общностью мифологических мотивов в сознании людей разных исторических эпох. Миф – историческая память человека, что делает органичным сочетание мифологии и современности. Поэтому миф обращен именно в современность и в будущее: проясняет, чем

обеспечена стабильность существования, как люди могут ее потерять и что может помочь им жить. А здесь, в рамках, конечно же, архаического мышления эзотерика предложит свои варианты. Главным является способность мифа быть идеальной побудительной силой общественного поведения. Напомним: миф создает не разум, его вызывает к жизни некий аффект. Поэтому будет правильным предположить, что миф является истинным началом человеческих действий при обращении к ценностям эзотерической традиции.

Мифомышление соединяет в себе рациональное и иррациональное, ценности народной традиции с христианскими мотивами. Мифосознание благодаря такому синкретизму выступает гибкой системой, способной к модернизации во времени и пространстве. Это обеспечивает эзотерической традиции возможность выступать константой человеческого общества. Силой мифа является его возможность создавать человеку ощущение самоидентификации со своим народом, его традициями и историей. Благодаря мифу в этом аспекте обеспечивают себе место в культуре человечества, как правило, оккультные практики.

Миф предоставляет понятный пониманию каждому человеку язык общения с миром. Эзотерическая традиция, воспользовавшись мифомышлением, делает мир еще и управляемым. Эти позиции – понимать взаимосвязи мира, обеспечивать возможность «вхождения» в особую реальность, задающую тенденцию вселенским процессам и даже управлять в определенной степени ими личностным присутствием в эзотерической реальности – основополагающее в функционировании эзотерической культуры.

И наконец, феномен веры в чудо сохраняется в массовом сознании благодаря мифу. По скорости реализации, возможности коммерческой сделки на услугу, отсутствия требования личной ответственности и собственных духовных усилий человек для осуществления желаемого сделает выбор скорее в сторону оккультных практик, а не традиционной религии или интеллектуально-элитарных традиций эзотерики.

Таким образом, данная работа обозначила способы функционирования эзотерики в современной культуре, систематизировала основные аспекты связи мифа и массового сознания, которые выступают условием обеспечения эзотерической традиции статуса константы человеческого общества и ренессансного состояния ее в настоящем, а также ответила на вопрос о духовном состоянии современного социума.

Список литературы

1. Хазина А. В., Строганов Д. А. Магия оккультизма в религиозной ментальности эллинистического социума // Преподаватель XXI век. 2015. № 1–2. С. 255–263.
2. Чикарькова М. Ю. Реабилитация архаического религиозного сознания в современных контркультурных и антикультурных проектах // Культура как вид человеческого бытия и познания : сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. Л. А. Огородникова. Ишим : Издательство филиал «ТюмГУ», 2015. С.120–125.
3. Карма – источник знаний // Коммерсантъ: интернет-издание. 2022. 1 февр. № 17. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5193414> (дата обращения: 18.09.2022).
4. Иванов А. Г. Мифологема героя в структуре социального мифа // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 80–88. <https://doi.org/10.17223/15617793/441/11>
5. Конева В. А. Философия культуры и парадигмы философского мышления // Онтология культуры (Избранные работы). Самара : Издательство «Самарский университет», 1998. 195 с.
6. Ардашев Р. Г. Феноменология рационального и иррационального мышления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 120–124. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-120-124>
7. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М. : Мысль, 2001. 558 с.
8. Чечерина Н. Ю. Анализ концепции чуда в античной и православной традиции // Теология в научно-образовательном пространстве : задачи и решения : сборник статей региональной конференции (Екатеринбург, 22 октября 2020 г.). Екатеринбург : Миссионерский институт, 2021. С. 239–249.

References

1. Khazina A. V., Stroganov D. A. Magic and Occultism in Religious Mentality of the Hellenistic Society. *Prepodavatel XXI vek* [Teacher of the XXI century], 2015, no. 1–2, pp. 255–263 (in Russian).
2. Chikarkova M. Ju. The Rehabilitation of the archaic religious consciousness in modern countercultural and anti-cultural projects. In: L. A. Ogorodnikova, ans. ed. *Kultura kak vid chelovecheskogo bytija i poznaniya* [Culture as a kind of human existence and cognition. Collection of materials of the All-Russian scientific conference with international participation]. Ishim, Izdatel'skii filial "TyumGU", 2015, pp. 120–125 (in Russian).
3. Karma is a source of knowledge. *Kommersant: internet-izdanie* (Kommersant: online publication), 2022, 1 February, no. 17. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5193414> (accessed 18 September 2022) (in Russian).
4. Ivanov A. G. The mythologeme of the hero in the structure of the social myth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2019, no. 441, pp. 80–88 (<https://doi.org/10.17223/15617793/441/11>)
5. Konev V. A. Philosophy of culture and paradigms of philosophical thinking. In: *Ontologiya kul'tury (Izbrannyye raboty)* [Ontology of Culture (Selected works)]. Samara, Izdatel'stvo "Samsarskiy universitet", 1998. 195 p. (in Russian).
6. Ardashev R. G. Phenomenology of rational and irrational thinking. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 120–124 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-120-124>
7. Losev A. F. *Dialektika mifa* [Dialectic of Myth]. Moscow, Mysl Publ., 2001. 558 p. (in Russian).
8. Checherina N. Yu. Analysis of the concept of a miracle in the ancient and Orthodox tradition. In: *Teologija v nauchno-obrazovatel'nom prostranstve: zadachi i reshenija* [Theology in the scientific and educational space: Tasks and solutions. Collection of articles of the regional conference (Yekaterinburg, October 22, 2020)]. Ekaterinburg, Missionerskiy institute Publ., 2021, pp. 239–249 (in Russian).

Поступила в редакцию 06.09.2022, одобрена после рецензирования 14.09.2022, принята к публикации 17.10.2022
The article was submitted 06.09.2022, approved after reviewing 14.09.2022, accepted for publication 17.10.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 368–372

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 368–372

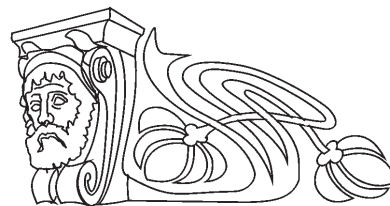
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-368-372>, EDN: FJYMNR

Научная статья
УДК 111+141.33

«Философская вера» и мистический опыт: конвергенция и дивергенция

Ю. М. Дуплинская¹✉, В. А. Фриауф²

¹Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

²Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дуплинская Юлия Михайловна, доктор философских наук, доцент кафедры философии, социологии, культурологии, duplinskayay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1990-6828>

Фриауф Василий Александрович, доктор философских наук, профессор кафедры теологии и религиоведения, friauf50@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6238-9144>,

Аннотация. Введение. Распространенная версия, что мистический опыт выявляет глубинное единство религиозных традиций, скрывающееся за внешним фасадом их различий, представляется спорной. **Теоретический анализ.** Сравнительный анализ выявляет, что сходство между разными традициями мистицизма выражает не квинтэссенцию религиозности как таковой, а лишь *конвергенцию в определенной фазе* эволюции религий. Мистицизм сопоставляется с вступлением религии в *феноменологическую фазу* развития. Мистика, как и философская феноменология, обращена к *опыту данностей сознания*. Феноменология формирует пространство встречи мистического опыта с опытом *философской веры*. Феноменологический опыт сродни «энергетическому минимуму» мистических состояний. Подобно состоянию тепловой смерти в термодинамике, это своего рода общий знаменатель, к которому устремлены все мистические традиции в процессе деволуции, а затем десакрализации. После мистико-феноменологической фазы религиозное сознание переориентируется от феноменологического Присутствия к эсхатологическому Пришествию, где вновь намечаются траектории дивергенции. **Заключение.** С позиций православной аскетики философская вера как феноменологическая версия мистицизма недостаточна, ибо сопряжена только с изменением сознания. Подлинный опыт богообщения в христианстве требует трансформации всего, в том числе плотного человеческого естества.

Ключевые слова: мистический опыт, феноменология, философская вера, православная аскетика

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44095 («Многообразие теологических, философских и научных подходов к постижению феномена христианского религиозно-мистического опыта: горизонты и пределы междисциплинарного синтеза»).

Для цитирования: Дуплинская Ю. М., Фриауф В. А. «Философская вера» и мистический опыт: конвергенция и дивергенция // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 368–372. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-368-372>, EDN: FJYMNR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

"Philosophical faith" and mystical experience: Convergence and divergence

Yu. M. Duplinskaya¹✉, V. A. Friauf²

¹Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politehnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

²Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yuliya M. Duplinskaya, duplinskayay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1990-6828>

Vasily A. Friauf, friauf50@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6238-9144>

Abstract. Introduction. The common version that mystical experience reveals the deep unity of religious traditions, hiding behind the external facade of their differences, seems controversial. **Theoretical analysis.** It is justified that the similarity between different traditions of mysticism does not express the quintessence of religiosity, as such, but only convergence in a certain phase of the evolution of religions. Mysticism is compared with the entry of religion into the phenomenological phase of development. Mysticism, like philosophical phenomenology, is turned to the experience of consciousness. Phenomenology forms the common space of meeting for mystical experience and the experience of philosophical faith. Phenomenological experience is similar to the "energy minimum" of mystical states. Like the state of heat death in thermodynamics, this is a kind of common denominator, at which all mystical traditions are aimed in the process of devolution, and then desacralization. After

the mystical-phenomenological phase, religious consciousness is reoriented from the phenomenological Presence to the eschatological Coming. Here the trajectories of divergence are again indicated. **Conclusion.** From the standpoint of Orthodox ascetics, the philosophical faith, as a phenomenological version of mysticism, is insufficient, because it is associated only with a change in consciousness. The true experience of God's message in Christianity requires the transformation of everything - including the flesh of human nature.

Keywords: mystical experience, phenomenology, philosophical faith, Orthodox ascetics

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project No. 21-011-44095 ("The diversity of theological, philosophical and scientific approaches to the realization of the phenomenon of Christian religious-mystical experience: horizons and the limits of interdisciplinary synthesis").

For citation: Duplinskaya Yu. M., Friauf V. A. "Philosophical faith" and mystical experience: Convergence and divergence. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 368–372 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-368-372>, EDN: FJYMNR

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В популярной версии мистический опыт выявляет глубинное единство всех религиозных традиций, скрывающееся за внешним фасадом их многообразия и различий. По словам А. Шimmel, мистицизм иногда сравнивают с «великим духовным потоком, проходящим через все религии» [1, с. 13]. Эта мысль аллегорически выражена в суфийской притче (мусульманская мистика). Многообразии религий сравнивается с отдельными кистями винограда. Но выжимая сок, мы получаем единую квинтэссенцию – вино суфизма! Так и квинтэссенцией всех религий считается мистический опыт.

Взгляд мистика усматривает единство там, где обычно видятся различия. А взгляд аналитика, напротив, нацелен на выявление различий там, где обычно усматривается единство. Тезис о совпадении всех мистических традиций представляется спорным. Например, вряд ли можно ли вести речь о тождестве между «трезвением духа» православной аскетике и «вином суфизма», где мистические состояния передаются в метафорах опьянения, равно как и экстазом мистического эротизма бхакти и тантры. Мистический опыт католиков также не лишен эротического оттенка, что в православной аскетике клеймится как признак «прелести духовной».

Теоретический анализ

Черты сходства между мистическими традициями выражают, на наш взгляд, не квинтэссенцию религиозности как таковой, а лишь *конвергенцию в определенные периоды эволюции религий*. Проводя параллель с развитием философии, *появление мистики можно сопоставить с возникновением феноменологического направления в философии: мистика, как и философская феноменология, обращена к опыту непосредственных данностей сознания.*

Символично, что феноменологическое направление в философии появляется как попытка обретения в опыте данностей сознания некоей точки опоры (истины, «строгой науки», почвы, родины и, наконец, Бога) после того, как точка опоры, заметим, *была утрачена* там, где ее находили прежде. Аналогично возникновение мистицизма знаменует собой *сокрытие* Божественного присутствия в мире после предшествующего периода Откровения – открытого присутствия Бога. Ключевой фигурой периода Откровения был не мистик, а *свидетель*: пророк и апостол. В этот период, в отличие от мистицизма, не человек ищет Бога, а Сам Бог находит человека, даже если человек пытается скрыться от Него (как Иона в чреве кита). Подчеркнем: в период Откровения – открытого присутствия Бога – не идет речи ни о единстве, ни о слиянии религий. Напротив, акцент делается на их *уникальности*. Причем не только в национальных, даруемых «избранному народу» (иудаизм), но и мировых религиях, которые являют себя как «безумие» и «соблазн» для всех остальных (христианство), или объявляют джихад «неверным» (ислам). Лишь в период появления мистицизма имеет место своего рода конвергенция и возникает соблазн сфокусироваться на сходстве между хасидизмом (иудаизм), суфизмом (ислам), исихазмом (христианство) и медитативными практиками Востока (техниками мантр, зикра и Иисусовой молитвы). В этом контексте правомерно утверждать, что данное сходство является лишь *видимостью* единства, возникающей в период «сумерек» – сокрытия Бога. Сходные демаркации, хотя и менее явно, отслеживаются между ведическими и неведическими (буддизм) традициями Индии. В традициях, опирающихся на авторитет Откровения («шрути», т. е. «услышанное»), акцент делался на неравенстве каст в возможности толкования Вед. В буддизме же, переориентирующемся к опыту данностей сознания, кастовое, как и всякое прочее неравенство между находящимися

в сансаре существами, стирается (параллели между периодами в развитии разных религий мы более детально проанализировали ранее [2]).

Феноменология формирует *общую территорию встречи* не только для религий, но и мистического опыта с опытом *философской веры*. Заметим, что феноменологическая философия как таковая уходит корнями в традицию мистицизма. Культура, даже десакрализованная, всегда более или менее явно сохраняет в себе крипторелигиозный подтекст. Равным образом в феноменологии можно видеть некий редуцированный, десакрализованный и рационализированный мистицизм, проросший в культуре XX–XXI вв. на философской почве. Параллели между феноменологической философией и античными, равно как и буддийскими практиками «очищения ума», довольно прозрачны. Сходство феноменологического метода с практиками христианского аскетического опыта менее очевидно. Однако и здесь просматривается параллель между *феноменологическим $\epsilon\pi\omicron\chi\eta$ и борьбой со страстями и помыслами в христианстве*, между *феноменологической редукцией* и очищением души *покаянием* и, наконец, между *поворотом от «естественной» к «феноменологической» установке сознания и метанойей* – изменением ума, разворачивающим человека к Богу.

В XX в. в рамках феноменологического направления философия открывает опыт *философской веры*, где «Бог философов» встречается с личностным Богом авраамических религий. Термин «философская вера» введен К. Ясперсом [3]. В опыте философской веры Бог открывается в ряду тех очевидностей, которые всегда присутствуют в сознании, но не замечаются нами лишь по причине ненадлежащей фокусировки умственного взора. Философская вера обретается в акте «поворота ума», выявляющего то, что ранее неявно присутствовало в душе. В этом ряду – эпистрофе (поворот ума) и концепции познания как анамнезиса (припоминания) в платонизме. В этом же ряду – мысль Аврелия Августина о том, что душа не могла бы искать Бога, если бы Он уже не присутствовал в душе. В философии XX в. сходные идеи высказываются как С. Франком, так и М. Хайдеггером. По словам С. Франка, я могу искать «только потому, что я ищущий, более того – сам есмь искомое» [4, с. 200]. Ответ на поставленный вопрос обретается в той ясности, что открывается в самой ситуации вопрошания. Вопрос о первооснове всегда «таков, что он уже сам есть ответ на себя самого, ибо первооснова есть условие самого вопроса»

[5, с. 449]. Поэтому «то, что вынуждает нас искать Бога вне нас, есть присутствие и действие Бога в нас» [4, с. 187]. Здесь же – переключка Франка и Хайдеггера в интенциях обретения духовной родины, выхода из ситуации изгнания и пребывания на чужбине, коим является для души мир повседневности, ибо если человек «чувствует себя изгнанником, не имеющим подлинного приюта в этом мире, то это и значит, что у него *есть* родина в иной сфере бытия» [4, с. 183].

Причем философская вера может приводить не только и не исключительно к тому Богу, которого принято называть «Богом философов». Под «Богом философов» понимается умопостигаемый безличный абсолюте, мыслящийся в качестве первоисточка всего сущего. «Бог философов» – это Бог Плотина, Бог Декарта, Бог Спинозы. Р. Декарт полагал, что интеллектуальная достоверность Бога превосходит математическую, и доказывал существование Бога с точностью математической теоремы. Однако в философии XX–XXI вв. в опыте философской веры происходит встреча с другим Богом: Богом – Личностью, который открывается человеку в акте экзистенциальной коммуникации. И этот Бог имеет несомненное сходство с личностным Богом авраамических религий.

В рамках феноменологического направления концепция интенциональности переходит в тему экзистенциальности – экзистирования и самотрансценденции человеческого существа. С очевидностью феноменологической достоверности констатируется: быть человеком – значит быть обращенным к Иному, нежели человек. Если все прочие существа (зверь, ангел, Бог) «суть то, что они суть» (М. Хайдеггер), то «суть» человека обретается только в самотрансценденции – выходе за свои пределы и обращении к Иному. Здесь также имеет место переключка идей западной и русской философии (С. Франк, Э. Левинас, М. Бубер). «Тайна души как личности заключается именно в этой ее способности возвышаться над собой, быть по ту сторону самой себя» [5, с. 409]. В спектре версий Иного как горизонта человеческой самотрансценденции открывается и Бог. Уже не Бог как Единое, но Бог как Другой (Э. Левинас); не «он», а «Ты» (М. Бубер), к Которому можно обращаться только в «звательном падеже», «не в речи о божестве, но в словах, обращенных к Богу» [5, с. 469]. К. Ясперс, впрочем, суть философской веры усматривает в феноменологическом *$\epsilon\pi\omicron\chi\eta$ опыта трансценденции*: под именами Богов скрываются лишь *шифры трансценденции*, которая не может мыслиться позитивно.

В процитированном суждении С. Франка вопрос о первооснове «уже сам есть ответ на

себя самого», и утвердительный ответ на вопрос о Боге вытекает из факта постановки данного вопроса – просматривается след архетипа, связанного с мистической традицией авраамических религий. Ярко выражен он в мусульманской мистике. Так, сюжет стихотворения Д. Руми повествует о человеке, который без сна и отдыха взывал к Аллаху, не получая от Него ответа, на что ему с насмешкой и указал Шайтан. Человек оставил усилия. Но во сне ему явился Хизр и объяснил, что тоска по Богу, побуждающая в страстном стремлении взывать к Нему – уже и есть ответ Бога молящемуся. Молитва, остающаяся без ответа, в суфийской мистике расценивается как свидетельство большей любви Бога к молящемуся, нежели молитва, приводящая к немедленному результату. Данный парадокс суфии объясняли так: Бог не отвечает на молитву, поскольку хочет дольше слушать тех, кого Он любит. И сразу отвечает на молитву того, кто Ему противен, «точно так же, как дают кусок хлеба безобразному старому нищему, когда хотят, чтобы он поскорее ушел от дверей» [1, с. 129].

В этом мистическом архетипе *факт переживания отсутствия* Бога и тоска по Нему расцениваются как некий *способ присутствия* Бога в душе. Этот архетип воспроизводится в своеобразном «доказательстве бытия Божьего» С. Франком. Как всякое отрицание возможно на фоне утверждения, так и ощущение себя изгнанником, не имеющим приюта в мире повседневности, есть свидетельство существования другой – духовной родины. Так и наша неудовлетворенность миром, наша способность замечать отсутствие в нем высших духовных ценностей и смыслов свидетельствует о присутствии в душе Бога как высшей реальности. «В области духовной и абсолютной реальности мы имеем и все то, чего нам недостает, ибо, не имея его, мы не могли бы и сознавать его отсутствия. Весь трагизм лишения вырастает сам в конечном счете из покоя невидимого, неосознанного обладания» [5, с. 446]. Аналогичная схема рассуждений воспроизводится в известном обосновании П. Тиллиха акта «абсолютной веры» как последнего прибежища для тех, кто утратил веру и опору в жизни.

С позиций христианской аскетики любая феноменологическая версия мистического опыта недостаточна, поскольку феноменология сопряжена только с изменением сознания. Подлинный же опыт богообщения в христианстве требует большего: трансформации всего, в том числе «плотного» – человеческого естества. Как пишет И. Ильин, религиозный опыт «сердечного

созерцания» сопряжен с формированием некоего «нового, чудесного органа» – «органа духа», который открывает человеку новые возможности познания и жизни [6, с. 391]. В русле энергийного дискурса паламитского богословия энергий феноменологический опыт можно уподобить «энергетическому минимуму» мистических состояний, что, подобно состоянию тепловой смерти в термодинамике, являет своего рода общий знаменатель, к которому устремлены все мистические традиции в процессе деволуции, а затем и десакрализации. Перефразируя приведенную притчу, из всех мистических традиций можно выжать не «вино суфизма», а феноменологию сознания.

Итак, на почве феноменологии произошла конвергенция мистицизма с опытом философской веры. Но это была лишь «встреча на перекрестке», после которой намечаются траектории последующей дивергенции. От феноменологии Присутствия (вскрываемого в недрах отсутствия) религиозное сознание переориентируется к ожиданию Пришествия, что согласно эсхатологическим пророчествам отнюдь не обещает быть объединением религий. Напротив, Калки будет воевать с буддистами, Махди – с евреями, которые встанут на сторону Дадджала. А если вести речь о христианстве и иудаизме, тут и вовсе Мессия одной религии воспринимается как Лжемессия в другой. Что касается слияния религий, которое сегодня имеет место на почве неомистицизма и неоокультизма, против уже ополчаются все традиционные религии, усматривая в этом *контринициацию* (Р. Генон) или религию Антихриста (христианство).

После «встречи на перекрестке» феноменологии происходит дивергенция мистицизма и с опытом философской веры. В наиболее радикальных версиях здесь также совершается переориентация от феноменологического Присутствия к эсхатологическому Пришествию. М.Хайдеггер в поздний период творчества делает вывод, согласно которому в эпоху богооставленности не мы должны искать Бога, а ждать, что Он найдет нас, если пожелает нас найти. Но чаемый Хайдеггером Бог мыслится как Неведомый Бог – не Тот, пришествия Которого ждут христиане. Далее от философской веры остается трассирующий, постепенно угасающий след. От экзистенциальной драмы переживаемого отсутствия, свидетельствующей о парадоксальном присутствии Бога в душе (С. Франк, П. Тиллих), – к экзистенциальной драме отсутствия, но уже без Бога; к экзистенциальной переступания пределов, которое никогда не приведет к Запредельному (Ж.-П. Сартр, А. Камю), затем – к отсутствию,

но уже без экзистенциальной драмы: к «теплой смерти» отсутствия трансцендентального означаемого в постметафизической философии.

Заключение

Проводится параллель между религиозными мистическими традициями и феноменологическим направлением в философии, что допускает возможности конвергенции мистицизма с опытом философской веры. Констатируются флуктуации философской веры: между «Богом философов», существование которого доказывается с точностью математической теоремы, и Богом Личностью, Который открывается в экзистенциальной драме разрыва с Ним. В этих флуктуациях отслеживается альтернатива двух мистических архетипов: 1) мистический опыт *растворения*, где личность без остатка исчезает в Божественном Абсолюте. В таком опыте исчезает не только личность, но и Бог, поскольку Богом Он является только в отношении к Его творениям. Сам же для себя Он не Бог, но Божество (М. Экхарт); 2) мистический опыт *разрыва*, что является парадоксальным способом встречи с Богом. В таком опыте Бог открывается как Сверхличность, а душа открывает предельную основу своего бытия в отрицательных предикатах отсутствия, лишенности, разрыва. Мистические переживания здесь достигаются в экстриме нагнетания драмы от разъединения с Богом, которая парадоксальным образом оборачивается соединением с Ним. Так, «Бог философов» в феноменологическом опыте философской веры парадоксальным образом соединяется с Богом иудаизма, минуя христианского Бога, ибо христианский опыт синергического соединения с Богом не принадлежит ни к первому архетипу, ни ко второму, а выводит из ограничений указанной альтернативы. По словам св. Василия Великого, человек есть тварь, получившая повеление стать богом. По словам св. Максима Исповедника, тем, что Пресвятая Троица есть по *природе*, человек может стать по *благодати*: стать «тварным богом», после несотворенного Бога. Таким образом, в отличие от мистицизма второго типа в христианском опыте разрыв преодолевается преобразованием и «обожением» (феозисом) твари. В отличие от мистицизма первого типа, такое соединение с Богом является не растворением в Божестве, а синергией – совместным действием двух волей: Божественной и человеческой.

Поступила в редакцию 08.04.2022, одобрена после рецензирования 20.04.2022, принята к публикации 17.10.2022
The article was submitted 08.04.2022, approved after reviewing 20.04.2022, accepted for publication 17.10.2022

Список литературы

1. Шиммель А. Мир исламского мистицизма / пер. с англ. Н. И. Пригариной, А. С. Раппопорт. М. : Алетейа ; Энигма, 1999. 416 с.
2. Дуплинская Ю.М. Трансформации религиозного сознания: откровение, метафизика, феноменология // Церковь, Образование, Наука: история взаимоотношений и перспективы сотрудничества: материалы VIII межрегиональных Пименовских чтений. Саратов : Издательство Саратовской митрополии, 2011. С. 358–365.
3. Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. : Издательство политической литературы, 1991. С. 420–508.
4. Франк С. Реальность и человек. М. : АСТ, 2007. 382 с.
5. Франк С. Непостижимое // Франк С. Сочинения. М. : Правда, 1990. С. 183–559.
6. Ильин И. Путь к очевидности // Ильин И. Путь к очевидности. М. : Республика, 1993. С. 290–403.

References

1. Shimmel A. *Mystical Dimensions of Islam*. Chapel Hill [N.C.]: The University of North Carolina Press, 1975. 512 p. (Russ. ed.: Shimmel A. *Mir islamskogo mistitsizma*. Moscow, Aleteya, Anigma Publ., 1999. 416 p.).
2. Duplinskaya Yu. M. Transformations of religious consciousness: Revelation, metaphysics, phenomenology. *Tserkov, Obrazovaniye, Nauka: istoriya vzaimootnosheniy i perspektiva sotrudnichestva: materialy VIII mezhregionalnykh Pimenovskikh chteniy* [Church, Education, Science: The history of relations and prospects for cooperation: Materials of the VIII Interregional Pimenov readings]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskoi Mitropolii, 2011, pp. 358–365 (in Russian).
3. Jaspers K. *Der Philosophische Glaube. Fünf Vorlesungen*. München/Zürich: Artemis, 1948. 158 p. (Russ. ed.: Jaspers K. *Filosofskaya vera*. In: Jaspers K. *Smysl i naznacheniy istorii*. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1991, pp. 420–508).
4. Frank S. *Realnost i chelovek* [The Reality and a Man]. Moscow, OOO AST Publ., 2007. 382 p. (in Russian).
5. Frank S. *Nepostizhimoye* [Incomprehensible]. In: Frank S. *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 183–559 (in Russian).
6. Ilyin I. *Put k ochevidnosti* [The Way to the Obvious]. Moscow, Respublika Publ., 1993, pp. 290–403 (in Russian).

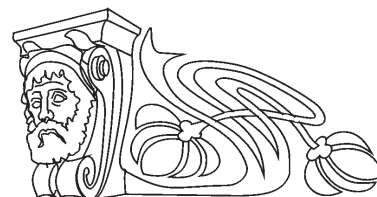

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 373–376
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 373–376
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-373-376>, EDN: ITLPMS

Научная статья
УДК 261.7

Современные теории секуляризации и перспективы светско-религиозного диалога

А. В. Иванов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Иванов Андрей Валерьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии, ivanowaw@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8840-7937>

Аннотация. Введение. В статье анализируются современные философские дебаты о соотношении светского и религиозного мировоззрения. Рассмотрены новейшие формы постсекуляризации как развития религиозных общин в постоянно секуляризирующейся среде, выявлены ее основные измерения: деинституционализация религиозного образа жизни, индивидуализация веры, развитие новых социальных форм. **Теоретический анализ.** Главная предпосылка исследования заключается в том, что существующие подходы не только противоречивы, но и имеют ограничения для конструктивного осмысления перспектив светско-религиозного диалога. На основе дискурсивной теории рассматривается рационально-дискурсивная и релятивистско-конвенциональная стратегия диалога. Как полагает Ю. Хабермас, представители и религиозного, и светского мировоззрения должны учиться друг у друга, а религия должна быть «переведена» на рациональный язык секулярной культуры, нейтрализуя ее наиболее опасные компоненты. В целом соглашаясь с Хабермасом, Тейлор утверждает, что секуляризм – это основной способ обращения с разнообразием религиозных и нерелигиозных мировоззрений в условиях современности. В то же время Дж. Милбанк считает проблематичным эссенциализацию секулярного разума. В **заключении** обсуждаются перспективы светско-религиозного диалога в контексте российской культуры. Суть этой модели в поиске компромисса между крайностями догматической веры и светского разума.

Ключевые слова: религия, дискурс-анализ, диалог, секуляризм, постсекулярное общество, теология

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44127.

Для цитирования: Иванов А. В. Современные теории секуляризации и перспективы светско-религиозного диалога // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 373–376. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-373-376>, EDN: ITLPMS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Recent theories of secularization and perspectives of secular-religious dialogue

A. V. Ivanov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Andrey V. Ivanov, ivanowaw@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8840-7937>

Abstract. Introduction. The article examines the current philosophical debates about the relationship between secular and religious worldviews. The article outlines recent forms of postsecularization as the continued existence of religious communities in a continually secularizing environment, identifying its main dimensions: the deinstitutionalization of the religious lifestyle, the individualization of faith, and the development of new social forms in the religious field. **Theoretical analysis.** The central premise of the study is that existing approaches are not only controversial, but have their limitations to describing perspectives of secular-religious dialogue in a constructive way. On the basis of the discursive approach rational-discursive and relativistic-conventional strategies of secular-religious dialogue are identified and discussed. In this context, J. Habermas suggests that religion and secular worldviews have to learn from each other, and religion has to be “translated” into the rational language of secular culture, neutralizing its most dangerous components. At the same time, J. Milbank finds the essentialization of secular reason problematic. In **conclusion**, perspectives of secular-religious dialogue in the context of Russian culture are discussed. The essence of this model consists in the search for a compromise between the extremes of dogmatic faith and secular reason.

Keywords: religion, discourse analysis, dialogue, secularism, postsecular society, theology

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 21-011-44127.

For citation: Ivanov A. V. Recent theories of secularization and perspectives of secular-religious dialogue. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 373–376 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-373-376>, EDN: ITLPMS
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Начиная с 50-х гг. прошлого века проблема секуляризации служит объектом резонансных научных дискуссий, итогом которых стало формирование теорий *секулярного, постсекулярного и десекулярного общества* [1]. По мнению П. Бергера, в современной науке образ религии стремительно поляризуется, в результате чего формируется два несовместимых дискурса о религии – светский релятивизм и религиозный фундаментализм [2]. С одной стороны, секулярный релятивизм исходит из представления о религии как исключительно имманентном феномене культуры, который в ходе развития закономерно утрачивает свою мировоззренческую исключительность, при этом его относительность становится все более очевидной в условиях глобализации. С другой стороны, секулярному релятивизму противостоит фундаментализм с его субстанциалистским пониманием религии как высшей сферы человеческого духа, средоточия высших ценностей и истин, имеющих трансцендентную и надисторическую природу. Все это не только создает необходимость теоретического анализа феномена секуляризации, но и становится предпосылкой возникновения проблемы религиозно-светского диалога представителей полярных течений.

Теоретический анализ

Глобальная секуляризация как объективный процесс, включающий в себя, согласно Ч. Тейлору, институциональное разделение церкви и государства, «приватизацию религии» и превращение религии в сферу индивидуального выбора, формирование «религиозного плюрализма», предполагающего утрату религией доминирующей роли регулятора всех социальных отношений, в условиях позднего модерна все больше сталкивается с противоположными тенденциями, такими как возрождение религиозных верований, возвращение религии в публичное пространство, а также снижение прежней значимости научной рациональности и секулярных практик [3, р. 31]. Вместе с тем постсекулярное состояние общества не тождественно возвращению в домодерное состояние сакрального социального порядка. Будучи побочным результатом секуляризации, оно становится причиной кризиса традиционных религий и формирования альтернативных форм внеконфессиональной религиозности, которые стремительно вторгаются в духовное пространство личности и становятся причиной

широкого распространения различного рода духовных практик, граничащих с язычеством. И в этом, как указывал Ю. Хабермас, «в постсекулярном социуме складывается признание того обстоятельства, что “модернизация общественного сознания” охватывает при переходе к новой фазе как религиозный, так и светский менталитет и рефлексивно видоизменяет их» [4, с. 68]. Однако, как утверждает немецкий теолог Ханс-Иоахим Хён, применительно к современным странам Запада диагноз о возвращении религии в публичное пространство оказывается несколько преувеличенным, «при этом ни религиозные институты, ни их представители не способны вновь оказывать прежнее влияние на секуляризованные области социума, также не приходится говорить о возрождении религии в более широкой сфере повседневного поведения индивидов» [5, S. 65]. Более того, сами религиозные организации, как указывает Х. Казанова, интегрируясь в структуру современного общества, становятся неотъемлемым продолжением секулярных тенденций и способствуют процессам модернизации [6, р. 216].

С другой стороны, наряду с дискурсом постсекулярного общества в современных социально-гуманитарных науках формируется также и теория десекуляризации. Наиболее ярко эта позиция фиксируется в теологии «радикальной ортодоксии» британского философско-теологического направления, представители которого выступают против секулярной современности с ее монопольными правами на формирование парадигмальной картины мира (Дж. Милбанк, Г. Ворд) [7]. Многие тезисы и утверждения в трудах основателя данного интеллектуального движения Дж. Милбанка перекликаются с идеями современной российской религиозно-консервативной мысли [8].

Оценивая возможность преодоления противоречий между светским и теологическим направлениями, можно предполагать, что в процессе религиозно-светского диалога возможны как минимум две стратегии, одна из которых базируется на принципах философии модернизма, а вторая условно тяготеет к «постмодернистскому» направлению. Как пишет Д. Узланер, «модерная стратегия заключается в стремлении сохранить за наукой приоритетный эпистемологический статус, то есть статус общедоступного универсального языка, на котором должна проходить любая публичная дискуссия» [1, с. 224].

В частности, с точки зрения Ю. Хабермаса, конструктивное взаимодействие конкурирующих мировоззренческих и ценностных ори-

ентаций, в том числе религиозных, более не может быть достигнуто на основании каких-либо заранее установленных метафизических принципов, а само согласие возникает как незапланированный результат рациональной дискуссии. Основная трудность видится в том, что модернистская теория излишним образом абсолютизирует значение секулярного разума и преувеличивает роль ценностных различий. Консенсус в качестве принципа интегративности действует конструктивным образом в сфере политики и права, а также в иных сферах светской жизни, однако с помощью секулярного дискурса невозможно устранить все противоречия в сфере религиозной этики, так как в процессе дискуссии всегда существует проблема переводимости языка теологии на язык рациональных аргументов. Другим недостатком модернистской теории можно считать уверенность ее представителей в том, что в современном мультикультурном обществе любая субстанциалистская ценностная система, претендующая на общезначимость, явилась бы нарушением принципов либерального общества, следовательно, единство всегда относительно и базируется на процедурной основе.

В связи с этим на горизонте дискуссии о постсекулярном обществе возникает альтернативная постмодернистская стратегия, исходящая из принципов конвенциональности и релятивизма, сторонники которой оспаривают приоритетность светского мышления перед религиозной эпистемологией, что открывает перспективы критики последней с теологических позиций. В частности, Дж. Милбанк как сторонник радикальной ортодоксии, используя методы постмодернистской теории для анализа феномена секулярности, утверждает, что светский дискурс не просто заимствует религиозные элементы, а сам фактически возникает как периферийный феномен в рамках теологического мышления, поэтому в настоящее время он выступает скорее «неязыческим», чем просто «антирелигиозным» явлением. Снятие «завесы сакральности» с феномена секулярности открывает пространство для радикальной деконструкции светской культуры как таковой. По мнению Милбанка, после того, как секуляризм будет деконструирован, останется только нигилизм. С этической точки зрения, нигилизм – это вера в то, что не существует объективных моральных ценностей, с экономической точки зрения – это вера в то, что товары не имеют присущей им объективной ценности, следовательно, их стоимость может быть любой, в зависимости от спроса и предложения. Метафизический нигилизм – это

вера в то, что ничто не является истинным. Для Милбанка нигилизм – это окончательное выражение онтологии насилия, имплицитно присутствующей в светской социальной теории. Христианство может преодолеть это насилие, потому что оно «истолковывает бесконечность не как хаос, а как порядок, преисполненный внутренней гармонии, источник которого находится за пределами ограничивающей силы любого тотализирующего разума» [7, р. 5].

Заключение

Анализируя возможности реализации указанных стратегий в условиях российского общества, нужно учитывать следующее.

Во-первых, данные стратегии являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими тенденциями, которые в равной степени можно наблюдать в современных обществах.

Во-вторых, на возможность их реализации влияют различные институциональные и культурные факторы. Соответственно, принимая в качестве базовой модели идею приоритетности современной стратегии применительно к российскому обществу, следует учитывать возможные ограничения ее реализации, которые определяются социальной, культурной и исторической спецификой. Противоречивость русской культуры, а также радикальность секуляризационных процессов в российской истории делают переход к модели компромисса между светским и религиозным мировоззрением важнейшим приоритетом ее будущего развития. Однако нахождение общего основания между светским и религиозным мировоззрением в российских реалиях представляется непростой задачей, поскольку религиозное и светское мировоззрение исторически рассматривались как элементы бинарной системы, противостоящие друг другу. Как подчеркивает М. Эпштейн, попытка преодоления данного противоречия, предпринятая в прошлом выдающимися мыслителями русской философии Серебряного века в рамках апокалиптических систем, не решала в полной мере указанной проблемы, поскольку мышление русских философов «опьяняется этим грядущим единством и упраздняет трезвое различие между религией и обществом, тем самым пресекая саму возможность секуляризации» [9, с. 179].

На основании анализа представленных источников можно сделать вывод, согласно которому отдельные теоретические построения русских религиозных философов во многом созвучны рассуждениям представителей современной радикальной ортодоксии. Несмотря

на фундаментальные различия теоретических взглядов русских и западных философов их сближают радикальный антисекуляризм и стремление выйти за ограниченные рамки рационалистического мышления. В то же время утопичность подобного подхода превращается в источник потенциальных мировоззренческих антагонизмов и социальных конфликтов уже в контексте настоящего.

С этой точки зрения вполне логично обращение к другой альтернативной модели, где взаимодействие представителей различных мировоззрений обеспечивается в пространстве гражданского диалога, который, не устраняя в целом имеющихся противоречий, одновременно обеспечивает институциональные условия для их постепенного сближения и предотвращает дальнейшее раскручивание спирали мировоззренческих противоречий. Таким образом, реализация модели консенсуса в условиях российского постсекулярного общества должна отталкиваться от специфики российской ментальности, культуры и осуществляться в направлении постепенного перехода от постмодернистской модели к модели рационального консенсуса.

Список литературы

1. Узланер Д. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке М. : Издательство Института Гайдара, 2020. 416 с.
2. Berger P. L. Introduction: Between Relativism and Fundamentalism // *Between Relativism and Fundamentalism: Religious resources for a middle position* / ed. by P. L. Berger. Cambridge, UK: William B. Eerdmans, 2010. P. 1–13.
3. Taylor Ch. Modes of Secularism // Bhargava R., ed. *Secularism and its Critics*. New Dehli: Oxford University Press, 1998. P. 31–53.
4. Хабермас Ю., Ратцингер (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии / пер. с нем. М. : Библейско-Богословский институт св. Апостола Андрея, 2006. 112 с.
5. Höhn H. Postsäkulare Gesellschaft? Aktualität und Relevanz einer Theorie religiöser Dispersion // *Transformation religiöser Symbole und religiöser Kommunikation in der Diaspora. Sozialpsychologische und religionssoziologische Annäherungen an das Diskursfeld Islam in Deutschland*. Wiesbaden : Springer, 2018. S. 65–80.
6. Casanova J. *Public Religions in the Modern World*. Chicago : University of Chicago Press, 1994. 330 p.
7. Milbank J. *Theology and Social Theory: Beyond Secular Reason*. Oxford : Blackwell Publishing Ltd, 2006. 443 p.
8. Белжеларский Е. А. Истоки и смысл имманентистского дискурса в контексте радикальной ортодоксии Джона Милбанка // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2017. Т. 18, № 1. С. 194–203.
9. Эпштейн М. Н. Религия после атеизма. Новые возможности теологии. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. 416 с.

References

1. Uzlaner D. *Postsekulyarnyy povorot. Kak myslit o religii v XXI veke* [The Post-Secular Turn. How to Think about Religion in the XXI Century]. Moscow, Publishing House of the Gaidar Institute, 2020. 416 p. (in Russian).
2. Berger P. L. Introduction: Between Relativism and Fundamentalism. In: P. L. Berger, ed. *Between Relativism and Fundamentalism: Religious resources for a middle position*. Grand Rapids, MI; Cambridge, UK, William B. Eerdmans, 2010, pp. 1–13.
3. Taylor Ch. Modes of Secularism. In: Bhargava R., ed. *Secularism and its Critics*. New Dehli, Oxford University Press, 1998, pp. 31–53.
4. Habermas J., Cardinal Joseph Ratzinger. *Dialektik der Säkularisierung: Über Vernunft und Religion*. Freiburg im Breisgau, Verlag Herder, 2005. 64 S. (Russ. ed.: Khabermas Yu., Rattsinger (Benedikt XVI). *Dialektika sekulyarizatsii. O razume i religii*. Moscow, Bibleysko-Bogoslovskiy institut svyatogo apostola Andreyana Publ., 2006. 112 p.
5. Höhn H. Postsäkulare Gesellschaft? Aktualität und Relevanz einer Theorie religiöser Dispersion. In: *Transformation religiöser Symbole und religiöser Kommunikation in der Diaspora. Sozialpsychologische und religionssoziologische Annäherungen an das Diskursfeld Islam in Deutschland*. Wiesbaden, Springer, 2018, S. 65–80.
6. Casanova J. *Public Religions in the Modern World*. Chicago, University of Chicago Press, 1994. 330 p.
7. Milbank J. *Theology and Social Theory: Beyond Secular Reason*. Oxford, Blackwell Publishing Ltd, 2006. 443 p.
8. Belzhelarskiy E. A. Sources and sense of the immanentist discourse in the context of radical orthodoxy of John Milbank. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Review of the Russian Christian Academy for the Humanities], 2017, vol. 18, no. 1, pp. 194–203 (in Russian).
9. Epshteyn M. N. *Religiya posle ateizma. Novye vozmozhnosti teologii* [Religion After Atheism. New Possibilities of Theology]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2013. 416 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 27.08.2022, одобрена после рецензирования 03.09.2022, принята к публикации 17.10.2022
The article was submitted 27.08.2022, approved after reviewing 03.09.2022, accepted for publication 17.10.2022

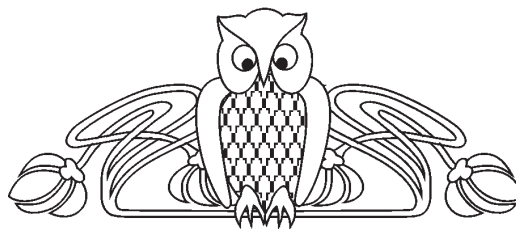

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 377–381
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 377–381
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-377-381>, EDN: JFSDAE

Научная статья
УДК 141.153

Генезис феномена риска: исследовательские нарративы

Д. Н. Конаков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Конаков Дмитрий Николаевич, соискатель кафедры философии культуры и культурологии, konakovdn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8573-2256>

Аннотация. Введение. В статье рассматривается многоаспектность исследования феномена риска и сопряженных с ним категорий рискогенных ситуаций, безопасности с позиций социальной рискологии. **Теоретический анализ.** В настоящее время распространен подход к анализу феномена риска с позиций экономической теории, что обосновывается особенностями механизма рыночного хозяйствования. Динамизм современного общества актуализировал потребность в системном подходе к рискогенному потенциалу социума. Социально-философский нарратив изучения риска как источника возможностей, ситуативности, конструирования жизненных стратегий и социальных практик открыл новые исследовательские возможности для реализации теории и эмпирических методов социального управления в условиях общества риска. В социальной рискологии в конце XX в. сложились конструктивистский и реалистический подходы. Сходство ключевых позиций анализа феномена риска в работах Э. Гидденса, Н. Лумана, У. Бека с воззрениями экономистов состоит в признании учеными важной роли сферы производства, рыночных структур как источника рискогенных ситуаций. Ученые расширили исследовательское поле рискологии, обосновав принципы глобализации как верификации риска в качестве неотъемлемого фактора социальной динамики современного общества. **Заключение.** Социально-философское осмысление феномена риска актуализировалось в условиях пандемии, повлиявшей на трансформацию ценностной шкалы глобализации сквозь призму категории безопасности с позиций социальной рискологии.

Ключевые слова: риск, социальная рискология, социальная динамика, социальная система

Для цитирования: Конаков Д. Н. Генезис феномена риска: исследовательские нарративы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 377–381. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-377-381>, EDN: JFSDAE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The genesis of the risk phenomenon: Research narratives

D. N. Konakov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Dmitriy N. Konakov, konakovdn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8573-2256>

Abstract. Introduction. The article considers the multidimensional research of the phenomenon of risk and the associated categories both of risk-generating situations and safety from the standpoint of social riskology. **Theoretical analysis.** The economic researches of the risk phenomenon are widespread. They are considered by most authors as a consequence of the market mechanism. The dynamism of modern society has actualized the systematic approach to the analysis of the society's risk potential from the social philosophic point. The social philosophic research of risk as a source of opportunities, situational nature, the construction of life strategies and social practices has opened up new research opportunities for the synthesis of theory and empirical methods of social management in a risk society. Constructivist and realistic approaches were developed in social riskology at the end of the XX century. The key positions in the works of E. Giddens, N. Luhmann, W. Beck coincide with the economists' recognition of the important role of production and market structures as a source of modern risk. At the same time, scientists have expanded the research field of riskology, having substantiated the globalization's principles. This approach verifies risk as an integral factor of the social dynamics of modern society. **Conclusion.** The socio-philosophical understanding of the phenomenon of risk has been actualized during the pandemic, which influenced the transformation of the value scale of globalization through the prism of the category of safety from the social riskology's standpoint.

Keywords: risk, social riskology, social dynamism, social system

For citation: Konakov D. N. The genesis of the risk phenomenon: Research narratives. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 377–381 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-377-381>, EDN: JFSDAE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Социальные, экономические, культурные, политические факторы развития цивилизации в эпоху глобализма позволили сформулировать в последние десятилетия один из важнейших тезисов социальной философии и социальной практики: риск – это неотъемлемая характеристика динамики жизненного пространства социума и экзистенциальных условий духовного мира современного человека. Поляризация геополитических интересов значимых акторов мировой политики, рост обоснованности национальных властных инициатив и решений централизованного характера в контексте рискогенных центробежных тенденций актуализируют исследовательское внимание к феномену риска и сопряженных категорий рискогенных ситуаций, безопасности.

Теоретический анализ

Этимология категории «риск» интерпретируется весьма однозначно. Наиболее распространено утверждение, согласно которому термин «риск» этимологически восходит к слову латинского происхождения «*risicare*», которое означает «решиться». Он появляется на стыке Средневековья и Нового времени, хотя в «Этимологическом словаре русского языка» высказано предположение, в соответствии с которым термин «риск» восходит к греческому слову *rizikon* – «скала» [1, с. 342]. В современном французском языке термин «риск» соответствует категории «опасность». Известный российский философ А. Н. Чумаков предполагал, что слово «риск» появилось довольно поздно (в XVI–XVII вв.) и пришло из португальского языка, где оно означало «плавание в незнакомых водах, не нанесенных на карту» [2, с. 8].

Со временем слово «риск» обрело несколько иное значение в повседневной реальности: риск стал ассоциироваться и с ответственностью, и с элементом удачи. Так, например, еще в российской дореволюционной традиции термин «риск» приводился в изданиях, посвященных предпринимательской, коммерческой деятельности и в некотором смысле воспринимался как везение, доля авантюризма. «Коммерческий словарь» Н. А. Блатова указывает: «Риск (фр.) – расчет на удачу, ни на чем другом не основанный» [3, с. 201].

Стоит отметить, что и сегодня предпринимательство ассоциируется с ситуацией выбора в условиях риска наряду с ответственным характером деятельности предпринимателей

как субъектов рыночной экономики: российское обществоведение определяет предпринимательство как деятельность, осуществляемую с осознанием личных и имущественных рисков, направленную на достижение прибыли.

В последние годы на фоне противоречивых процессов мирового рынка среди экономистов стал распространяться рискогенный нарратив в исследованиях экономической деятельности. Глобальные проблемы человечества в ковидный и постковидный периоды интенсифицировали потенциал риска, рискогенности как значимых факторов, влияющих на уровень ответственности частной экономической инициативы, на гуманитарную составляющую управленческих решений субъектов экономики (предприятий и государства). Теоретики А. С. и В. А. Шапкины провели скрупулезный анализ теории риска и рискованных ситуаций в условиях свободного рыночного хозяйствования, отмечая высокую востребованность в устойчивом интересе к проблемам хозяйственного и социального риска как части теории и практики управления [4, с. 28]. В их совместной работе большое внимание уделялось пониманию разных подходов к определению «предпринимательский риск». Главный лейтмотив выводов авторов заключается в следующем: многочисленные попытки экономистов раскрыть значения категорий «риск», «предпринимательский риск», «ситуация риска», «риск-менеджмент» не являются исчерпывающими. Дефиниции требуют более детального осмысления с последующим применением полученных результатов исследований экономистов на практике, что позволит эффективно организовывать технические, логистические, институциональные процессы общественного производства на разных уровнях.

Вместе с тем одновекторность экономических исследований актуализирует потребность в социально-философском, системном подходе к пониманию дефиниции «риск» и сопряженных с ней категорий «общество риска», «рискосгенность».

Повышенный интерес к осмыслению природы риска и как к жизненной ситуации, независимой от восприятия индивида совокупности объективных угроз, и как к результату влияния культурной опосредованности в виде понимания людьми риска в качестве источника негативного воздействия на жизненный мир личности привел к формированию еще в 1980-е гг. двух ведущих направлений социальной рискологии: реалистическому и конструктивистскому.

В последнее десятилетие XX в. произошел рост числа теоретических и эмпирических ис-

следований концепта «риск» в социологическом и социально-философском ключах, что было связано, на наш взгляд, с необходимостью осмысления противоречивых итогов развития человечества в XX в. и распространением эсхатологических настроений накануне наступления миллениума по шкале темпоральных координат общественного сознания западной цивилизации. Французский политолог Ж. Рансьер обозначил повестку данного периода как «навязчивую тему конца»: в «тысячах университетских речей и речах государственных деятелей на все лады воспевался конец, которому суждено наступить после утраты иллюзий истории или революции» [5, с. 7]. Если обратиться к национальному опыту, то, к сожалению, 1990-е гг. явились примером коллективного стресса постсоветской России, вызванного концентратом политических, межкультурных, экономических, экологических, личностных рисков.

Новый виток исследований инициировался также в результате публикаций в 1990-е гг. У. Бека, Э. Гидденса, Н. Лумана, Д. Лаптон и других авторов, посвященных рискологии, ставших в силу своих актуальных выводов и обозначенных стратегий дальнейшего исследования риска как фактора динамики современного социума авторитетными источниками для западных и российских ученых. И У. Бек, и Э. Гидденс, опираясь на размышления М. Фуко о природе власти применительно к функциональному ресурсу риска, экстраполировали подход М. Фуко на анализ роли риска в современных сообществах конца XX в. В российской философской мысли проблемы поиска практических и теоретических решений, связанных с рискогенным потенциалом реальности, воплотились в трудах А. Н. Чумакова, В. Б. Устьянцева, М. О. Орлова, С. М. Малкиной, А. Л. Стризое, О. Н. Яницкого и др.

Следует отметить, что, несмотря на отсутствие однозначной трактовки механизма риска и сопряженных с его функционированием последствий, ученые занимают солидарную позицию в отношении наличия тесной взаимосвязи риска, вероятности и неопределенности. Вероятность способствует количественному измерению события, выступая в качестве возможного достижения определенного результата. Вероятным считают событие, которое встречается чаще. Из этого следует, что вероятность зависит от опытного и практического наблюдения частоты события. За единицу измерения принимается вероятность, которая является достоверной, служит результатом эмпирического познания или деятельности [6, с.19].

Риск в данном случае интерпретируется как понятие, связанное с потенциальной опасностью, вероятностью случайного наступления отрицательных последствий. Другие ученые характеризуют риск как субъективную категорию. Несмотря на противоречивость взглядов, на природу риска, можно считать обе концепции риска состоятельными в зависимости от цели исследования.

Таким образом, в ситуации, когда наличествует возможность качественного и количественного определения степени вероятности того или иного варианта в связи с движением в сторону приобретения либо потери выгоды, происходит возникновение риска, более того, такая ситуация сама по себе и будет являться риском.

Один из наиболее видных современных социологов Э. Гидденс рассматривает риск как важнейшую характеристику динамики общества в рамках теории социальных систем. В качестве преамбулы к одной из программных работ Э. Гидденс утверждает: «Жить в эпоху “поздней современности”» (late modernity) значит жить в мире случайности и риска – неизменных спутников системы, стремящейся к установлению господства над природой и рефлексивному творению истории» [7, с. 107]. Социолог пишет, что «внимание, которое уделяется риску в современной социальной жизни, не связано непосредственно с реальным усилением грозящих жизни опасностей» [7, с. 111]. Действительно, степень безопасности существования индивида сегодня значительно выше по сравнению со всеми предшествующими эпохами человечества, ведь ранее неизменными спутниками истории были эпидемии, войны, природные катастрофы, голод, борьба за ресурсы и прочие угрозы. Мировосприятие людей было пронизано эсхатологическими мотивами, риски носили характер непосредственного воздействия на жизнь, здоровье индивида. Э. Гидденс предполагает, что процессы глобализации, сопряженные с усложняющимися техническими, социальными, производственными процессами, трансформировали саму природу риска и масштаб рискогенных структур. В эпоху «поздней современности», по мнению ученого, проявляется риск событий со значительными последствиями (high-consequence risk), что порождает попытки экспертов *профилировать* риск, т. е. проводить анализ распределения риска в определенной среде в определенный временной отрезок. Однако на фоне усиления современного производства угрозы могут перестать быть контролируемыми со стороны

индивида, организаций, государства. Подтверждением данной мысли можно рассматривать распространение пандемии ковида.

Другой известный исследователь У. Бек в ряде изданий, получивших широкое признание в научных кругах, концептуализировал авторское понимание сущности общества риска. Принципиальная позиция У. Бека заключалась в том, что современный западный социум совершил переход от экономики и образа жизни, моделируемых процессами индустриализации (У. Бек называет данный хронологический период эпохой раннего модерна), к эпохе позднего модерна, в которой риск и опасность умножились в результате дальнейшей индустриализации, урбанизации и глобализации. Таким образом, предотвращение или минимизация негативных тенденций, сопряженных с рисками и опасностью, становятся центральной, ключевой проблемой для современного общества. Экспансивность рискогенных факторов, в свою очередь, приводит к тому, что как в политической сфере, так и в сфере личной жизни отдельных индивидов риск обретает роль непреложного, объективного явления, значение которого необходимо учитывать при организации, планировании, контроле различных процессов. Популяризируя методологию социальной рискологии, У. Бек писал: «Политический потенциал общества риска должен быть подвергнут анализу социологической теории в рамках производства и распространения знаний о рисках» [8, с. 84].

Различные подходы к пониманию сущности риска обоснованы стремительно возрастающей ролью рискогенных факторов в эпоху глобализации. Наметившиеся в последние годы тенденции к локализации, доминирование тренда на возврат к этнокультурной идентичности как на уровне духовного выбора личности, так и на уровне политических решений институтов государства в противовес унифицирующему влиянию глобализационных тенденций, актуализируют новые стратегии и векторы исследовательского поля социальной рискологии. Взаимосвязь сфер глобального общества в XXI в. обострила степень зависимости экономических, политических, социальных и даже духовных процессов совокупности внешних факторов, внешних эффектов (в понимании экономистов), которые в предшествующие периоды развития человечества не заслуживали внимания, играя второстепенную роль в социальной динамике. Данное утверждение в полной мере соответствует позиции У. Бека, Э. Гидденса, уверявших, что риск и угрозы были непреложными спутниками цивилизации в прошлом, однако они носили

прежде всего естественный характер природного происхождения (инфекционные заболевания, природные катастрофы, голод). В настоящее время человеческая деятельность продуцирует рискогенные ситуации (проблемы экологии, угроза ядерной войны, например), в связи с чем человечество становится ответственным за обеспечение безопасности и минимизацию риска в глобальном масштабе.

Иллюстрацией к данным тезисам может служить ситуация с распространением пандемии коронавируса в 2020–2021 гг., ставшим потрясением для жителей XXI в. и символизирующим ситуацию риска в планетарном масштабе. Ускорение развития инновационных, технологических, логистических структур, казалось бы, окончательно превратило мир в ту самую глобальную деревню, о которой писал как о проекте ближайшего будущего футуролог М. Маклюэн в 1960-е гг. Однако эпидемиологические угрозы пандемии инициировали переосмысление современниками рисков, заложенных в глобальности как характеристики мирового сообщества. Достижения социального прогресса в виде стертых экономических границ, дальнейший рост числа научно-технических открытий давно вызывали у антиглобалистов алармистские настроения, однако в целом общественное сознание воспринимало прогресс как оптимистичный сценарий настоящего и будущего человечества. В период пандемии ковида происходит трансформация приоритетных ценностей глобализации и сопутствующего мультикультурализма: мобильность, трансграничность как виртуальная стратегия индивида, межкультурные коммуникации сообществ отныне утратили свое значение в силу рискогенности и возможности угрозы безопасности жизни и здоровью. Универсальная ценность безопасности стала почти синонимична поведенческой стратегии изоляционизма, локальности, замкнутости бытия индивида как условия существования индивида и избегания риска.

Заключение

Социально-философский анализ феномена риска подводит исследователя к следующему выводу: оценка риска и степени его воздействия на общественные процессы взаимосвязана с ценностной парадигмой конкретного социума на определенном историческом этапе. Более того, риск в условиях постиндустриального общества все более подвержен воздействию со стороны технологий социального конструирования. Рост влияния этических, социокультурных, политических аспектов на степень объективности

анализа рискогенных факторов и возможностей риск-менеджмента актуализируют социально-философский подход как важное условие принятия эффективных управленческих решений в экономической, политической, социальной и духовной сферах. Поиск факторов рационализма и пределов допустимого риска социальной реальности, новые вызовы со стороны общества глобализации повышают интерес социальной философии к социокультурным и институциональным основаниям жизни общества. В свою очередь, управленческие структуры должны учитывать полученные выводы, легитимируя меры по обеспечению безопасности личности и нивелируя риски в качестве основной цели государства как политического института, гарантирующего защиту и охрану прав и свобод человека и гражданина. Подобная постановка вопроса находится сегодня на повестке дня и ее эффективное решение неразрывно связано с другим, возможно, даже более сложным вопросом – выработкой нового гуманизма как социокультурного проекта, определяющего векторы и направления действия политических институтов национальных государств и мирового сообщества в целом.

Список литературы

1. Этимологический словарь русского языка / сост. Г. А. Крылов. СПб. : Полиграфуслуги, 2005. 432 с.
2. Чумаков А. Н. Глобальные риски: Сценарии развития в XXI веке // Общество риска и человека в XXI веке: альтернативы и сценарии развития. М. ; Саратов : Издательский центр «Наука», 2006. С. 8–17.
3. Блатов Н. А. Коммерческий словарь. СПб. : Коммерческая литература, 1909. 264 с.
4. Шапкин А. С., Шапкин В. А. Теория риска и моделирование рискованных ситуаций. М. : Дашков и К, 2019. 880 с.
5. Рансьер Ж. На краю политического. М. : Праксис, 2006. 240 с.
6. Венцель Е. С. Теория вероятностей. М. : Наука ; Физматгиз, 1969. 576 с.
7. Гидденс Э. Судьба, риск, безопасность // THESIS. 1994. № 5. С. 107–134.
8. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

References

1. *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka* [Etymological Russian Dictionary. Krylov G. A., comp.]. St. Petersburg, Poligrafyslygi Publ., 2005. 432 p. (in Russian).
2. Chumakov A. N. The global risks: Dynamic scenarios in the 21st century. In: *Obshchestvo riska i chelovek v XXI veke: alternativy i stsenarii razvitiya* [The risk society and a human in the 21st century: Alternatives and dynamic scenarios]. Moscow, Saratov, Izdatel'skiy tsentr "Nauka", 2006, pp. 8–17 (in Russian).
3. Blatov N. A. *Kommercheskiy slovar* [Commercial Dictionary]. St. Petersburg, Kommercheskaya literatura Publ., 1909. 264 p. (in Russian).
4. Shapkin A. S., Shapkin V. A. *Teoriya riska i modelirovanie riskovykh situatsiy* [The Riskology and Modeling Risk Situations]. Moscow, Dashkov i K Publ., 2019. 880 p. (in Russian).
5. Ranciere J. *Aux bords du politique*. Paris, 1998. La Fabrique Ed., 240 p. (Russ. ed.: Ransyer Zh. *Na kray politicheskogo*. Moscow, Praksis Publ., 2006. 240 p.).
6. Ventsel V. S. *Teoriya veroyatnostey* [The Probability Theory]. Moscow, Nauka, Phizmatgiz Publ., 1969. 576 p. (in Russian).
7. Giddens A. *Fate, Risk and Security*. In: A. Giddens. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge, Polity Press, 1991, pp. 109–143 (Russ. ed.: Giddens A. *Sudba, risk, bezopasnost. THESIS*, 1994, no. 5, pp. 107–134).
8. Bek U. *Risk Society: Towards a New Modernity*. SAGE Publications, 1992. 260 p. (Russ. ed.: Bek U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomy moderny*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000. 384 p.).

Поступила в редакцию 26.09.2022, одобрена после рецензирования 30.09.2022, принята к публикации 17.10.2022
The article was submitted 26.09.2022, approved after reviewing 30.09.2022, accepted for publication 17.10.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 382–387

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 382–387

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-382-387>, EDN: JWZFCQ

Научная статья

УДК 101.1:316

Роль памяти в социальном механизме признания

В. А. Копанева

Волгоградский государственный университет, Россия, 400062, г. Волгоград, пр. Университетский, д. 100

Копанева Валерия Андреевна, соискатель кафедры философии, leravalera5@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8656-236X>

Аннотация. Введение. В статье рассмотрена роль памяти в коммуникации между людьми, а также в таком процессе, как признание. Никакая коммуникация не осуществима без первичного признания одного субъекта другим. Признание – это способ удержания предмета в памяти через связь менее значимого с более значимым. Соответственно, признание становится социальным не тогда, когда оно произошло, а после того, как оно закрепилось. **Теоретический анализ.** В качестве гипотезы предложена идея закрепления, которая отсылает к тому, что признание предполагает дистанцию во времени: определить, действительно имело место признание или нет, возможно постфактум через рефлексии опыта. Таким образом, память обеспечивает консервацию признания. Чтобы признание состоялось на уровне памяти, необходим ряд условий: новизна, длительность воздействия, ценностное подкрепление, контрастность, событийность, эмоциональный фон, актуализация, нарративность. **Заключение.** Рассмотрены проблемы забвения, которые влияют и на механизм признания. Забвение создает дефицит материала для признания, которое становится затруднительным из-за отсутствия достаточной информации. Память помогает соединить разрозненные элементы в систему и тем самым дает возможность состояться признанию, так как является условием для конструирования семиотической реальности.

Ключевые слова: память, признание, традиция, общность, коммуникация, забвение

Для цитирования: Копанева В. А. Роль памяти в социальном механизме признания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 382–387. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-382-387>, EDN: JWZFCQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The role of memory in the social recognition mechanism

V. A. Kopaneva

Volgograd State University, 100 Universitetsky Ave., Volgograd 400062, Russia

Valeria A. Kopaneva, leravalera5@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8656-236X>

Abstract. Introduction. This article examines the role of memory in communication between people, as well as in such a process as recognition. No communication is feasible without the primary recognition of one subject by the other. Recognition is a way of holding a subject in memory through the connection of the less significant with the more significant. Accordingly, recognition becomes social not when it has occurred, but after it has been fixed. **Theoretical analysis.** The hypothesis proposed is the idea of fixation, which refers to the fact that recognition implies distance in time: it is possible to determine whether or not recognition has actually taken place post factum through reflection on experience. Thus, memory ensures the preservation of recognition. A number of conditions are necessary for recognition to occur at the level of memory: novelty, duration of exposure, reinforcement of value, contrast, eventfulness, emotional background, actualization, narrativity. **Conclusion.** The problems of oblivion, which also affect the mechanism of recognition, have been considered. Oblivion creates a deficit of material for recognition, which becomes difficult due to the lack of sufficient information. Memory helps to connect disparate elements into a system and thus enables recognition to take place, since it is a condition for the construction of a semiotic reality.

Keywords: memory, recognition, tradition, community, communication, oblivion

For citation: Kopaneva V. A. The role of memory in the social recognition mechanism. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 382–387 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-382-387>, EDN: JWZFCQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Одной из универсальных ценностей человеческой культуры является коммуникация, предполагающая выстраивание социальных

отношений, которые носят длящийся традиционный характер. Однако довольно часто можно наблюдать разобщенность между индивидами или краткость социальных связей, препятствующие долгосрочной совместной деятельности. Акту-

ализируется вопрос о механизме признания, который недостаточно разработан и понятен для того, чтобы в полной мере применять его на практике для построения успешной коммуникации.

Никакая коммуникация неосуществима без первичного признания одного субъекта другим. Признание – это способ удержания предмета в мышлении через связь менее значимого с более значимым. Соответственно, признание становится социальным не тогда, когда оно произошло, а после того, как оно закрепилось в памяти.

Социальная философия ставит перед собой задачу рефлексировать механизм построения человеческих общностей, в котором признание и память образуют неразделимое органическое единство: признание обеспечивает непрерывность социального пространства, а память – континуальность социального времени. Как отмечает П. Рикер, именно в коллективном мышлении содержатся инструменты для восстановления связей между объектами, концептуализирующегося им как «сцепление» [1, с. 172].

Благодаря социальному признанию и общей памяти «коммуникация принимает форму общения, т. е. такого обмена смыслами, в процессе которого происходит фокализация определенных значений и образов, фундирующих общегрупповую мотивацию, с помощью которой создаются и поддерживаются социокультурные целостности (общности) разных таксономических уровней (народ, нация, цивилизационная целостность)» [2, с. 44].

Теоретический анализ

Идея социальной связи воплощается в сознании через мышление, являющееся в механизме признания предшествующей стадией по отношению к памяти. П. Рикер заметил, что память идет вслед за воображением, т. е. у них есть общая функция – «вызывать в мысли другое» (например, ассоциации или воспоминания о событиях, вещах, людях) [3, с. 110]. Из этого следует, что память не выстраивает самостоятельные связи, а заимствует их из мышления, чтобы закрепить.

Вероятнее всего, в памяти отложатся социальные связи, содержащие ценностные установки, т. е. распознаваемые как благо или вред для индивида или общества. Так, А. И. Макаров отмечает сохранение символической среды как основную функцию человеческой памяти. Это необходимо для реализации социального типа коммуникации [2, с. 42].

Запоминание способствует обобщению опыта в ситуации, когда объект признания носит сложный характер, т. е. состоит из двух частей (минимум). В этом случае сам процесс признания как идентификации носит длящийся характер и память становится совершенно необходимой для того, чтобы сопоставить эти части между собой и соединить их в общую картину. При этом части целого могут быть разделены следующим образом:

во времени; в этом случае память используется в целях восстановления фактов, происходивших в разные моменты, и сведения их воедино;

в пространстве; память необходима для того, чтобы зафиксировать элементы, расположенные в разных частях пространства, и в последующем синтезировать их в рамках общего представления.

Идея закрепления означает, что признание предполагает дистанцию во времени: определить, действительно ли имело место признание, возможно лишь постфактум через рефлекссию опыта. Таким образом, память обеспечивает консервацию признания.

Запоминание происходит в тот момент, когда осуществляется признание. Чтобы признание состоялось на уровне памяти, необходим ряд условий:

1. Новизна: запоминается то, что воспринимается как нечто отдельное от предшествующего опыта. Поэтому человек часто запоминает свой первый опыт: первое купание в море, первый поцелуй, первую любовь, первое расставание и т.д.

2. Длительность воздействия: в качестве объекта признания выступает то, что находится в поле внимания достаточное время для осмысления и соотнесения с образцом. Чем дольше объект признания охвачен вниманием субъекта признания, тем больше у второго оснований для того, чтобы признание осуществить: например, ученик с большей вероятностью признает учителя, который вел у него занятия в течение года или 5 лет, чем того, кто вел уроки неделю–месяц.

3. Ценностное подкрепление: осознание ценностей позволяет выработать образец, который служит необходимым условием признания, так как выполняет ориентирующую функцию. Следовательно, чтобы образец мог быть применен, требуется, чтобы он уже изначально находился в памяти. Например, писатель в качестве образца берет детективный жанр. Соответственно, чтобы писать в этом жанре, ему необходимо запомнить все его элементы и особенности.

4. **Контрастность:** запоминается то, что отличается от привычного порядка вещей. Это условие можно наблюдать на корпоративных встречах, когда у коллег есть привычные роли, но вдруг в ходе мероприятия они демонстрируют новые стороны, которые не были очевидны при деловых вопросах: кто-то хорошо поет песни под гитару, у кого-то шикарный неофициальный стиль одежды, кто-то обладает актерскими данными и т.д.

5. **Событийность:** внутренняя цельность и значимость признаваемого факта влечет обособленность события самого признания. В повседневности событийность обычно принято обозначать через праздники (хотя это не единственная форма событийности): празднование дня рождения, всеобщих праздников, повышение в должности, защита диссертации, путешествие и др.

6. **Эмоциональный фон:** запоминаются образы, которые эмоционально ярче переживаются. Причем эмоции могут быть положительными и отрицательными: мать помнит встречу с новорожденным ребенком, студент помнит экзамен, который он не сдал, влюбленный юноша помнит слова возлюбленной на свидании.

7. **Актуализация:** памятно то, что виртуально продолжается до сих пор или связано с текущими событиями. Чем чаще история припоминается, рассказывается другим и превращается в «бытовую легенду» или байку, тем дольше она актуальна и помнится.

8. **Нарративность:** запоминается то, что артикулировано в ретрансляции текстов (согласно М. Хальбваксу память сохраняет только то, что разделено с другими [4, с. 53]). Поэтому закономерно, что человек рассказывает истории, в которых участвовал не только он один, но и его друзья (коллеги), семья. Например, сны, которые видел человек сам, и мероприятие, которое он посетил в одиночестве и ни с кем не обсудил его, быстро забываются.

Поскольку процесс признания включает в себя соединение предмета и культурного образа, то в этом случае функционально необходимы две формы социальной памяти, выделяемые Я. Ассманом: устная и письменная. Причем сам процесс признания опосредуется коммуникативной памятью, а его нормативно-ценностные основания заложены в культурной памяти [5, с. 20–21]. Примером может служить деятельность поэтов-символистов, вошедших в историю русской культуры и оказавших на нее сильное воздействие, которое актуально в культурной памяти по сей день. Символисты впервые

вышли за рамки старого символа: они превратили общепринятый прием – использование поэтических символов – в мировоззренческую парадигму. Если раньше поэты использовали символ как выразительное средство, то К. Бальмонт, В. Брюсов, А. Блок, З. Гиппиус, В. Иванов и другие представили его как самоцель, как метафизическую реальность. Символизм существовал на протяжении 20 лет и оказывал влияние на последующую поэзию (еще в течение почти 20 лет), в первую очередь – эмигрантскую, а также косвенно на советскую литературу. Ценностным подкреплением символизма следует считать признание со стороны критиков, какими (далеко не случайно) были и сами ведущие символисты (А. Белый, Д. Мережковский и др.). Контрастность воплощена в принципах символического подхода, который был противопоставлен реализму, господствовавшему в конце XIX в. Если в основе реализма лежала идея отражения жизни, то целью символизма стало преобразование реальности, реализм провозглашал, что искусство служит обществу, а символизм декларировал, что искусство служит самому себе и т.д. Таким образом, взаимное противопоставление происходило по всем основным идейным позициям. Событийность выражалась в проведении множества акций, направленных в том числе на получение признания: издания журналов «Мир искусства», «Аполлон», «Весы», публичных выступлениях, создании манифестов и др. Что касается эмоционального фона, то символисты доказывают, что эмоциональные образы являются не каким-то следствием или эффектом основной деятельности, а ее основным предметом, поскольку непосредственно конструировались в ходе самого творчества. Актуализация и нарративное подкрепление творчества символистов осуществлялись как их собственными усилиями, направленными в будущее, так и современными интерпретациями их текстов, упоминаниями и цитатами в литературе, музыке, кино и других видах творчества. П. Рикер указывал, что интерпретация – это способ поддержания традиции: чем интенсивнее осуществляется интерпретация текстов, тем выше авторитет этих текстов в культуре [6, с. 59].

Ф. Ницше полагал, что главным условием запоминания является страдание: чем сильнее травматический опыт, тем лучше происходит запоминание: «Чем хуже обстояло «с памятью» человечества, тем страшнее выглядели всегда его обычаи; суровость карающих законов, в частности, является масштабом того, сколько понадобилось усилий, чтобы одержать верх

над забывчивостью и сохранить в памяти этих мимолетных рабов аффекта и вождения несколько примитивных требований социального сожительства» [7, с. 441–442].

Фиксация объекта или субъекта в памяти означает способность в дальнейшем воспроизводить закрепленное независимо от его реального присутствия [8, с. 261]. Этот эффект возможно осуществить через разнообразные вещественные, образные, письменные и устные формы. Например, портреты выдающихся ученых, писателей и поэтов, которые висят в помещениях школ, вузов, музеев, сообщают о том, что изображенные на них лица обладают ресурсом *признанности*. Это означает, что факты признания, полученного ими в прошлом, теперь используются другими. Признанность в отличие от признания статична, т. е. представляет собой некий совершившийся акт, в ходе которого лишь актуализируются ранее полученные знания. Признанность содержит в себе прошлое признание, но не в актуальном или потенциальном виде, а в снятом.

Если рассмотреть память во временной плоскости, то момент запоминания (прошлое) – это ситуация построения социальной связи, а в момент забвения (будущее) связь распадается.

Основными причинами распада социальных связей являются:

1. Рутинность как отсутствие событийности (восприятия фактов реальности как отдельное и отличающееся от повседневности), когда потенциальные объекты признания не фиксируются субъектом механизма признания и не выделяются из потока вербальной и невербальной информации и среды. Не фиксироваться событийность может по трем причинам:

индивид игнорирует событийность, т. е. у него есть «естественная установка», что рутина стабильна, а стабильность – это хорошо, значит выделяющиеся факторы не замечаются;

индивид отрицает событийность, не признает ее из-за стереотипов, ошибочного восприятия или понимания событийности;

индивид встроен в сообществе, где то или иное событие не признается и функционально отменено или в принципе отменен феномен событийности, поскольку коллектив находится в отчужденных практиках.

2. Устаревание как отсутствие актуализации, когда смысловая связь не подтверждается текущим опытом. Часто устаревание ассоциируется с ненужностью и в то же время с надежностью. Однако необходимо различать два вида устаревания:

устаревание функции вещи (статуса), т. е. ситуация, когда вещь (статус) утратила или не способна функционировать в новых условиях реальности (например, функции кучера устарели);

устаревание объекта – ситуация, когда вещь не используется в обиходе человека (например, камера-обскура или компостеры в общественном транспорте).

3. Умолчание как отсутствие нарративности, когда не происходит текстуальное возобновление признания, в котором заинтересованы обе стороны механизма: и тот, кто первый осуществляет признание, и тот, кто отвечает. Признание – это условие для начала коммуникации и для ее поддержания, и сохранения между индивидами, однако если вербальное признание не осуществляется никем из участников коммуникации, то такая коммуникация скорее распадется.

4. Нейтральность как отсутствие значимости: между элементами, не представляющими ценности для субъекта, социальные связи не формируются или утрачиваются. Равнозначность и равнопорядковость вещей приводят к идее замены: одну вещь легко заменить другой, а значит в этом нет ценности или особого отношения у субъекта признания.

Одним из наиболее значимых факторов забвения является отсутствие вербализации: если связь имеет словесную форму, то она получает двойное подкрепление – внутреннее и внешнее, поскольку существует в сознании субъекта и выражается письменно или устно. Однако если связь существует только в сознании и не транслируется вовне, то она подвержена большей энтропии.

Заключение

Забвение создает дефицит материала для признания, которое становится затруднительным из-за отсутствия достаточной информации. В своем труде «Путь признания. Три очерка» П. Рикер говорит о забвении как о враге памяти, сравнивая ее с попытками поиска и спасения обломков после кораблекрушения, т. е. забвения [3, с. 108].

С учетом концепции П. Коннертона, который выделяет 7 видов забвения (репрессивное стирание, предписывающее забывание, забывание как основание для новой идентичности, структурная амнезия, забывание как аннулирование, забывание как запланированное устаревание), препятствием к социальному

признанию могут служить такие типы забвения, как структурная амнезия (забывание того, что не является социально значимым) и аннулирование (забывание в связи с избытком информации) [9, с. 59–71].

В частности, в результате структурной амнезии могут утрачиваться социально значимые смыслы, которые необходимы для конструирования признания (например, социальные ценности и образцы). Для культуры постмодерна особенно характерно забвение как аннулирование, вызванное избыточностью потоков информации [10, с. 6], вследствие чего потенциальные объекты признания не успевают закрепиться в социальной памяти, а сам процесс признания не завершается или даже не начинается. Этот эффект забвения П. Рикер описывает следующим образом: «Забвение мешает деятельности продолжаться, поскольку из-за него либо до такой степени запутываются роли, что становится невозможно в них разобраться; либо возникают неразрешимые конфликты, в которых разногласия оказываются непреодолимыми; либо упускаются из внимания непоправимые ошибки, зачастую совершенные в давно минувшее время» [1, с. 696].

Забвение порождает и другую проблему – устаревание, т. е. ситуацию, когда образ «застыл» и больше не происходит обновления информации о нем. Что может мешать обновлению образа? Несколько основных препятствий:

культ образа: образ не обновляется, потому что высокую ценность имеет уже сложившееся представление, а все новые элементы воспринимаются как угроза;

естественная установка, что новизна – это плохо, поскольку новое сопряжено с разрушением (если не целого, то хотя бы части сложившегося порядка);

страх неопределенности: новое еще неустойчиво и не всегда позволяет спрогнозировать будущее.

Таким образом, только память помогает соединить разрозненные элементы в систему и тем самым дает возможность состояться признанию, так как служит условием для конструирования семиотической реальности [2, с. 44].

Если запоминание – это погружение элементов в память, то припоминание – это извлечение из памяти. Припоминание представляет собой использование имеющихся в памяти сведений в момент признания, когда необходимо сопоставить настоящее и прошлое. Поскольку само признание носит динамический характер,

то припоминание позволяет отследить развитие того объекта или субъекта, который подвергается признанию.

Для социально-философского исследования связь признания и памяти выступает важным концептуальным ресурсом в осмыслении таких феноменов, как социальные институты и нормы, основанные на устойчивой легитимации. Что касается забвения, то оно представляет собой фактор риска, ослабляющий социальные связи и подрывающий функциональность традиции.

Список литературы

1. Рикер П. Память, история, забвение. М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
2. Макаров А. И. Феномен надъиндивидуальной памяти (образы – концепты – рефлексия). Волгоград : Издательство ВолГУ, 2009. 216 с.
3. Рикер П. Путь признания. Три очерка. М. : РОССПЭН, 2010. 268 с.
4. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое издательство, 2007. 348 с.
5. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
6. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М. : КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2002. 624 с.
7. Ницше Ф. К генеалогии морали. М. : Мысль, 1996. 829 с.
8. Платон. Тезетет // Сочинения: в 4 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. СПб. : Издательство Олега Абышко, 2006. Т. 2. С. 229–328.
9. Connerton P. Seven types of forgetting // Memory Studies. 2008. № 1. P. 59–71.
10. Аникин Д. А. Феномен забывания и диалог культур в глобализирующемся социуме : Российский опыт // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 3–8.

References

1. Ricœur P. *Pamyat', istoriya, zabveniye* [Memory, history, oblivion]. Moscow, Publishing House of Humanitarian Literature, 2004. 728 p. (in Russian).
2. Makarov A. I. *Fenomen nadyndividual'noy pamyati (obrazy – kontsepty – refleksiya)* [The Phenomenon of Supra-Individual Memory (Images – Concepts – Reflection)]. Volgograd, Izdatel'stvo Volgogradskogo Universiteta, 2009. 216 p. (in Russian).
3. Ricœur P. *Put' priznaniya. Tri ocherka* [The Way of Recognition. Three Essays]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 268 p.

4. Halbwachs M. *Sotsial'nyye ramki pamyati* [The Social Frameworks of Memory]. Moscow, Novoye izdatel'stvo, 2007. 348 p.
5. Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 368 p.
6. Ricœur P. *Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germeneytike* [Conflict of Interpretations. Essays on Hermeneutics]. Moscow, CANON-press-Ts, Kuchkovo pole Publ., 2002. 624 p.
7. Nietzsche F. *K genealogii morali* [To the Genealogy of Morality]. Moscow, Mysl' Publ., 1996. 829 p.
8. Platon. Theetet. In: Platon. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Plato. Works: in 4 vols.]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2006, vol. 2, pp. 229–328.
9. Connerton P. Seven Types of Forgetting. *Memory Studies*, 2008, no. 1, pp. 59–71.
10. Anikin D. A. The phenomenon of forgetting and the dialogue of cultures in a globalizing society: Russian experience. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, iss. 2, pp. 3–8 (in Russian).

Поступила в редакцию 17.04.2022, одобрена после рецензирования 02.05.2022, принята к публикации 17.10.2022
The article was submitted 17.04.2022, approved after reviewing 02.05.2022, accepted for publication 17.10.2022

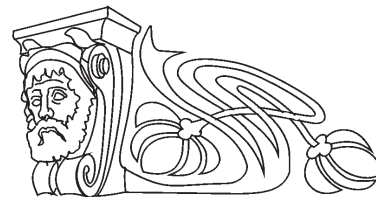

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 388–392
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 388–392
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-388-392>, EDN: KGKLCW

Научная статья
УДК 141.4+130.2

Риски взаимодействия светской и религиозной культур в цифровую эпоху

М. О. Орлов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Орлов Михаил Олегович, доктор философских наук, профессор, декан философского факультета, заведующий кафедрой теологии и религиоведения, orok-saratov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7312-5881>

Аннотация. Введение. Описание векторов трансформации границ светского и религиозного в современной цифровой среде требует необходимости отслеживания антропологических истоков вопроса. Констатируется, что в процессе перехода от секулярной к постсекулярной культуре не просто трансформировались ценности и потребности людей, а появился новый формат антропологической реальности. **Теоретический анализ.** Выявлено, что в условиях цифрового мира родилось и выросло два новых поколения, жизнь которых была теснейшим образом связана с информационными технологиями. Установлено, что источник ценностных ориентаций оба поколения находят в интернет-пространстве, поэтому их идентификация напрямую зависит от виртуальной социализации. Обосновано, что в условиях цифрового общества традиционным религиям сложно выстраивать отношения с молодежью, поскольку для религиозных систем требуется значительное время, чтобы адаптироваться к изменениям и узакониваниям новых форм работы. Цифровое пространство дает уникальную возможность непрерывной и свободной коммуникации для членов религиозных сообществ, но в то же время несет опасность, так как становится открытой площадкой для конфликтов. **Заключение.** Сами по себе риски коммуникации секулярного и постсекулярного носят международный, общечеловеческий характер. Определяются сущность киберрелигиозности и степень ответственности традиционных религий перед социумом.

Ключевые слова: светская и религиозная культура, цифровая эпоха, риск, православная теология, религиозные институты, секуляризм, конструктивная религиозная социализация

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44127.

Для цитирования: Орлов М. О. Риски взаимодействия светской и религиозной культур в цифровую эпоху // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 388–392. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-388-392>, EDN: KGKLCW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Risks of interaction between secular and religious cultures in the digital age

M. O. Orlov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Mikhail O. Orlov, orok-saratov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7312-5881>

Abstract. Introduction. It is determined that the description of the vectors of transformation of the boundaries of the secular and religious in the modern digital environment requires the need to track the anthropological origins of the issue. It is indicated that in the process of transition from secular to post-secular culture, not just the values and needs of people were transformed, but a new format of anthropological reality appeared. **Theoretical analysis.** It is found that in the conditions of the digital world, two new generations were born and grew up, whose lives were closely connected with information technologies. It is revealed that both generations find the source of value orientations in the Internet space, so their identification directly depends on virtual socialization. It is proved that in the conditions of a digital society, it is difficult for traditional religions to build relationships with young people, since religious systems themselves require considerable time to adapt to changes and legitimize new forms of work. The digital space provides a unique opportunity for continuous and free communication for members of religious communities, but at the same time it is dangerous because it becomes an open platform for conflicts. **Conclusion.** It is noted that the risks of communication of the secular and post-secular themselves are of an international, universal nature. The essence of cyberreligion and the degree of responsibility of traditional religions to society are determined.

Keywords: secular and religious culture, digital age, risk, Orthodox theology, religious institutions, secularism, constructive religious socialization

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 21-011-44127.

For citation: Orlov M. O. Risks of interaction between secular and religious cultures in the digital age. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 388–392 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-388-392>, EDN: KGKLCW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Российский философ С. С. Хоружий считал точкой отсчета научного обсуждения взаимодействия светского и религиозного выступление Юргена Хабермаса, крупнейшего мыслителя современной Европы, которое состоялось во время вручения ему Премии Мира от немецких книгоиздателей и было посвящено трагическим событиям 11 сентября 2001 г. в США, повлекшим гибель почти 3 тыс. чел. в результате разрушения от теракта двух небоскребов. Именно глобализация, принуждавшая мир безоговорочно принять секулярные ценности, как говорил Ю. Хабермас, стала причиной жестокого столкновения цивилизаций: западной (секулярной) и восточной (религиозной). Исследователь апеллирует к тому, чтобы уйти от политики секуляризации и отказаться от конфронтации между секулярным и светским сознанием перейдя к конструктивному диалогу.

В обществе развернулась широкая дискуссия о степени влияния религиозного фактора на преступные действия террористов и необходимости для мировой безопасности построения новой научной концепции постсекуляризма. Важную роль в конструктивном развитии дискуссии сыграл беспрецедентный опыт построения постсекулярной риторики во время личной встречи Ю. Хабермаса и Папы Бенедикта XVI как представителей полюсов религиозной парадигмы.

Хабермас подчеркивал, что рыночное сознание заставило современного человека действовать исключительно в личных интересах, а при решении спорных вопросов использовать «право сильного». Философ констатировал: демократические механизмы дают сбой, гражданская солидарность практически утрачена, понятие общего блага нивелировано – только обращение к непреходящим религиозным ценностям, ориентированным на поиск взаимопонимания и жертвенное отношение к ближнему, могло бы изменить к лучшему возникшую ситуацию. Он предложил незамедлительно начать процесс взаимного обучения, в ходе которого секулярное общество должно обогатиться религиозными идеалами, что приведет к формированию нового постсекулярного мира. Ю. Хабермас определил условие, при котором религиозное сознание может вступить в продуктивный диалог с секулярным сознанием: «Всё, что тут требуется, – это эпистемологическая способность рефлексивно рассматривать собственную веру также и с внешней позиции и соотносить ее с секулярными воззрениями» [цит. по: 1, с. 76]. Папа

Бенедикт XVI (на тот момент кардинал Йозеф Ратцингер) в ответ указал, что для направления дискуссии в позитивное русло необходимо соблюдать принцип «полифонической корреляции, где они сами открылись бы навстречу западной взаимодополняемости разума и веры, чтобы развивался универсальный процесс очищения, в котором в конечном счете обретут новый блеск все известные или интуитивно ощущаемые людьми ценности и нормы, чтобы в человечестве смогла вновь возникнуть действенная сила, которой сможет держаться мир» [2, с. 107]. Он полагал, что мирное и гармоничное существование различных культур возможно только при условии, если безоговорочно отказаться от утратившей сегодня актуальность идеи противоположности веры и разума: «Религия вновь начинает выполнять интегративную функцию и становится в постсекулярную эпоху определяющей для идентичности людей. В условиях глобализации и кризиса идеологии национального государства консолидация людей немислима без религиозной идентификации» [3].

Отметим, что в академическом сообществе под религиозной идентичностью понимаются «представления индивида о личной и групповой религиозной принадлежности, переживание индивидом самого себя в качестве носителя религиозных идей, ценностей, норм, а также ощущение своего членства в религиозной группе и способы проявления этого ощущения в ситуациях религиозного контакта (религиозное поведение)» [4, с. 68].

Данное определение устанавливает две плоскости для рассмотрения понятия религиозной идентичности: личностно-персональную (индивидуальное религиозное переживание, осмысление своей веры) и социальную (чувство принадлежности к религиозному сообществу, степень воцерковленности).

Теоретический анализ

Молодежи возраста 16–20 лет, для которой характерна синтетически-конвенциональная стадия развития религиозной идентичности, свойственны синкретические и эклектические религиозные представления. Такая мозаичная картина формируется под влиянием различных авторитетов.

Согласно исследованиям, проводившимся с 2014 по 2019 г., среди молодежи указанного возраста наблюдалось снижение интереса к религиозным проблемам, а также сокращение показателей численности молодых людей, идентифицирующих себя как верующих. Опре-

деление уровня религиозности и секулярности в современном российском обществе осложнено непредсказуемым и волнообразным процессом изменения отношения молодежи к религии. Факторами, влияющими на ситуацию, являются этнизация религии, сложившаяся еще в Российской империи, а также прочная связь между конфессиональной и этнической принадлежностями. Поэтому и сегодня существует группа людей, которые, не веря в Бога, тем не менее считают себя православными, выражая таким образом свою приверженность традиционной этнической культуре.

Вторым усложняющим интерпретацию статистических данных фактором является противоречивое отношение части молодежи к Русской Православной Церкви. В общественном сознании сложилась устойчивая система ассоциации Церкви с государственной властью, а поскольку в молодежной среде традиционно высок уровень бунтарских, разрушительных настроений по отношению к существующему общественному порядку, в поле негативного восприятия оказываются и официальные религиозные институты.

Свидетельством данному явлению служит следующая статистика: «В 2014 г. положительно оценивали деятельность РПЦ 63,3%, негативно 16,9%. В 2019 г. – положительно 49,3%, а 26,1% негативно. Пик положительного отношения к деятельности РПЦ приходится на 2015 год, когда среди молодёжи наблюдался рост патриотических настроений, обусловленных “крымской весной” и гордостью за страну» [4, с. 69].

Однако еще более значительным фактором, кардинально меняющим религиозную идентификацию современной молодежи, является стремительный технический прогресс, результатом которого стало создание революционных информационно-коммуникативных технологий и формирование абсолютно нового типа пространства – цифрового. На серьезные изменения внешнего мира незамедлительно отреагировало и общественное сознание. В новых условиях цифрового мира родилось и выросло два поколения, жизнь которых была теснейшим образом связана с информационными технологиями. Источник ценностных ориентаций оба поколения находят в интернет-пространстве, поэтому их идентификация напрямую зависит от виртуальной социализации.

Корректное описание векторов трансформации границ светского и религиозного в современной цифровой среде требует необходимости отслеживания антропологических истоков вопроса. В процессе перехода от секулярного к

постсекулярному сменились не просто ценности и потребности людей, появился новый формат антропологической реальности – Виртуальный Человек. Модернистская культура вызвала технологический прорыв на основе секулярности и переносе акцентов с диалога Бога и человека на познание себя через активное взаимодействие и преобразование окружающего мира с помощью новых научных и технологических достижений. Сегодня виртуализация человека сопряжена с трендами постчеловеческого мира: разработкой искусственного интеллекта и других формаций, которые могли бы занять место человека в социальных, когнитивных и онтологических процессах.

Другим важным аспектом диалога секулярного и постсекулярного является переосмысление традиционных религиозных практик и методов, так как полный возврат к практикам прошлого уже невозможен. Риски антропологического явления виртуализации человека базируются на процессе вытеснения его из традиционного жизненного пространства, что обусловлено следующими факторами:

1. Потеря контроля над актуальной реальностью: постоянно уходя в виртуальное пространство, человек все меньше внимания уделяет как своему внутреннему миру, так и окружающей среде, которая представляет собой техногенную цивилизацию. В таких условиях возрастают риски техногенных катастроф.

2. Редукция коммуникативных практик: проблема заключается не в появлении новых коммуникативных инструментов, а в потере смыслов, которым не нашлось места в виртуальной среде. Виртуальный Человек не в состоянии поддерживать смыслонасыщенное общение. Особенно эти процессы касаются оценки старшим поколением молодежного общения.

3. Феномен хрупкости как индивидуального, так и общественного сознания: антропологическая ситуация секулярного мира связана с потерей онтологических религиозных опор, что с учетом новых граней постсекулярного давления создает реальную угрозу деформации витального пространства человека и общества в целом.

Преодоление указанных рисков возможно благодаря изучению и систематизации многообразия всех антропологических трендов и ситуаций, определению их потенциальных последствий. Отслеживание изменения границ секулярного и постсекулярного в современном мире позволит научиться эффективно управлять процессом социализации молодого поколения. Данная проблема широко освещается в синергичной антропологии С. С. Хоружего.

Динамика раскрытия границ диалога секулярного и постсекулярного в различных религиозных концепциях имеет кардинальные различия в силу практических особенностей традиции, идеологии и форм духовной практики той или иной религии. Католицизм и православие, ислам и индуизм по-разному понимают содержание диалога между светским и религиозным. В дискурсе Хабермаса и Ратцингера содержание диалога носило эпистемологический характер, что подтверждается акцентом на проблему соотношения веры и разума, которая в принципе характерна для католического богословия. Для православной традиции принципиальное значение имеет собственный духовный опыт, опыт богообщения, который может быть реализован в Таинстве Причастия, участии в богослужении, молитве, что определяет личностно-экзистенциальный характер возможного диалога. Другими словами, общение может строиться на базе обмена опытом как проживания жизненных ситуаций и его творческого совместного осмысления. Очевидно, что ключевым условием для успешного протекания подобного диалога является не общий понятийный аппарат либо ценности, а терпимость к мнению сторонников иных традиций и готовность рефлексии своей идеологии. В силу гибкости сознания и лояльности к восприятию нового современная молодежь потенциально готова к осмыслению и переосмыслению как христианских традиций, так и секулярных практик.

Однако необходимо отметить, что в условиях цифрового общества традиционным религиям выстраивать отношения с молодежью довольно сложно, поскольку сами религиозные системы достаточно консервативны и требуется значительное время для адаптации к изменениям и узаконивания новых форм работы: «Существует несколько форм профессиональной деятельности, которую религиозные организации осуществляют в интернет-среде. К ним можно отнести онлайн-сбор религиозной информации, проведение обрядовой детальности онлайн, миссионерство и пропаганда вероучения... При анализе деятельности различных религиозных организаций в среде Интернет мы видим, что наибольшую пользовательскую активность проявляют протестантские религиозные группы, новые религиозные движения и мусульмане» [4, с. 70].

Цифровое пространство дает уникальную возможность непрерывной и свободной коммуникации для членов религиозных сообществ, но в то же время несет опасность, поскольку

становится открытой площадкой для жестких, агрессивных, непродуктивных конфессиональных споров.

Важно отметить, что сами по себе риски коммуникации секулярного и постсекулярного носят международный, общечеловеческий характер. Тематами для спора могут стать любые проблемы повседневной жизни как личного, так и социального характера. На данный момент не существует единой методологии разрешения подобных ситуаций. Конфликты широко освещаются в СМИ и обсуждаются в публичном пространстве, зачастую являясь инструментами в политической борьбе. Общественная дискуссия неизбежна в современном цифровом мире, так как она отражает естественный процесс трансформации граней секулярности. В отсутствие общепризнанных инструментов контроля и дефиниции, которые бы точно определяли как саму грань, так и давали бы четкие рекомендации по разрешению конфликтов, основным естественным регулятором становится общественный диалог. В описанных ситуациях власть не может стать единственным регулятором, так как часто секуляризована и не является носителем религиозных ценностей. В свою очередь церковные институты не облечены светской властью и имеют ограниченный ресурс влияния.

В 2012 г. Правительство Российской Федерации включило мощную поддержку традиционных религиозных институтов: был принят закон о защите чувств верующих, а также установлен запрет на пропаганду нетрадиционных ценностей. Параллельно с этим на международной арене традиционные ценности отстаивались под эгидой международных прав человека, что свидетельствует о последовательности и принципиальности выбора данного направления. Необходимо указать на неоднозначность данной политики с точки зрения разных категорий населения. С одной стороны, последовательная и четкая риторика вызывает уважение у целого ряда граждан всех возрастов, не только у православных активистов. С другой стороны, такая политика вызывает обострение и эскалацию конфликтов, что приводит к острым дискуссиям в публичном пространстве. Высокий градус напряжения в подобных дебатах отталкивает многих активных молодых людей, которые просто не могут ни сформировать свое мнение, ни принять одну из точек зрения. Кроме того, для объективного исследователя такая методология ведения споров не является источником информации о природе и смыслах самого конфликта, скорее указывает на эмоциональное восприятие

сторонами друг друга. Это касается не только взаимодействия носителей секулярного и постсекулярного сознания, но и отношения между представителями различных конфессий.

Заключение

Киберидентичность как новая форма бытия социальных групп в первую очередь присуща молодым людям, для которых киберсреда является главным социализирующим фактором. Сегодня на религиозную идентичность молодежи серьезно влияют такие объекты цифрового пространства, как виртуальные религиозные интернет-сообщества, различные религиозные медиаобъекты, компьютерные игры. Использование религиозной символики в компьютерных играх не содержит сакрального смысла, но, несомненно, оказывает влияние на подсознание играющего. Геймер идентифицирует себя с определенным персонажем и его стилем поведения. Игровое пространство с заданной тематикой может сформировать отношение к религиям и этносам.

Таким образом, сегодня особенно значимы исследования граней диалога секулярного и религиозного в цифровом пространстве как естественной среде религиозной идентификации молодого поколения. Традиционным конфессиям необходимо быстрее адаптироваться к таким глобальным общественным явлениям, как цифровизация. В ходе рассмотрения трансформации границ религиозности и светскости в современном обществе обозначена ключевая идея, которая определяет облик этих границ, ею является идея диалога, инициированная Ю. Хабермасом. Анализ показал, что именно традиционалисты, способные принимать другие религии в поле дискурса, уважительно относящиеся к науке и светскому знанию, готовые к участию в формировании норм морали и нрав-

ственности, могут стать опорой для молодежи и общества в целом при преодолении антропологических рисков.

Список литературы

1. Хоружий С. Православный взгляд на концепцию «постсекулярного» // Журнал Московской Патриархии. 2012. № 2. С. 75–79.
2. Ратцингер Й. Чем держится мир. Дополнительные моральные основы либерального государства // Дialeктика секуляризации. О разуме и религии / ред. О. Карпова. М. : Библейско-Богословский институт святого апостола Андрея, 2011. С. 77–107.
3. Шаповал Ю. В. Постсекулярное общество: полифония веры и разума. URL: http://www.rusnauka.com/13.DNI_2007/Philosophia/21343.doc.htm (дата обращения: 22.05.2022).
4. Федорова М. В. Религиозная идентичность в современном цифровом мире // Социодинамика. 2020. № 6. С. 66–79. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.6.33085>

References

1. Khoruzhiy S. Orthodox view of the concept of the «post-secular». *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchate], 2012, no. 2, pp. 75–79 (in Russian).
2. Rattsiniger Y. What keeps the world going. Pre-political moral foundations of a liberal state. In: Karpova O., ed. *Dialektika sekulyarizatsii. O razume i religii* [The Dialectic of Secularization. About Reason and Religion]. Moscow, Bibleysko-Bogoslovskiy institut svyatogo apostola Andreyana Publ., 2011, pp. 77–107 (in Russian).
3. Shapoval Yu. V. *Postsekulyarnoe obschestvo: polifiniya very i razuma* (Post-Secular Society: The Polyphony of Faith and Reason). Available at: http://www.rusnauka.com/13.DNI_2007/Philosophia/21343.doc.htm (accessed 22 May 2022) (in Russian).
4. Fedorova M. V. Religious identity in the modern digital world. *Sotsiodinamika* [Sociodynamics], 2020, no. 6, pp. 66–79 (in Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.6.33085>

Поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 21.06.2022; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 20.06.2022; approved after reviewing 21.06.2022; accepted for publication 22.06.2022

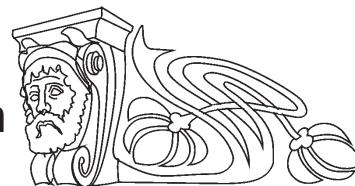

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 393–397
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 393–397
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-393-397>, EDN: AFURMA

Научная статья
УДК 111.5

От субъектности к агентности в социальных и гуманитарных дискурсах XXI века

Р. В. Пеннер

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Россия, 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, д. 76

Пеннер Регина Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, pennerrv@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3277-7274>

Аннотация. Введение. Статья посвящена проблеме настраивания исследовательской оптики в направлениях видения и понимания человека, социума и внешнего мира. С эпохи Просвещения фундаментом для подобной оптики являлась идея субъектности. В XXI в. на место субъекта претендуют множество агентов, которые не обладают человеческой природой. **Теоретический анализ.** Помимо природы как таковой и организмов, ее населяющих, роли агентов сегодня выполняют техника и технологии, в том числе цифровые. С целью проследить развитие идеи агентности в социальных и гуманитарных дискурсах автор опирается на концепции современных ученых, которые реализуют свои исследования в рамках так называемой «квир»-тематики (постчеловек Р. Брайдотти, виды-компаньоны Д. Харауэй и А. Цин, агентность и интраактивность К. Барад). **Заключение.** Следуя постгуманистической логике, современный мир может быть воспринят в качестве гладкого, гетерогенного пространства (Ж. Делез). В этой «гладкости» становится все сложнее выделить тот или иной элемент, что способен выполнять функцию структурирующего начала, иерархизирующий внешнее. Формулируется вывод о том, что понимание человека, социума, природы и техники сквозь призму агентности позволит уточнить исследовательскую оптику в контексте социальных и гуманитарных дискурсов.

Ключевые слова: агентность, субъектность, социум, природа, техника, цифровые технологии, цифровая антропология

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук МК-2592.2022.2 «Цифровая антропология: теоретические и прикладные аспекты».

Для цитирования: Пеннер Р. В. От субъектности к агентности в социальных и гуманитарных дискурсах XXI века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 393–397. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-393-397>, EDN: AFURMA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

From the subject to the agent in social and humanitarian discourses of the 21st century

R. V. Penner

South Ural State University (National Research University), 76 Lenin prospekt, Chelyabinsk 454080, Russia,

Regina V. Penner, pennerrv@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3277-7274>

Abstract. Introduction. The article is focused on the problem of tuning research optics in the directions of vision and understanding a subject, society and the whole world. Since the Age of Enlightenment, the idea of subjectivity has been the foundation for such optics. In the 21st century the place of the subject is claimed by multiple agents that do not have a human nature. **Theoretical analysis.** In addition to nature as such and the organisms inhabiting it, the role of agents today is being played by instruments and technologies, including digital technologies. In order to trace the development of the idea of agency in social and humanitarian discourses, the article is based on the concepts of modern authors who carry out their research within the framework of the so-called queer theory (posthuman by R. Braidotti, companion species by D. Haraway and A. Tsing, agential realism and intraactivity by K. Barad). **Conclusion.** In posthumanistic logic, the contemporary world can be perceived as a smooth, heterogeneous space (G. Deleuze). In this “smoothness” it becomes more and more difficult to single out one or another element that is capable of performing the function of a structuring beginning, hierarchizing the external. The article concludes that the understanding of a person, society, nature and technology through the agential prism will clarify research optics in the context of social and humanitarian discourses.

Keywords: agents, subjectivity, society, nature, technology, digital technologies, digital anthropology

Acknowledgements: The research was supported by the grant of the President of the Russian Federation for young scientists-PhDs МК-2592.2022.2 “Digital Anthropology: Theoretical and Applied Aspects”.

For citation: Penner R. V. From the subject to the agent in social and humanitarian discourses of the 21st century. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 393–397 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-393-397>, EDN: AFURMA
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Казавшееся устойчивым место человека в этом мире становится в XXI в. все более попираемым. На место, что занимал субъект, претендуют агенты, человеческой природой не обладающие. Буквально за последние 3 года эта агентность проявила себя на нескольких уровнях, в том числе на молекулярном (вирус COVID-19) и на институциональном (военная операция на Украине). Философ способен рефлексировать сложившуюся ситуацию. Следуя завету Д. Харауэй, в эпоху антропоцена, эпоху превосходства человека и одновременно острой нужды, которая спровоцирована этим превосходством, «мы должны мыслить» [1, с. 186].

Оптика философской рефлексии может быть обращена в сторону того, как устроен мир в третьем тысячелетии. Это устройство следует понимать не столько партикулярно, сколько во взаимосвязи с предшествующими периодами. В геологии возраст Земли определяется свыше четырех миллиардов лет. Все это время условно делят на два периода, от основания планеты (докембрий) до фанерозоя, т.е. времени так называемой «явной» жизни [2]. Человек и социум в XXI в. обитают в голоцене, геологическом периоде, что начался ориентировочно 12 тыс. лет назад [3]. Как полагают некоторые исследователи сегодня, голоцен есть переходная стадия между плейстоценом (2,5 млн лет назад), когда видовое превосходство на суше перешло от динозавров к мамонтам, а от них – к человеку [4], и антропоценом [5], когда формально превосходство остается за человеком, но все больше оспаривается агентами из мира природы и техники.

Теоретический анализ

«За пределами дома, между лесами и полями, щедрых даров все еще не перечесть», – так заканчивает свое эссе о грибах А. Цин [6, с. 245]. Один из ключевых тезисов эссе можно выразить формулой, согласно которой отношения человека с грибами презентуют модусы отношений человека с миром в ту или иную эпоху. Двигаясь по разметке Д. Харауэй, А. Цин изображает чистую радость практикующего так называемую «тихую охоту» при встрече со своей добычей, будь то лисичка, шампиньон или трюфель. Подобная радость возможна и фактически реализуется в эпоху капиталоцена, когда логика взаимоотношений человека и внешнего мира выстраивается на базе капиталистических ценностей. Смысл ее кроется в том, что я получаю благо, не вкладываясь в него, просто так. Такая

реакция оформлялась постепенно в историческом развитии социума. А. Цин заостряет свое внимание на отдельных событиях, которые, по ее мысли, повернули историю человечества в то русло, течение которого мы наблюдаем сегодня.

«Злаки одомашнили человека» есть первое событие в этой череде [6, с. 235]. Как и многие иные виды из животного мира, древние люди были существами номадическими. Они передвигались от плато к плато, реализуя процессы детерриторизации и ретерриторизации, в терминологии Ж. Делеза и Ф. Гваттари, в поисках оптимальной питательной среды [7]. Однако из всего видового многообразия человек сосредоточивает свое внимание на двух–трех культурах и занимается их культивацией. Каких-то прозрачных причин, почему подобное произошло, А. Цин не называет (возможно, это не входило в ее исследовательские задачи), но с этим событием она связывает цепочку следствий, которые стимулировали зарождение первых цивилизаций. Номадический тип ведения хозяйства постепенно заменяется оседлыми формами. Человек и социум уже не столько ориентированы на дары природы, сколько нацелены на их культивацию и умножение. Это формирует потребность в зарождении семьи (члены которой занимаются обработкой полей), частной собственности (сами поля и создаваемый на них урожай) и государства (некий левиафан, стоящий на страже частной собственности и получающий за эту стражу «десятину»).

Другим значимым для А. Цин событием является европейская колонизация. Попадание европейцев на материк с иным климатом открывало им доступ к иным сельскохозяйственным культурам, например к сахару. Помимо прочего, в питательной среде, насыщенной грибными бактериями, сахар начинает «бродить». Посредством фиксации брожения и установления контроля над ним европейцы изобрели ром, который использовался в том числе как своеобразная обменная валюта внутри европейского рынка и за его пределами (в частности на рынке рабов). Колонизация позволила базовой ячейке общества выйти за пределы государственных рамок и поддерживать влияние Европы на других континентах (Азия, Африка, Америка) посредством калькирования форм социального (патриархального) взаимодействия. Таким образом, семья, частная собственность и государство стали теми фундаментальными структурами, которые составляют оплот капитализма в наше время. Они определяли оптику видения и понимания человека, общества и всего внешнего мира, который помещался между

полюсами, одомашненный и дикий, другой. Однако эта оптика становится все более расфокусированной в XXI в.

Источником понимания человека и окружающего его мира на сегодня пока остается сам человек. Как и окружающий его мир, он является становящейся, изменяющейся единицей. Д. Харауэй фиксирует эти изменения в терминологии «монструозного киборганического образования с денатурированной идентичностью» [1, с. 12]. Наверное, Д. Харауэй одна из первых стала сравнивать человека с нечеловеческими агентами, будь то киборг [8] или онкомышь [цит. по: 9, с. 144]. Постгуманистическую призму видения и понимания человека вслед за Д. Харауэй подхватила Р. Брайдотти: «По сути, Я – это подвижная и странствующая сборка в рамках общего жизненного пространства ... Для постгуманистической теории субъект является трансверсальной сущностью, полностью погруженной в сеть не-человеческих отношений (с животными, растениями, вирусами) и имманентной этой сети. Воплощенный субъект, центром которого является зое, пронизан отношениями и связями контаминирующего (вирусного) технологического типа, которые связывают его с многообразием других: начиная от энвайронментальных и экологических других и заканчивая технологическим диспозитивом» [10, с. 36–37]. Подобный переход понимающей оптики с bios'a на зое стал возможен по Р. Брайдотти в том числе в связи с распространением медиа, в XXI в. прежде всего – цифровых медиа, что способствуют пересмотру классических категорий существования и присутствия. «Облачная» реальность в условиях цифры, с одной стороны, утверждает множественность форм и способов существования человека, которые во все большей степени организуют текст, не предметный мир; с другой стороны, она легитимирует статус не-человеков как равных человеку агентов. В цифровом контексте агентность представлена технической и технологической природами (сети, гаджеты, приложения, сайты и пр.). Вместе с тем так называемые квир-исследователи утверждают агентность за пределами цифры.

К. Барад является одним из ключевых авторов, обосновывающих концепцию агентности как проблематику квир-исследований. Тематика «квир» все громче звучит в социальных и гуманитарных исследованиях. Изначально термин «квир» (с англ. queer – странный, иной, другой) употреблялся в контексте размышлений о гендерной идентичности, в репрезентации сексуальных предпочтений. С 1990-х гг. термин все чаще появляется в работах исследователей фе-

министской ориентации, размышления которых выходят за рамки гендера, в сферы культуры и науки. Р. Брайдотти, помимо прочего, предлагает постгуманистическую концепцию, провозглашающую конец гуманитарных исследовательских практик с их европоцентристской маскулинной ориентацией [9]. Им на смену приходят исследования, фокус внимания которых сосредоточен на ином: женщинах, колониальных народах, природе, цифре и многом другом.

Современного человека невозможно зафиксировать как «готовый продукт». Он становится, изменяющийся и текучий, почти как насос, который использовал Б. Латур для иллюстрации агента-не-человека, организующего социальную сеть, в контексте акторно-сетевой теории. Б. Латур обратился к работе А. Мол и М. де Лаэт, изучающих быт африканских деревень [11]. В фокус их исследования попала модель насоса, распространенная в деревнях Зимбабве – «втулочный насос типа В. П. Моргана». В сравнении с другими моделями насос П. Моргана приспособливается и подстраивается под тип и форму почвы, куда его устанавливают. В связи с этим Б. Латур приходит к выводу о текучести идентичности агентов, способных адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды. Идентичность агентов АСТ, впрочем, как и иных объектов квир-исследований, изменчива, множественна, гибка и адаптивна.

Работу «Агентный реализм. Как материально-дискурсивные практики обретают значимость» К. Барад открывает вопросом: почему слова и дискурсивные практики на современном историческом этапе обладают большей социальной ценностью в сравнении с материей как таковой? С целью восстановить материальное в своих «правах» К. Барад использует идею Н. Бора о лабораторных приборах как важной составляющей научных открытий в физике XX в.

В качестве иллюстративного материала презентуются кейсы из истории квантовой физики, в том числе прибор Штерна-Герлаха. Аппарат был построен с целью выяснить, обладает ли электрон квантовой природой. На протяжении длительного времени экспериментаторы не наблюдали динамики. В то время О. Штерн занимал должность ассистента профессора в Институте экспериментальной физики. Его небольшой зарплаты хватало только на сигары с высоким содержанием серы. После очередного «неудачного» эксперимента, близко поднеся к лицу пластину на выходе прибора, где экспериментаторы ожидали увидеть следы атомов серебра, О. Штерн к своему удивлению обнаружил почернения: сульфид серебра окислился серой.

К. Барад выводит из этой истории идею агентности сигары. «При агентно-реалистском подходе агентность сходит со своей традиционной гуманистической орбиты. Агентность не подводится под человеческую интенциональность и субъективность» [12, с. 99]. Агентность указывает на мир во всем его разнообразии, в его сборках и реконфигурациях. Мир, в свою очередь, слишком сложен для того, чтобы его откалибровать по человеку. В агентно-реалистском подходе К. Барад смещает фокус внимания с интерактивности объектов как самостоятельных сущностей на интраактивность агентов как феноменов из онтологической неразделимости, реализующих себя в становлении.

Идея квивр'а, странности попадает сегодня в отечественные разработки. К примеру, Д. С. Артамонов и С. В. Тихонова обращаются к феномену «странное время» сквозь призму социальных и темпоральных практик из сетевого контекста (с целью терминологической достоверности следует уточнить, что в работе вышеназванных авторов «странность» и «странный» отсылают к англ. “weird”, не “queer”). С позиции философов пересекается идея о том, что мы нуждаемся в обновленной исследовательской оптике, в условиях «отстранения от наличного физического и исторического времени» и одновременно во взаимодействии «со странными сетевыми объектами» [13, с. 50].

Заключение

С того времени, когда человек стал ориентироваться на оседлый образ ведения хозяйства, он все активнее изменял мир вокруг себя. Гомогенное пространство сменилось гетерогенным, слоистым, иерархию слоям которого задавал (впрочем, продолжает задавать) человек. С того времени человек прочно обосновался на «троне» бытия; видение мира формировалось сквозь антропоморфную призму, сквозь нее же задавался функционал мира. Однако со второй половины XX в. на место начала, «организующего» внешнее бытие, помимо человека, претендуют агенты, не обладающие человеческой природой. Таким агентам была и остается природа. Таким агентом стали техника и технологии. Кажется, что уже не человек организует мир вокруг себя. Современные, в том числе цифровые, технологии задают ритмику в организации социального. Наглядно это продемонстрировала пандемия COVID-19 и, прежде всего, период самоизоляции, когда большинство контактов человека с внешним миром и сама структура повседневного были переведены из режима «офлайн» в режим «онлайн».

В одной из своих работ Д. Харауэй формулирует дискуссионный тезис, согласно которому «человек, созданный по образу исчезнувшего бога, в своем секулярно-сакральном восхождении приобретает сверхспособности только затем, чтобы снова закончить трагическим бессилием» [1, с. 201]. Обращение к агентности в актуальных социальных и гуманитарных дискурсах не отменяет человека. Напротив, это обращение может помочь человеку откалибровать оптику, которая сместит с него фокус наблюдения и понимания и одновременно включит его в систему сложных взаимосвязей с внешним миром.

Список литературы

1. *Харауэй Д.* Тентакулярное мышление // *Опыты нечеловеческого гостеприимства. Антология* / под ред. М. Крамар, К. Саркисова. М. : V-A-C press, 2018. С. 180–228.
2. *Zhang Y.* The age and accretion of the Earth // *Earth-Science Reviews*. 2002. № 59, iss. 1–4. P. 235–263.
3. *Roberts N.* The Holocene: An environmental history. New York : John Wiley & Sons, 2014. 376 p.
4. *Elias S. A.* Encyclopedia of Quaternary Science. Amsterdam : Elsevier, 2013. 3576 p.
5. *Moore J. W.* Capitalism and the Web of Life: Ecology and the Accumulation of Capital. London : Verso, 2015. 336 p.
6. *Цин А.* Непослушные края // *Опыты нечеловеческого гостеприимства. Антология* / под ред. М. Крамар, К. Саркисова. М. : V-A-C press, 2018. С. 228–251.
7. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория; М. : Астрель, 2010. 895 с.
8. *Харауэй Д.* Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М. : AdMarginem, 2017. 128 с.
9. *Брайдопти Р.* Постчеловек. М. : Издательство Института Гайдара, 2021. 408 с.
10. *Брайдопти Р.* Критическая постгуманитаристика // *Опыты нечеловеческого гостеприимства. Антология* / под ред. М. Крамар, К. Саркисова. М. : V-A-C press, 2018. С. 24–41.
11. *Латур Б.* Визуализация и познание: изображая вещи вместе // *Логос*. 2017. Т. 27, № 2 (117). С. 95–156.
12. *Барад К.* Агентный реализм // *Опыты нечеловеческого гостеприимства. Антология* / под ред. М. Крамар, К. Саркисова. М. : V-A-C press, 2018. С. 42–121.
13. *Тихонова С. В., Артамонов Д. С.* Странное время в объектно-ориентированной онтологии: Харман и Латур // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2021. № 63. С. 43–52. <https://doi.org/10.17223-199886XXX-63-5>

References

1. Haraway D. Tentacular thinking. In: M. Kramar, K. Sarkisov, eds. *Opyty nechelovecheskogo gostepriimstva. Antologiya* [Experiences of Inhuman Hospitality. An Anthology]. Moscow, V-A-C press, 2018, pp. 180–228 (in Russian).
2. Zhang Y. The age and accretion of the Earth. *Earth-Science Reviews*, 2002, no. 59, iss. 1–4, pp. 235–263.
3. Roberts N. *The Holocene: An Environmental History*. New York, John Wiley & Sons, 2014. 376 p.
4. Elias S. A. *Encyclopedia of Quaternary Science*. Amsterdam, Elsevier, 2013. 3576 p.
5. Moore J. W. *Capitalism and the Web of Life: Ecology and the Accumulation of Capital*. London, Verso, 2015. 336 p.
6. Tsing A. Unruly Edges. In: M. Kramar, K. Sarkisov, eds. *Opyty nechelovecheskogo gostepriimstva. Antologiya* [Experiences of Inhuman Hospitality. An Anthology]. Moscow, V-A-C press, 2018, pp. 228–251 (in Russian).
7. Deleuze J., Guattari F. *Tsyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Yekaterinburg, U-Factoria Publ., Moscow, Astrel Publ., 2010. 895 p. (in Russian).
8. Haraway D. *Manifest kiborgov: nauka, tekhnologiya i sotsialisticheskij feminizm 1980-kh* [The Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s]. Moscow, AdMarginem, 2017. 128 p. (in Russian).
9. Braidotti R. *Postchelovek* [Posthuman]. Moscow, Gaidar Institute Publishing House, 2021. 408 p. (in Russian).
10. Braidotti R. A Theoretical Framework for the Critical Posthumanities. In: M. Kramar, K. Sarkisov, eds. *Opyty nechelovecheskogo gostepriimstva. Antologiya* [Experiences of Inhuman Hospitality. An Anthology]. Moscow, V-A-C press, 2018, pp. 24–41 (in Russian).
11. Latour B. Visualization and cognition: depicting things together. *Logos*, 2017, vol. 27, no. 2 (117), pp. 95–156 (in Russian).
12. Barad K. Agential realism. In: M. Kramar, K. Sarkisov, eds. *Opyty nechelovecheskogo gostepriimstva. Antologiya* [Experiences of Inhuman Hospitality. An Anthology]. Moscow, V-A-C press, 2018, pp. 42–121 (in Russian).
13. Tikhonova S. V., Artamonov D. S. Weird time in object-oriented ontology: Harman and Latour. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 2021, no. 63, pp. 43–52 (in Russian). <https://doi.org/10.17223-199886XXX-63-5>

Поступила в редакцию 27.08.2022; одобрена после рецензирования 10.09.2022; принята к публикации 17.10.2022
The article was submitted 27.08.2022; approved after reviewing 10.09.2022; accepted for publication 17.10.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 398–402
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 398–402
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-398-402>, EDN: FIVBSN

Научная статья
УДК 1(091)

Война и кризис глобального псевдолиберального цивилизационного проекта

В. П. Рожков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рожков Владимир Петрович, доктор философских наук, профессор кафедры теологии и религиоведения, vladim-rozhkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4737-665X>

Аннотация. Введение. Война в ядерный век независимо от вариантов «ограниченного» или «локального» ядерного военного конфликта представляет апогей глобального кризиса человечества. **Теоретический анализ.** Цель статьи заключается в обозначении признаков и предпосылок кризиса глобального либерального цивилизационного проекта. Новизна исследования проявляется в авторской аргументации взаимосвязи философии войны западного рационализма с псевдолиберальным моделированием современной цивилизационной динамики. В процессе проблемного изыскания используются принцип историзма, социокультурный подход и методы критической философской рефлексии. Доказывается, что ключевым признаком псевдолиберальной метаморфозы выступает ориентация политической стратегии правящих кругов США на достижение статуса «страны-гегемона», что практически означает отказ от демократического принципа в конструировании полицентрической модели мирового устройства. **Заключение.** Предпосылкой подобного концептуального переворота служит расхождение между либеральной идеей свободы и демократическим требованием равенства, породившим противоречия в концепте «свобода в неравенстве». Следствием такого расхождения либерализма и демократии является переход от диалога к войне как приоритетного способа решения политических задач. В статье последовательно выделяются теоретические и нравственные предпосылки превращения либерального цивилизационного проекта в псевдолиберальный.

Ключевые слова: цивилизация, война, кризис, свобода, неравенство, демократия, страна-гегемон, право, нравственность, псевдолиберализм

Для цитирования: Рожков В. П. Война и кризис глобального псевдолиберального цивилизационного проекта // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 398–402. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-398-402>, EDN: FIVBSN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The war and the crisis of the global pseudo-liberal civilizational project

V. P. Rozhkov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vladimir P. Rozhkov, vladim-rozhkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4737-665X>

Abstract. Introduction. War in the nuclear age regardless on the options of limited or local nuclear military conflict represents the apogee of the global crisis of humanity. **Theoretical analysis.** The purpose of the article is to identify the signs and prerequisites of the crisis of the global liberal civilizational project. The novelty of the research is manifested in the author's argumentation of the relationship of the philosophy of the war of western rationalism with pseudo-liberal modeling of modern civilizational dynamics. In the process of problem research the principle of historicism, socio-cultural approach and methods of critical philosophical reflection are used. The author proves that the key feature of the pseudo-liberal metamorphosis is the orientation of the political strategy of the ruling circles of the United States to achieve the status of a "hegemon country". This practically means abandoning the democratic principle in constructing a polycentric model of the world order. **Conclusion.** The prerequisite for such a conceptual revolution is the discrepancy between the liberal idea of freedom and the democratic demands of equality, which gave rise to contradictions in the concept of "freedom in inequality". The consequence of this divergence of liberalism and democracy is characterized by the transition from dialogue to war as the priority way of solving political problems. The article consistently highlights the theoretical and moral prerequisites for the transformation of a civilizational project into a pseudo-liberal one.

Keywords: civilization, war, crisis, freedom, inequality, democracy, hegemon country, law, morality, pseudo-liberalism

For citation: Rozhkov V. P. The war and the crisis of the global pseudo-liberal civilizational project. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 398–402 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-398-402>, EDN: FIVBSN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Война как явление апогея зла, метафизическим выражением которого, по мнению русского религиозного философа С. Л. Франка, представляется смерть, предельно отчетливо обозначает ответ на вопрос: «Кто есть кто?» [1, с. 782].

Как правило, это выясняется в войнах с религиозными экстремистами, нацистами, фашистами.

Выявление ментальных особенностей, духовно-нравственных ценностей, психологических характеристик и социальных в широком смысле слова приоритетов относится не только к человеку как индивиду и личности, но и к политическим, творческим, интеллектуальным элитам, социальным группам, политическим партиям, социально-политическим течениям, выражающим и реализующим различные социальные доктрины и идеологии этносам, государствам и цивилизациям.

Отчетливость и динамичность ответа на поставленный войной вопрос объясняется его экзистенциальной значимостью для человека во всех отмеченных личностных и институциональных измерениях. И это вполне понятно, если учесть, что вопрос «Кто есть кто?» на войне неразрывно связан с гамлетовским вопросом «Быть или не быть?». Именно органическая связь со вторым вопросом позволяет почувствовать, осознать и осмыслить войну как многогранное выражение кризиса больного общественного организма.

Разумеется, можно анализировать войну как реальность и необходимость в классической и неклассической философских парадигмах. Наконец, возможен и подход к войне как форме «игры» или «большой игры» глобального масштаба в контексте виртуального представления мира в информационной фазе. Но когда речь идет о постановке вопроса «Быть или не быть?» перед человечеством, балансирующим на грани ядерного апокалипсиса, оптимальной представляется рефлексия военного конфликта в кризисном аспекте.

Теоретический анализ

Методологический ресурс предлагаемого аспектного выбора исследования поставленной проблемы проявляется уже на уровне терминологического анализа понятия «кризис». Как известно, среди переводов с древнегреческого выделяются разные смыслы этого слова: например, приговор, решение, переворот, поворот, поворотный пункт, перелом и др. Думается, что в решении задачи осмысления понятий «война»,

«военный конфликт» в кризисном аспекте социальной динамики правомерно акцентировать внимание на такое из обозначенных кризисных смысловых значений, как «перелом», а точнее «резкий коренной перелом».

Предлагаемый смысловой выбор можно объяснить тем, что, во-первых, категория «перелом» отражает суть войны как экстремального состояния социального организма. Более того, именно логика категориального выражения подобной экстремальности обосновывает введение такого смысла обозначения военно-политического кризиса, как резкий перелом, коренной перелом. Во-вторых, в смысловом содержании слова «перелом» проявляется ориентация на дилемму выхода из сложившегося экстремального состояния социально-политических отношений.

Если рассматриваемую дилемму выразить с позиции представления мира как надтреснутого единства в метафизике всеединства С. Л. Франка, то военно-политический кризис в смысле экстремальной ситуации в ядерный век означает, образно выражаясь, зависание мира над пропастью, бездна небытия. Однако понимание дилеммности в восприятии кризиса как перелома позволяет дополнить эту картину двумя альтернативными вариантами образов исхода: либо падения зависшего над пропастью мира в бездну, либо устремления мира из бездны надтреснутого единства в измерение новой целостности.

С учетом объективно-субъективного характера социальных процессов можно предположить, что выбор варианта дилеммы кризиса современных международных отношений во многом зависит от решения человечества как субъекта мировой социальной динамики в поиске ответов на вызовы истории. Если предлагаемое уточнение принимается как исходное методологическое положение, то оно ориентирует на дополнительные, правомерные в данном случае уточнения, расширяющие параметры вариативного выбора решений в процессе разработки темы.

Так, обращение к человечеству в качестве субъекта поиска варианта ответа на вызовы исторического времени, а конкретнее субъекта принятия решения относительно социальных изменений, их направленности, форм и способов допускает дифференциацию личностей, этносоциальных групп, социальных общностей и образований в форматах «индивидуальный субъект – социальный субъект». В свою очередь это методологически обосновывает возможность исследовательской апелляции к

различным элементам социальной структуры современного общества и их институциональному измерению.

Вышеобоснованные позиции доказывают правомерность включения изложенных положений в методологический ресурс исследования глобальных военно-политических конфликтов в субъектно-кризисном аспектном ключе. Актуализация его апробации в настоящее время не требует развернутой аргументации ввиду резкого обострения кризиса отношений России и Запада, достигшего фазы военной операции на Украине. Как представляется, на уровне философского сознания подобные военно-политические конфликты вызывают в сложившейся международной ситуации необходимость рефлексии их связи с кризисом глобального либерального цивилизационного проекта.

Решение такой задачи логично начать с реконструкции концептуальной модели общества в цивилизационном статусе. Как известно, из многочисленных определений цивилизации можно заключить, что цивилизационный подход предполагает представление общества как социокультурной общности или как соответствующей системы закрытого или открытого типа. Заданный таким образом вектор конструирования цивилизационной модели общества методологически ориентирует на выделение культуры в качестве базового компонента социальной динамики, проявление которого может рефлексироваться в диапазоне «индивидуальный субъект – социальный субъект». Вариативность субъектного выбора в обозначенном, достаточно широком диапазоне объясняется методологической открытостью цивилизационного подхода.

Аналогичная вариативность предполагается и в определении сфер деятельности выбранного субъекта, что нацеливает на выявление различных видов культуры, например, экономической, теоретической, правовой и политической культур и т. п. С позиции целевой тематической ориентации исследования особый интерес не может не вызывать выделение правовой и политической культуры, так как в них категориально проявляется такой универсальный признак общества в статусе цивилизации, как государственная форма организации и управления.

Дело в том, что структурно-функциональный анализ института государственной власти и управления позволяет аргументировать связь цивилизационной модели с такой формой межцивилизационных отношений, как война. Связь эта становится очевидной при обнаружении того неопровержимого факта, что одной из особен-

ностей государственной власти является реализация ею насильственной функции регуляции социальных отношений, процессов, конфликтов во внутрицивилизационном и межцивилизационном форматах. Именно для выполнения функции насильственного регулирования цивилизационной динамики в системе государственных органов создаются силовые структуры: армия, полиция и т.п. Следовательно, цивилизационная модель организации общества изначально содержит в себе институционально-организационный фактор войны.

Не случайно известные в истории философии социальной политической и военной науки мыслители, начиная с древних, и до современных цивилизаций обращались к военной теме, стремясь сформировать и предложить общественному сознанию парадигму универсального смысла войны и обосновать правомерность ее ведения цивилизационным сообществом. Показательно в этом отношении осмысление войны Гераклитом как общего закона мироздания, аргументация оправданности войны с варварами Платоном и Аристотелем, характеристика целей на установление господства, восстановление ущемленного права, возмещение морального ущерба и возвращение собственности как справедливых причин войны М. Т. Цицероном.

Стремление к теоретической концептуализации войны, в том числе в контексте правовой и политической культуры, этическая рефлексия в аспекте теории справедливой войны получают дальнейшее развитие в либеральных цивилизационных проектах философов Нового и Новейшего времени. Типичным примером такого рода преемственности являются идеи Дж. Локка, признанного автора концепций «естественного права» и «общественного договора», ставших основой классического либерализма. Определяя состояние войны по существу как состояние вражды и разрушения, мыслитель в контексте ключевой ценностной ориентации либерализма на свободу, во-первых, характеризует вовлечение в состояние войны как попытку полного подчинения своей воле одним человеком Другого. Во-вторых, он полагает законным и справедливым убийство субъекта, совершающего такую попытку, тем Другим, у которого стремятся отнять свободу [2, с. 272]. Примечательно его объяснение акцента на свободу замечанием о свободе как основе всего остального, в котором можно выявить приоритетность концепта свободы в локковской триаде естественного права на жизнь, собственность и свободу. Думается, что взаимосвязь свободы и

частной собственности в приведенной триаде заслуживает отдельного изъяснения в контексте противоречий аргументированной впоследствии либеральной мыслью связи «свободы и неравенства» [3, с. 286].

Нельзя не отметить и определенную противоречивость в суждениях Дж. Локка о силе без права, обращенной против личности человека, как о факторе, создающем состояние войны, а с другой стороны – в его апелляции к какой-либо власти и силе на земле, играющей роль общего судьи, к которому возможно обращение как к субъекту, способному оказать помощь в избежании или прекращении состояния войны. Не заложены ли в этих положениях истоки противоречий будущих псевдолиберальных трансформаций смыслов свободы в концепте «страны-гегемоны» в глобальной цивилизации однополярного мира?

Как показывает политическая практика, реализация концептуально разработанной идеи такой гегемонии в качестве стратегической установки политики США в области международных отношений ведет именно к псевдолиберальной метаморфозе «свободы в неравенстве» в мировую диктатуру субъекта экономического и военного доминирования. Возникает ситуация, когда право на свободу, жизнь и собственность в планетарном измерении становится прерогативой страны-гегемона.

И это вполне объяснимо. Гегемония, означающая в переводе с греческого господство в практике международных отношений, проявляется в политических действиях по осуществлению безусловного доминирования одного субъекта мировой динамики над другими. Выбор масштаба убийства Другого или субъекта-жертвы становится исключительным правом страны-гегемона. Оно определяется экономическими и политическими интересами правящих кругов гегемона и их расчетами относительно ресурсов и уровня противостояния этого Другого, их стратегии и тактике установления мирового порядка. Следует учитывать, что в современной ситуации утверждение такого порядка означает тотальное господство. В условиях неравномерности распределения и истощения энергетических, сырьевых, минеральных ресурсов планеты борьба за порядок тотального господства страны-гегемона и против него приобретает экзистенциальный смысл для противостоящих сторон.

В сложившейся исторической ситуации лидером противостояния господству страны-гегемона в лице США выступает Россия,

обладающая всеми видами перечисленных материальных ресурсов, необходимым военным инструментарием отстаивания государственного суверенитета и выступающая за конструирование порядка в международных отношениях в модели многополярного мира.

Из ранее выявленных противоречий теории либерализма становится понятным, что акцент правящих кругов США как страны, декларирующей статус мирового гегемона на войну как приоритетный способ достижения тотального мирового господства, запрограммирован концептуально в либеральном цивилизационном проекте. Формализация, деформация, псевдолиберализация проекта в концепте «страны-гегемона», свидетельствующие о его кризисе, лишь усиливают основания выбора войны как формы достижения стратегической цели мировой гегемонии.

Моральный фактор отказа или минимизации использования военного варианта решения политических задач в либеральной, а тем более в псевдолиберальной доктрине изначально девальвирован трансляцией европейской философией Нового и Новейшего времени в общественное сознание западной техногенной цивилизации принципа относительности нравственных ценностей. Не случайно, по мнению исследователей философии И. Канта, даже автор категорического императива как общезначимой нравственной установки осмысливал состояние мира без войны лишь в качестве морального идеала.

Показательно в этом отношении и то, что в определении статуса цивилизованности западные теоретики либерализма акцентируют внимание на политическо-правовые характеристики, придавая забвению нравственно-ценностные критерии или подвергая прагматической трансформации их содержание. Этим во многом объясняются проблемы этической рефлексии войны западными мыслителями в контексте либеральной теории и связанные с ними беспринципная манипуляция индивидуальным и общественным сознанием, ориентация на бесчеловечные способы тотального уничтожения противника в параметрах личность–этнос–цивилизация. Принцип относительности нравственных ценностей позволяет в настоящее время правящим кругам глобализированного на уровне транснациональных корпораций США капитала оправдывать использование в роли исполнителей актов массовой беспредельной жестокости идеологию и военные формирования радикалов, нацистов и фашистов.

Заключение

В силу вышеотмеченных исторических обстоятельств и альтернативных псевдолиберализму геополитических духовно-культурных ориентаций в эпицентре противоборства со всеми отмеченными кризисными проявлениями реализации псевдолиберального проекта оказалась российская цивилизация. Именно против нее ведется война с целью тотального цивилизационного уничтожения, характеризуемая как информационная война, кибервойна, гибридная война. При этом не исключается и перспектива ограниченной ядерной войны и локальной ядерной войны.

Последнее может восприниматься как завершение кризиса в реализации либерального цивилизационного проекта реальным концом истории отнюдь не в интерпретации Ф. Фукуямы. Отрицание его выводов о перспективе универсализации западной модели демократии современной исторической действительностью, как выясняется, обусловлено внутренними доктринальными противоречиями либеральной теории. Ими во многом объясняется тот парадокс, что страна, представлявшая себя носителем и защитником демократии, борется за утверждение мирового порядка, организуемого на принципе моноцентризма практически в форме диктатуры гегемона. Процесс осуществления стратегического курса США и их союзниками по НАТО в этом направлении военными средствами, не исключая ядерный ресурс, может привести от свободы в неравенстве к свободе небытия.

Возможность такого финала кризиса либерального цивилизационного проекта ставит мировое сообщество перед жизненно значимыми для него вопросами. Понимает ли современная

политическая элита коллективного Запада апокалиптический смысл этого варианта завершения кризиса для всего человечества, частью которого она пока является? И достигло ли человечество того уровня духовного и интеллектуального развития, который позволит решить дилемму цивилизационного кризиса, избежав ядерной катастрофы и совершив прорыв к качественно новой полицентричной организации международных отношений?

Список литературы

1. Франк С. Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Франк С. Л. Сочинения. Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2000. 800 с.
2. Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. Е. С. Логутина, Ю. В. Семенова. М. ; Челябинск : Социум, 2014. 494 с.
3. Рожков В. П. Свобода и неравенство: к проблеме истории и философии либерализма // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 283–287. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-283-287>

References

1. Frank S. L. Incomprehensible. Ontological introduction to the philosophy of religion. In: Frank S. L. *Sochineniya* [Essays]. Minsk, Harvest Publ., Moscow, AST Publ., 2000. 800 p. (in Russian).
2. Locke J. *Dva traktata o pravlenii* [Two Treatises of Government. Trans. from Engl. E. S. Logutina, Yu. V. Semenova]. Moscow, Chelyabinsk, Sotsium Publ., 2014. 494 p. (in Russian).
3. Rozhkov V. P. Freedom and inequality: On the problem of the history and philosophy of liberalism. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 283–287 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-283-287>

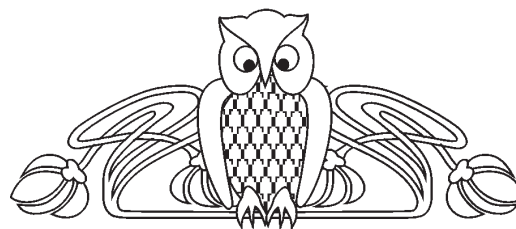
Поступила в редакцию 01.06.2022; одобрена после рецензирования 18.06.2022; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 01.06.2022; approved after reviewing 18.06.2022; accepted for publication 22.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 403–407
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 403–407
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-403-407>, EDN: FEUWME

Научная статья
УДК 111.1:124.1

Концептуализация хаоса в WEB 2.0 и хаотический субъект Сети

В. Е. Рыженков

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Рыженков Владислав Евгеньевич, соискатель кафедры онтологии и теории познания, vladislav.e.ryzhenkov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6006-3682>

Аннотация. Введение. В статье рассматривается традиционная для философии тема хаоса в перспективе материальности и пространственности, сопряженной с проявлениями WEB 2.0 – стадии развития глобальной Сети, где превалируют интерактив и содержания от самих сетевых пользователей. **Теоретический анализ.** Предпринята попытка по-новому осмыслить вопрос о хаосе, используя методы и модели, адекватные для digital-сферы, тематизируя концепт киберхаоса, чтобы ответить на вопрос о его актуальности для современных исследований Интернета. Осмысление субъекта Сети, киберхаоса и Интернета как хаотической системы на стадии WEB 2.0, где главенствуют неупорядоченность и сверхинтенсивность содержаний, показывает его одновременно креативным началом и способом катастрофического влияния на мир, вышедшим из цифры, но при этом доступным для контроля и подавления. **Заключение.** Рассмотрение обозначенной проблемы позволяет считать эффективной в пространствах WEB 2.0 делезианскую номадологию. Результат этого рассмотрения – ряд предложений по концептуализации хаоса и сегментов современной жизни, которые относятся к Интернету и WEB 2.0: соцсетевая субъектность, информационный хаос, мессенджеры как драйвер хаотических социополитических движений.

Ключевые слова: хаос, космос, хаосмос, гиперхаос, Интернет, digital humanities, постнеклассическая философия, номадология, археология медиа

Для цитирования: Рыженков В. Е. Концептуализация хаоса в WEB 2.0 и хаотический субъект Сети // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 403–407. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-403-407>, EDN: FEUWME

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Conceptualization of chaos in WEB 2.0 and the chaotic subject of the Web

V. E. Ryzhenkov

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Vladislav E. Ryzhenkov, vladislav.e.ryzhenkov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6006-3682>

Abstract. Introduction. The article considers the theme of chaos, traditional for philosophy, in the perspective of materiality and spatiality, associated with manifestations of WEB 2.0: the stages of development of the global Web, where interactive content and content from the network users themselves prevail. **Theoretical analysis.** Here, an attempt is made to comprehend the question of chaos, using methods and models adequate for the digital sphere, as well as thematizing the concept of cyberchaos in order to answer the question of its relevance for modern Internet research. Understanding Internet subject, cyberchaos and the Internet as a chaotic system at the stage of WEB 2.0, where disorder and over-intensity of content predominate, shows it to be both a creative beginning and a method of catastrophic influence on the world, emerging from digital, but at the same time available for control and suppression. **Conclusion.** The current consideration makes it possible to take into account the scale of Deleuzian nomadology in the WEB 2.0 space. Its result is a series of proposals for the conceptualization of chaos and segments of modern life that relate to the Internet and WEB 2.0: social network subjectivity, information chaos and instant messengers as a driver of chaotic socio-political research.

Keywords: chaos, cosmos, chaotic space, hyperchaos, Internet, digital humanities, post-non-classical philosophy, nomadology, media archaeology

For citation: Ryzhenkov V. E. Conceptualization of chaos in WEB 2.0 and the chaotic subject of the Web. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 403–407 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-403-407>, EDN: FEUWME

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Базовая для философии тема хаоса (др.-греч. «χᾶος» от «χαίνω» – «раскрываюсь», «разверзаюсь») подтверждает свою актуальность, когда в фокусе обсуждений оказываются гипернасыщенная безосновность, неупорядоченность, неопределенность бытия в ее взаимном отношении к бытию космическому (внешнему) и внутреннего (человека).

Сама формулировка названия данной статьи предполагает продуктивную двусмысленность, которая означает, что концептуализация хаоса проходит в киберпространстве WEB 2.0 как исследовательской платформе и концептуализируются те содержания из WEB 2.0, которые отражают ее хаотичность.

Что автор подразумевает под хаосом и хаотичностью? Это онтолого-гносеологическое исследование, у которого есть также и аксиологическая, и социально-политическая компоненты. Принимается во внимание синергетическое определение энтропии, но ставится акцент на таких характеристиках хаоса, как насыщенные интенсивность и неупорядоченность системы.

Одно из наиболее проработанных полей для обсуждений хаоса в XX в. предложили физика и синергетика. Рихард Клаузиус ввел понятие «энтропия», а Эрвин Шрёдингер – «негэнтропия», которую система импортирует для самосохранения. Энтропия – хаос и саморазрушение, негэнтропия – движение к упорядочиванию, к организации системы. Отсюда всякая система борется с внешним хаосом через упорядочивание последнего, импортируя негэнтропию. Это позволяет рассматривать все процессы в мире как энтропические [1]. Для философской проблематизации такое рассмотрение дает возможность концептуализировать хаос в самых различных системах, включая киберпространство, для исследований которого становится уместным понятие собственной энтропии.

Говоря об актуальности темы хаоса в целом, отметим, что его в неклассической перспективе рассматривают даже определяющим возмозможность «быть» мира, человека, современности. Эта позиция, как и актуальность темы, обуславливается стремительными темпами НТР с приближением к сингулярности [2] и сообразной рефлексией из «ситуации Постмодерна».

Старые вопросы, в том числе о хаосе, осмысляются по-новому. Предлагаются исследовательские модели и методы, адекватные цифровой эпохе: включенное наблюдение с работой на платформе, цифровые лаборатории

и эксперименты, соцсетевые исследовательские коллаборации, блог-философия [3]. Из этого вытекает формат описания и преобразования перманентно перестраивающегося мира. Появилось много понятий и концептов – способов именовать хаос, а первозданность «зияющей бездны» доведена до «хаосмоса» [4], «гиперхаоса» [5] и других вариаций [6].

Сегодня концептуализация хаоса – не выбор «лучшего» из имен хаоса, хотя и означает внимание к распространенным именам. Вообще «распространенность» особо значима в концептуализации хаоса, ибо обнаруживается методологическая особенность его исследований: как и собственно мир, хаос не просто распространен, он по сути всепроникающ и потому может быть с некоторым смыслом усмотрен в любом из содержаний этого мира и предметном поле. Одно из таких полей – киберпространство, в том числе пространство Интернета и WEB 2.0 – от блогосфер и пиринговых трекеров до соцсетей и мессенджеров.

Уместно ли выделять особый хаос именно этого пространства, например, через концепт «киберхаос»? Это базовый вопрос настоящей статьи. Под киберхаосом можно подразумевать хаос в системе сетевого мира (Сети), ее видимую гипернасыщенную интенсивность и неупорядоченность содержаний. Такие хаотические признаки встречаются в Сети, но эксплицитно ее хаотичность как некий отдельный киберхаос исследователи широко не обсуждают. Поэтому сам вопрос об актуальности этой темы остается открытым.

Исходя из вышеизложенного, реально предположить: может быть полезен специальный концепт, который позволяет захватить этот смысл и разобрать его более подробно.

Теоретический анализ

Становление и пространство WEB 2.0 позволяет задавать вопросы об отношениях между субъектом и его репрезентацией, которые говорят о хаотичности субъекта этого пространства.

Субъектность здесь ставит под вопрос предметность «исходного» субъекта, тела. «Не смартфон – наше периферийное устройство, а мы становимся периферийным устройством смартфона. И эта тенденция будет только нарастать» [7, с. 44]. Если самость раскрывалась по преимуществу в киберпространстве, то смерть реального тела не ликвидирует ее возможность представляться Другим как некий киберартефакт. Сейчас этот мотив усиливается даже

чисто технически. Так, опция «тайминг постов» позволяет зарядить страницу эксклюзивным, новым для прочих и оттого как бы «живым» контентом.

Данное проблемное поле позволяет очертить нюансы субъектной репрезентации в соцсетях. Один из них – интенсификация в трансформациях субъектов и их взаимодействий [8]. Наравне с этим раскрывается насыщенный функционал персонального аккаунта как инструмента познания и творчества (построения альтернативных биографий, фантастических нарративов).

Применительно к вопросу о субъектности и хаосе в WEB 2.0 сохраняет потенциал номадология, развитая последователями Жюль Делёза и Феликса Гваттари [9]. В этой оптике «кочевые аккаунты» (иногда анонимные (фальшивые)) в соцсетях скользят от плато к плато, возвращаясь в исходное с «награбленным» (записи, репосты, мультимедиа), обмениваются лайками и сообщениями. Притом они вынуждены отталкиваться от комплекса правил единой администрации (как бы медиума между ними и реальным законом государства), стараясь миновать ее репрессий и по мере возможностей играя на грани фола.

В целом WEB 2.0 катализирует децентрализованность и гетерархичность сетевых содержаний, что подкрепляет ее взрывной потенциал для установленного порядка и культурной дихотомии типа «элитарное (массовое)». Вместо вертикалей оценочности привилегированных сообществ образуется горизонтальное пространство, где различия теряют смысл [10, с. 32–34].

Отсюда есть разные варианты схватывания одного и того же. Можно сказать, что децентрализованность и гетерархичность характеризуют специфику структур, а не их отсутствия, поэтому примером хаоса и киберхаоса сами по себе быть не могут.

Однако можно отметить, что как раз такие ризоматические структуры – суть хаотические. Это просто оказывается другой логикой рассмотрения, в том же смысле, в каком структурализм отличается от постструктурализма: последний скажет, что не хаос упорядочен структурами, а любые единичные структуры содержат в себе хаос как безосновность (множество, предшествующее какому-либо единству).

Важной вехой в концептуализации хаоса стало развитие блогосферы как пространства для манифестации социально-политических утверждений и новых идей постделезианской

философии, что выразилось движением акселерационизма и Темным Просвещением, инициированным Ником Лэндом.

Далее Ник Срничек и Алекс Уильямс выдвинули версию именно антикапиталистического «левого акселерационизма», отделяющегося от прокапиталистической тени акселерационизма «правого» [11].

Согласно же Лэнду, поскольку то, что может последовательно подпитывать социо-историческую акселерацию, является капиталом – любой «левый» акселерационизм невозможен. Отсюда надежда оставляется только новому поколению провозглашающих «Необусловленный Акселерационизм», чьи аккаунты выявляются в соцсетях хэштегом #Rhetttwitter [12].

Темное Просвещение считает себя оппозицией «Собору» как аналогу Мирового Порядка: это и университетские интриги, и пресса, и ценности истэблшмента, препятствующие инакомыслию. Темное Просвещение проступает, когда эти структуры видятся как современные злодеяния. Отсюда его цель – ускорение капитализма как системы к состоянию гиперхаоса, в том числе посредством киберпространственных действий. Это яркая иллюстрация постклассически понятого хаоса, т. е. хаоса, взятого как ценностное основание, что также сопряжено с некоторой концептуализацией хаоса.

В свою очередь, гуманитарные интернет-исследования (Digital Humanities) изучают прежде всего прогресс познания и возможности повышения качества исследований с помощью цифровых методов. Они не выносят отдельно вопрос о хаосе или киберхаосе, но тем и ценны для концептуализации хаоса, поскольку представляют собой контрпример вышеописанному Темному Просвещению, т. е. случай упорядочивающей логики, действующей с содержаниями киберпространства.

Перспективным подходом в интернет-исследованиях выступает археология медиа. Как археология изучает прошлое по раскопанным вещественным источникам, так и ее «цифровая» версия раскапывает цифровое (киберпространство). Форумы и блоги, соцсети, Википедия и родственные платформы – множество статусных проектов стали артефактами для медиархеологии эпохи WEB 2.0 [13].

Попробуем теперь «раскопать» мессенджер Telegram (TG), совместив подход медиархеологии с упомянутыми в статье концептуальными завоеваниями номадологии (которая, в свою очередь, исходит из делезианской концептуали-

зации хаоса, взятого как ценностное основание в системе капитализма, ускоряемого к состоянию гиперхаоса).

Имея современную концепцию хаоса, следует рассмотреть производимую соцсетями акселерацию хаоса как уровня беспорядка (энтропии) в системе или киберхаоса, от которого система вынужденно избавляется, регулируя и подавляя деятельность сетевых «кочевников».

Стремительный путь TG укладывается в логику акселерации и соотносим с этим движением. Сначала он работал как классический мессенджер, чьей главной чертой стала высокая конфиденциальность. Именно она, дополненная возможностью создавать публичные каналы и чаты, привлекла в TG сторонников «темного» Интернета и оппозиционных политических движений.

Далее и для СМИ и организаций, обращенных к гражданскому обществу, стало необходимо иметь свои делезианские «плато» – чаты и каналы в TG, ризоматически связанные в кооперирующие сети, единство владения которыми принципиально размыто, а отсутствие иерархии, наоборот, подчеркивается.

Такая экосистема позволила мессенджеру стать ведущей площадкой для критики и кооперации. Как пример – канал Nexta Live и выборы-2020 в Белоруссии, где сквозь WEB 2.0 реализовалось «разверзание киберхаоса»: ускорение социально-политических процессов в реальном мире. Здесь видна реализация «тройной революции»: появление социальных медиа как рупора гражданского общества; массовая доступность смартфонов как платформ для этого общества; доступность цен за Интернет, которая помогла «сетевым кочевникам» объединиться на одной площадке для изменения политико-управленческого статуса «Империи» [14].

За неделю после выборов количество подписчиков Nexta Live выросло в разы. Заговорили о победе ризоматической, сумбурной самоорганизации над бюрократией. Однако вскоре стало ясно, что сила платформы переоценена. Ни торжества демократии, ни хаоса киберанархии, желаемого протестующими, не произошло – лишь затяжной кризис, а не смена власти.

Подобные кризисные точки Telegram проходил не раз. Цифровую революцию его финтех-проекта TON остановили регулирующие госорганы США. Тогда инвесторы избавились от мыслей о киберанархии с независимыми Интернетом и экономикой в WEB 2.0.

Эта история показала: «идейным» продуктам не стоит бороться с мощностями государ-

ства. Но движение TG не останавливается – после кризисов следуют новые витки его развития, что укладывается в логику отношений хаоса и порядка в системах (когда хаос в цифровой системе доходит до предела, коллапса, система экспортирует хаос в аналоговый мир и сама переводится на другой уровень).

Заключение

Таким образом, при рассмотрении различных исследовательских практик в статье получил развитие вопрос осмысления киберхаоса и Интернета как хаотической системы при акценте на WEB 2.0, где не-упоряденность и сверхинтенсивность содержаний явилась креативным началом нового типа. И оказала катастрофическое глобальное влияние на мир не-цифровой. Но все же оказалась достаточно уязвимой для подавления – такая энтропия продолжает регулироваться системой. Это позволяет считать эффективной в пространствах WEB 2.0 делезианскую номадологию, которая подходит для анализа движений на сетевых платформах и отношений их агентов друг с другом, с администрацией и с системой не-цифрового мира.

Отвечая на вопрос об актуальности киберхаоса и выделения такого концепта, предположим, что исследования под этим углом имеют потенциал, что доказывает вышеприведенный пример анализа TG. А иные современные исследования Интернета, игнорирующие открытое обсуждение хаоса, все-таки тематизируют усматриваемые в интернет-содержаниях его ключевые характеристики, такие как интенсивность и неупорядоченность.

Говоря о разнице между исследовательскими подходами, можно обозначить Digital Humanities и Темное Просвещение как два полюса взаимодействия с хаосом через цифровое пространство. Один упорядочивает рывки цифровой революции и хаотические массивы оцифровываемых данных, другой акселерирует хаотизацию в не-цифровое.

Список литературы

1. Аршинов В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М. : ИФ РАН, 1999. 203 с.
2. Турчин А. В., Батин М. А. Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа? М. : Лаборатория знаний, 2019. 287 с.
3. Манифест Digital Humanities. URL: <https://tcp.hypotheses.org/501> (дата обращения: 04.11.2020).

4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М. : Академический проект, 2009. 261 с.
5. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
6. Кузнецов В. Ю. Единство мира в постнеклассической перспективе. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2018. 288 с.
7. Миронов В. В. Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации. СПб. : СПбГУП, 2019. 60 с.
8. Zittrain J. L. *The Future of the Internet – And How to Stop It*. New Haven : Yale University Press, 2008. 352 p.
9. Guattari F., Negri A. *New Lines of Alliance, New Spaces of Liberty*. New York : Minor Compositions, 2010. 144 p.
10. Сибрук Дж. «Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры». М. : Ад Маргинем Пресс, 2013. 240 с.
11. Срничек Н., Уильямс А. Манифест акселерационистской политики // Логос. 2018. № 2. С. 7–20.
12. Лэнд Н. «Быстрое-и-грубое введение в Акселерационизм». URL: <https://syg.ma/@igor-stavrovsky/nik-lend-bystroie-i-niepristoioie-vviedieniie-v-aksielersionizm> (дата обращения: 17.01.2022).
13. Цифровая археология будущего. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/tsifrovaya-arheologiya-budushchego> (дата обращения: 02.05.2021).
14. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М. : Культурная революция, 2006. 559 с.
3. *Manifest Digital Humanities*. Available at: <https://tcp.hypotheses.org/501> (accessed 4 November 2020) (in Russian).
4. Deleuze G., Guattari F. *Qu'est-ce que la philosophie?* Paris, Minuit, 1991. 206 p. (Russ. ed.: Delez Zh., Gvat-tari F. *Chto takoe filosofiya?* Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2009. 261 p.)
5. Meillassoux Q. *After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency*. London, Continuum, 2010. 160 p. (Russ. ed.: Meyyasu K. *Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti*. Ekaterinburg, Moscow, Kabinetnyi uchenyi Publ., 2015. 196 p.)
6. Kuznetsov V. Yu. *Edinstvo mira v postneklassicheskoy perspective* [The Unity of the World in Postnonclassical Epoch]. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 2018. 288 p. (in Russian).
7. Mironov V. V. *Transformatsiya kul'tury v prostranstve global'noj kommunikatsii* [Culture Transformation in Global Communication Space]. St. Petersburg, SPbGUP Publ., 2019. 60 p. (in Russian).
8. Zittrain J. L. *The Future of the Internet – And How to Stop It*. New Haven, Yale University Press, 2008. 352 p.
9. Guattari F., Negri A. *New Lines of Alliance, New Spaces of Liberty*. New York, Minor Compositions, 2010. 144 p.
10. Seabrook J. *Nobrow: The Culture of Marketing, the Marketing of Culture*. London, Methuen. 2000. 215 p. (Russ. ed.: Sibruk Dzh. «Nobrow. Kul'tura marketinga. Marketing kul'tury». Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2013. 240 p.)
11. Srnichek N., Williams A. Manifesto for an Accelerationist Politics. *Logos* [Logos], 2018, no. 2, pp. 7–20 (in Russian).
12. Land N. “Bystroe-i-gruboe vvedenie v Akseleratsionizm” (#Accelerate. The Accelerationist Reader). Available at: <https://www.urbanomic.com/book/accelerate> (accessed 17 January 2022).
13. *Tsifrovaya arkheologiya budushchego* (Digital Archeology of the Future). Available at: <https://scientificrussia.ru/articles/tsifrovaya-arheologiya-budushchego/> (accessed 2 May 2021) (in Russian).
14. Hardt M., Negri A. *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*. London, Penguin Books, 2005. 448 p. (Russ. ed.: Khardt M., Negri A. *Mnozhestvo: vojna i demokratiya v epokhu imperii*. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2006. 559 p.)

References

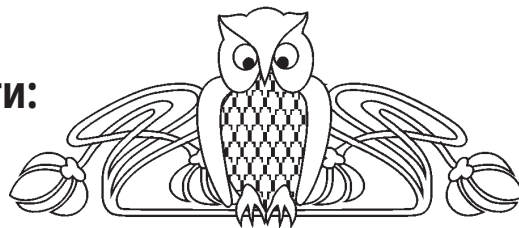
Поступила в редакцию 09.05.2022; одобрена после рецензирования 15.05.2022; принята к публикации 17.10.2022
The article was submitted 09.05.2022; approved after reviewing 15.05.2022; accepted for publication 17.10.2022

Научная статья

УДК 101.1:572.024

Прогулка как способ уйти от усталости: философский аспект

Ю. С. Филиппович

¹Курский государственный медицинский университет, Россия, 305000, г. Курск, ул. К. Маркса, д. 3

²Курский государственный университет, Россия, 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33

Филиппович Юлия Сергеевна, ассистент кафедры социальной работы и безопасности жизнедеятельности¹, соискатель кафедры философии², filippovichjs@kursksmu.net, <https://orcid.org/0000-0001-5398-6641>

Аннотация. Введение. В статье рассматривается проблема прогулки в контексте цифрового общества. Прогулка является одной из форм социальной активности, позволяющей держать в тонусе разум и тело. **Теоретический анализ.** Сравнительный анализ работ П. Хандке, Б. Вигарелло, Б.-Ч. Хана и других позволяет предположить, что феномен прогулки постепенно уходит на второй план в жизненном мире с все более активным использованием гаджетов. Отмечается, что уединение в прогулке начинает приобретать несколько негативный оттенок (человек ощущает бесполезность данной деятельности). Сам же гаджет ни плох, ни хорош: все зависит от значения, которым его наделяет владелец. Л. Толстой и М. Кундера считали уединение важной частью их жизни, в которой они осмысливали бы собственные действия и действия других, благодаря чему могли найти отдохновение. Перемещение от точки «А» до точки «Б» сокращается с максимальным усилием: личный транспорт, чтобы быстрее передвигаться, личный ноутбук и смартфон, чтобы отвечать на сообщения через мгновение после получения. Делается все ради возможности быть продуктивным и, к несчастью, не в пользу здоровья. **Заключение.** Укорачивание времени и дистанции лишает нас шанса приобрести новый опыт и способности насладиться моментом. И кажется, что лишь остро ощутив ограниченность передвижения, человек поймет ценность неспешной прогулки на свежем воздухе.

Ключевые слова: прогулка, смартфон, цифровое общество, усталость, современный город, отвлеченность, заппинг, фаббинг

Для цитирования: Филиппович Ю. С. Прогулка как способ уйти от усталости: философский аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 408–412. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-408-412>, EDN: ERKUJE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Walking as a way to fight fatigue: A philosophical aspect

Yu. S. Filippovich

Kursk State Medical University, 3 K. Marx St., Kursk 305000, Russia; Kursk State University, 33 Radisheva St., Kursk 305000, Russia

Yulia S. Filippovich, filippovichjs@kursksmu.net, <https://orcid.org/0000-0001-5398-6641>

Abstract. Introduction. The article deals with the problem of walking in the digital age context. It is one of the forms of social activity that lets us keep our mind and body on toes – walking, and it is not high on the public agenda anymore. **Theoretical analysis.** The analysis of the works of P. Handke, B. Vigarello etc. helps to suggest that every day individual completes a series of tasks being distracted by social media and doing some other minor things. A device cannot be considered either a good or a bad thing; it depends on the function that an owner attaches to the smartphone. Although it rather makes an individual stop from feeling lonely. M. Kundera or L. Tolstoy assumed that solitude is an essential part of life in which they would reflect upon their behaviour and, therefore, find repose. The distance between A and B becomes much shorter: a private car reaches B in a few moments, a personal computer and a smartphone help reply in a second. We do everything to succeed in productivity and, perhaps, damage our health. **Conclusion.** Thus, it shortens time and distance but limits our possibilities and depletes our chances of earning new experience and ability to enjoy the moments. It seems that only having understood the restrictions of movement, we will realize the value of unhasting stroll.

Keywords: walk, smartphone, digital society, fatigue, modern city, abstractness, zapping, phubbing

For citation: Filippovich Yu. S. Walking as a way to fight fatigue: A philosophical aspect. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 408–412 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-408-412>, EDN: ERKUJE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Если в аграрном обществе физический труд оправдывал короткую передышку (например обед во время уборки пшеницы), то с индустриализацией уставать могли лишь мужчины, а женская усталость – это всего лишь неврастения [1]. Со временем усталость приобрела более выраженный характер в психическом состоянии, когда физическая деятельность не влияла на психическое состояние: безразличие, уныние.

Может ли усталость рассматриваться как преграда? С одной стороны, работа – это деятельность, которая умиряет все вокруг: от отвлечения, плохих мыслей до достижения заветной цели. С другой стороны, заниматься делом невозможно в силу исчерпанности, в том числе когнитивных ресурсов, что, впрочем, является лишь оправданием для человека цифрового общества. Вспомним тендиноз Г. Джеймса и головные боли Ф. Ницше. Страдая от ночных кошмаров и нескончаемых мыслей, они находили время для прогулки, наблюдения за прохожими.

Теоретический анализ

Взгляд, вовлекающий в себя все невидимое, делает возможным большее количество соприкосновений с реальностью, будь она материальной или цифровой. Исследование С. Вессьера и М. Стендель показывает, что наши отношения, желания и знания умещаются на ладони. Отсюда и страхи, которые нельзя игнорировать: страх пропустить что-то (*fear of missing out*), постоянное отвлечение на гаджет. Цифровые технологии (например, смартфон) провоцируют изменения не просто в социальных процессах, но и в самом человеке [2].

Французский социолог Ж. Вигарелло в своей работе об усталости пишет, что опыт усталости для поколения XXI в. не нов, но реакция на него носит отличительный характер [3]. Историк отмечает, что в лексике XX в. появилось слово «переработать» – один из признаков коллективной усталости. Усердный гражданин должен рьяно хвататься за работу, сосредоточиваться и добиваться ошеломляющих результатов – места жалобам на усталость больше нет. Сейчас форма коллективной усталости проявляется схоже: показывать ее значит доказать наличие слабости.

Усталость имеет разные формы воплощения. Физическая усталость в Средние века могла возникать, например, когда воин пребывал в покое после изнурительных сражений. Усталость духа выражалась через понятия «акедия» или

«меланхолия». Апатия, когнитивные нарушения излечивались врачами. Фома Аквинский рассматривал усталость через понятие «ленность» (седьмой смертный грех). Форма усталости, обозначившаяся в XIX в., приняла форму вызова (*fatigue-challenge*), которая показала, насколько человек способен подавить ее. Никто бы не подумал полезть на гору Монблан в XVII в. ради развлечения, но сейчас это популярное занятие, уставать от вовлечения в подобную авантюру стало нормальным. Если углубиться в чтение эссе «Опыт познания усталости» П. Хандке, можно отметить такие формы усталости, как усталость от университета, женщины, поездов. В конце концов, мы выигрываем от того, если перенимаем опыт усталости: «Глядеть для этого усталого уже было родом деятельности, и притом активной, с вмешательством в игру; актеры делались благодаря этому только лучше, еще красивее, к примеру, они уже не спешили скрыться как можно скорее прочь с этих глаз. <...> Усталость членила, но не дробила, а лишь выделяла, задавала привычной неразберихе ритм, облагораживала формы – все вокруг, насколько хватает глаз, – такой огромный горизонт усталости» [4, с. 184].

Ощущение усталости складывается из двух компонентов – усталости тела, мышц (из-за плохой эргономии) и усталости разума (из-за постоянного вовлечения в информационный поток). И если П. Хандке считает, что усталость в XX в. позволяет сесть и осмотреться вокруг, то сегодня подобное повторить практически нельзя. Люди, живущие в XXI в., одержимы потреблением информации.

Включение новых информационных технологий в социальную реальность XXI в. изменяет социальное взаимодействие людей, появляется иная форма взаимоотношения «человек–окружающая среда». Процесс передачи информации происходит через один *ручной* гаджет. Немецкий философ Б.-Ч. Хан в книге “*The Burnout Society*” [5] рассматривает современное общество как общество достижений, где присутствует всепоглощающая одинокая усталость. Мы можем разделять (*share*) общую – коллективную – усталость, которая, возможно, приведет к большей связи и ослабит индивидуалистические границы. Человек современной эпохи передает сигналы о своем состоянии или видении окружения через гаджет и перестает ощущать тепло присутствующего рядом тела. Теряется связь реального пребывания в мире в виртуальном, когда человек перестает замечать свое физиологическое состояние.

Однако, когда личность теряет понимание собственной усталости, не означает, что это со-

стояние исчезает из его жизненного мира: потухший взгляд или некоторая безразличность к тем вещам, которые раньше вызывали внутренний отклик. Оно принимает иную связь между ним и другими. Как и Хандке, Хан считает, что «я не устаю от тебя», а «я устаю вместе с тобой». Формируется облако усталости, бесконечной усталости, которая связывает всех воедино. Однако индивид самостоятельно решает, как использовать этот опыт и приручить увеличивающееся изнурение.

Б.-Ч. Хан различает два вида усталости: изнемогающая (позитивная потенция, которая принуждает к действию) и вдохновляющая (негативная потенция). По П. Хандке усталость позволяет понять, что можно отбросить. Она утверждает интервал ничегонеделанья, который горожанин скорее использует как отвлечение на смартфон (фаббинг) вместо ленивого наблюдения за проходящими мимо людьми.

Житель современного города живет беспрерывно, интервалов между действиями нет. Ожидание также начинает преобразовываться в иную форму существования в среде – оно заполняется проверкой уведомлений, чтением сообщений в Twitter, поиском одежды в онлайн-магазине. Категория потенции не имеет значения, если результат оправдан для его носителя. Желанию человека не потеряться в сложноустроенном мире помогают социальные сети, но это неизбежно приводит к ухудшению мировосприятия.

Мы все больше зависимы от количества SMS и электронных писем. Психическая жизнь, по мнению М. Кроуфорда, стала подвержена любым влияниям внешнего эфира, она стала бесформенной. Мы стали так рассеянны, что не способны различить, что может быть достойно нашего внимания, поскольку неверно истолковываем свою деятельность в мире и личную вовлеченность в жизнь другого человека и групп.

«Одиноким способен воспринимать всю полноту бытия» [6, с. 9]. Пребывая on-line, мы способны компенсировать дефицит социальных навыков, но социальная компетенция от этого не развивается: отсутствие собеседника (ощущение запаха духов или тепла) углубляет эту брешь.

Уметь видеть значит позволить глазам привыкнуть к спокойствию, терпению и подпускать то, что приближается. Данная способность, безусловно, развивает глубокое и внимательное созерцание. В свою очередь, это приводит к развитию способности отвечать медленно, обдуманно, исключая навязанные инстинкты.

Разум, точный и быстрый инструмент, притупляется при непрерывном поглощении информации, а недавние события становятся частью

повседневности, представляясь человеку с притупленными чувствами сырыми и недостойными внимания. Информационный шум, постоянно сопровождающий тех, кто обрек себя на использование мобильных гаджетов, определяет образ жизни пользователя. Ускорение темпа жизни из-за увеличения объема информации превратило события в часть повседневного бытия (первые уведомления недавно приобретенного смартфона становятся постоянным звуковым сопровождением рабочего дня). Сейчас каждый проводит много часов за просмотром экрана. Столетие назад с механизацией труда горожане испытывали усталость от того, что видели и чувствовали. То, как они это ощущали, интересно описано в февральской записи дневника К. Чуковского: «Все мысли, какие приходят в голову, вялы, бесцветны, бессодержательны, – мышление не доставляет, как прежде, удовольствия... <...> Вот даже дневника не могу вести» [7, с. 105].

Великие достижения человека стали шедеврами искусства или привели к технологическому прогрессу, они возникли именно в моменты досуга, непосредственного созерцания в процессе отдыха, отвлечения от дел насущных. О. Сакс, например, путешествуя по норвежским фьордам, сформировал идею о необычном воздействии музыки на мозг.

Получается, что изнеможение, которое испытывает пользователь смартфона, приобретает скорее нейтральный оттенок. Чувствовать усталость – значит проявлять себя как человек, способный решать несколько дел в одно время, забывая о том, что он испытывает. Выдохнуть из себя последнюю энергию к концу рабочей недели означает, что человек смог реализовать все то, что было задумано в начале недели. Но есть ли способ, которым можно воспользоваться, чтобы набраться сил, даже держа смартфон в кармане пиджака?

Потребление информации невозможно сравнить с получением знаний. Последнее предполагает быть способным использовать приобретенное новое знание в определенной ситуации. Если человек совершает прогулку и не прикладывает усилия, чтобы не лезть лишней раз в карман за смартфоном, то он не только не различит изменившиеся детали городского ландшафта, но и может потерять ориентацию в пространстве. Физическое столкновение или столкновение взглядом регулирует траекторию взаимодействия людей, а не только передвижение на тротуаре. Постоянная стимуляция, которая идет от гаджета в руке, развивает хронические проблемы с вниманием.

Й. Пипер пишет об одной из форм спокойствия – досуге, который необходим для подготовки к принятию реальности [8]. Принять ее может

тот, кто спокоен. Спокойствие – это не просто мертвая немота или отсутствие звуков. Досуг – это совокупность вдумчивого созерцания, глубокого понимания и погружения в реальность. Как можно достичь спокойствия духа? Неспешным физическим занятием, которое, однако, не приводит к утомлению, например прогулкой.

Неспешная прогулка воплощает тот досуг, который отвлекает от непрерывного потока информации с холодным экранным светом. Смартфон стимулирует живое восприятие реальности, увеличивает число стимулов охватить взглядом больше, но это не успевает перерабатываться разумом, если охваченное пестрит бессвязностью.

«Гулять, – отвечал я, – я должен непременно, чтобы ощущать себя живым и поддерживать связь с живым миром... <...> Без прогулок я был бы лишен возможности наблюдать и проводить мои исследования», – пишет швейцарский писатель Р. Вальзер [9, с. 23].

В веке нынешнем внутренне опустошенный от просмотра успехов других, пользователь социальных сетей «не декорирует свою жизнь воспоминаниями или созерцанием действий людей, находящихся в его любимых местах» [10, с. 56]. Он скорее заостряет внимание на просмотре успехов незнакомых людей за экраном, заставляя биться пульс чаще от негативных эмоций, коря за то, что не добился успехов на своем поприще. Когда человек отвлекается, он заполняет перерывы между работой прогулкой, наделяет внутренней голос силой.

Как указывал И. Кант в «Антропологии с прагматической точки зрения», «если отвлечение есть дело привычное, оно придает человеку, подверженному этому злу, обличие мечтателя и делает его бесполезным для общества, ибо он слепо следует свободной игре своего воображения, не упорядоченной разумом» [цит. по: 11]. Гуляя по городу со смартфоном в руке, пешеход дереализует городское пространство: растворяется более реальное и более важное в пользу фрагментарности. Смартфон фрагментирует когнитивные способности и разрушает внимательность, следовательно, меняется форма существования – мы перестаем видеть.

Физиологически глаза читающего с экрана смартфона устают, как и мышцы рук или спины. Смотрящий может этого не замечать в первое время, но погружение в поток информации убавливает внимание, и тогда тело, принявшее одну позу, словно застывает во мгновении. Если изменить направление взгляда во время прогулки на то, что находится на одном уровне с глазами, будь то горизонт или ствол дерева, гуляющий не

просто вынырнет из этого потока, но и почувствует, что с его телом происходит. «Отягчающая рутина может быть развеяна разнообразием встречаемого на пути» [10, с. 56].

Восприятие отдыха как промежутка между работой может быть не просто заппингом (практика переключения каналов без определенной цели), но и прогулкой. Восстановление сил физических и душевных возможно тогда, когда человек отвлекается от стремления и сбавляет темп, спокойно наблюдая за тем, что происходит вокруг в реальном времени. Ограничивая себя в цифровой коммуникации, горожанин не только сможет насладиться запахом зелени и цветов, но и расслабит взгляд благодаря природным краскам окружающего мира. Убежденный пропагандист пеших прогулок Г. Д. Торо размышлял о людях, которые не ценят прогулки, выразившись, что им стоит отдать должное хотя бы за то, что, лишив себя удовольствия смотреть по сторонам, они не совершили самоубийство.

Заключение

Прочно войдя в жизненный мир, смартфон стал частью человека, обладая той притягательностью, которая способна расширить выполнение большего объема задач: от хранения дат рождений друзей до хранения книг и цитат из них. Увлеченность смартфоном служит скорее расширением социальной активности человека: переписки вне времени, заведение заочных знакомств для участия в зарубежных выставках без физического присутствия.

В исследовании, проведенном на Тайване [12], говорится о том, что пешеходам известны риски пользования гаджетом во время передвижения по улицам. В этом случае их скорость меньше, но траектория нестабильна. Это значит, что, погружившись в онлайн-приложение или просмотр видеоролика, пешеход скорее ограничивает визуальный охват реального пространства и не дает возможности другому пешеходу предположить, повернет первый в сторону или шаг его станет шире, а потому быстрее.

Таким образом, смысл и ритм прогулки проявляет внутреннее состояние человека и способствует разрядке душевного напряжения. Однажды заметив по дороге изменения на вывесках или в окнах жилых домов, мы должны остановиться и мысленно, а может и физически похлопать себя по плечу – мы сделали то, что сейчас удастся не каждому. Мы остановили работу и обратились к тому, что расслабляет взгляд. И это значит, что эпоха смартфона привнесла новые формы взаимоотношений человека

и окружающего его мира, как, например, сообщение другим о своих переживаниях, подавление чувства усталости от ожидания или уведомление «лайком» через просмотр недавно выложенных постов в социальных сетях.

Список литературы

1. *Tasca C., Rapetti M., Carta M. G., Fadda B.* Women and hysteria in the history of mental health // *Clinical practice and epidemiology in mental health: CP & EMH*. 2012. № 8. P. 110–119. <https://doi.org/10.2174/1745017901208010110>
2. *Veissière S. P. L., Stendel M.* Supernatural Monitoring: A Social Rehearsal Account of Smartphone Addiction // *Frontiers in Psychology*. 2018. № 9 (141). P. 1–10. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00141>
3. *Vigarello G.* Histoire de la fatigue du Moyen Âge à nos jours. Paris : Éditions du Seuil, 2020. 476 p.
4. *Хандке П.* Опыт познания усталости: эссе / пер. с нем. Г. Косарик ; вступл. Г. Раггауза // *Иностранная литература*. 1996. № 6. С. 174–194.
5. *Han B.* Burnout Society: The Burnout Society. Redwood City : Stanford University Press, 2020. 53 p.
6. *Волохова Н. В.* Философия противоречий в жизни и творчестве Л. Н. Толстого // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии*. 2015. № 4 (30). С. 7–15.
7. *Чуковский К. И.* Дневник. 1901–1921. Т. 1. / сост., подг. текста, коммент. Е. Ц. Чуковской. М. : ПРОЗАИК, 2011. 592 с.
8. *Pieper J., Malsbary G.* Leisure, the basis of culture. South Bend, Ind. St. Augustine's Press, 1998. 183 p.
9. *Вальзер Р.* Прогулка / пер. с нем. М. Шишкина. М. : Ад Маргинем, 2014. 128 с.
10. *Филиппович Ю. С.* Прогулка со смартфоном в руке // *Коллекция гуманитарных исследований*. 2020. № 3 (24). С. 54–58.
11. *Клейви Ч.* Вы что, не в своем уме? // *Гептер*. 2016. 1 апр. URL: <http://gefter.ru/archive/18017> (дата обращения: 21.03.2022).
12. *Lu J. M., Lo Y. C.* Investigation of Smartphone Use While Walking and Its Influences on One's Behavior Among Pedestrians in Taiwan // *Stephanidis C., ed. HCI International 2017 – Posters' Extended Abstracts. Communications in Computer and Information Science*. 2017. Vol. 714. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-58753-0_67

References

1. *Tasca C., Rapetti M., Carta M. G., Fadda B.* Women and hysteria in the history of mental health. *Clinical Practice and Epidemiology in Mental Health: CP & EMH*, 2012, no. 8, pp. 110–119. <https://doi.org/10.2174/1745017901208010110>
2. *Veissière S. P. L., Stendel M.* Supernatural Monitoring: A Social Rehearsal Account of Smartphone Addiction. *Frontiers in Psychology*, 2018, no. 9 (141), pp. 1–10. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00141>
3. *Vigarello G.* *Histoire de la fatigue du Moyen Âge à nos jours*. Paris, Éditions du Seuil, 2020. 476 p.
4. *Handke P.* *Versuch über die Müdigkeit*. Frankfurt-am-Main, Suhrkamp 1989. 73 S. (Russ ed.: *Хандке П. Опыт познания усталости: эссе. Иностранная литература*, 1996, no. 6, pp. 174–194).
5. *Han B.* *Burnout Society: The Burnout Society*. Redwood City, Stanford University Press, 2020. 53 p.
6. *Volokhova N. V.* The philosophy of contradictions in the life and work of L.N. Tolstoy. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii* [Vestnik of Volgograd University. Ser. 7. Philosophy. Sociology and Social technologies], 2015, no. 4 (30), pp. 7–15 (in Russian).
7. *Chukovskiy K. I.* *Dnevnik* [Diary]. 1901–1921. Vol. 1. Moscow, Prozaik Publ., 2011. 592 p.
8. *Pieper J., Malsbary G., Pieper J.* *Leisure, the basis of culture*. South Bend, Ind, St. Augustine's Press, 1998. 183 p.
9. *Walser R.* *The walk*. New York, New Directions, 2012. 89 p. (Russ. ed.: *Val'zer R. Progulka*. Moscow, Ad Marginem Publ., 2014. 128 p.).
10. *Filippovich Yu. S.* On a walk with a smartphone. *Kolleksiya gumanitarnykh issledovaniy* [The Collection of Humanitarian Studies], 2020, no. 3 (24), pp. 54–58 (in Russian). [https://doi.org/10.21626/j-chr/2020-3\(24\)/8](https://doi.org/10.21626/j-chr/2020-3(24)/8)
11. *Clavey Ch.* *Vy chto, ne v svoem ume?* (Are You Out of Your Mind?). *Gefter*, 2016. 1 Apr. Available at: <https://lareviewofbooks.org/article/are-you-out-of-your-mind/> (accessed 21 March 2022).
12. *Lu J. M., Lo Y. C.* Investigation of Smartphone Use While Walking and Its Influences on One's Behavior Among Pedestrians in Taiwan. In: *C. Stephanidis, ed. HCI International 2017 – Posters' Extended Abstracts. Communications in Computer and Information Science*, 2017, vol. 714. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-58753-0_67

Поступила в редакцию 16.06.2022; одобрена после рецензирования 25.06.2022; принята к публикации 17.10.2022
The article was submitted 16.06.2022; approved after reviewing 25.06.2022; accepted for publication 17.10.2022

ПСИХОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 413–422

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 413–422
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-413-422>

EDN: ZMYDAN

Научная статья
УДК 316.6

Духовная психология С. Л. Франка в контексте современных задач развития российской социальной психологии

Л. Н. Аксеновская

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

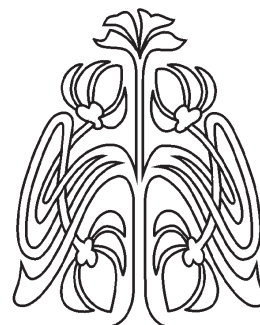
Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, liudmila_aksenovskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4867-4197>

Аннотация. Во *введении* отмечены точки соприкосновения идей духовной психологии С. Л. Франка с темой «поколенческого выживания», разрабатываемой в рамках метамодернизма, и метапсихологии, и актуальность духовной психологии для решения задач, стоящих перед современной российской социальной психологией. *Теоретический анализ* посвящен осмыслению сущности феномена духовности, связи духовного и социально-психологического в работах С. Л. Франка, развитию идей С. Л. Франка в орднерном подходе к социально-психологическому изучению культуры, сущности метамодернистской психологии и ее социально-психологических аспектов. Рассмотрено соответствие идей метамодернизма и метапсихологии идеям духовной психологии С. Л. Франка. Показано, что основой для самостоятельного развития социальной психологии на современном этапе являются реалии российской социальной действительности и опыт предшественников (в частности С. Л. Франка), восстановление интеллектуальной традиции исследования духовного опыта «выживания» поколений и преодоления трудностей в качестве теоретико-методологической базы. В *заключении* формулируются выводы об актуальности франковской духовной психологии для решения задач развития российской социальной психологии в контексте метамодернистского мировосприятия. Констатируется, что современная российская социальная психология стоит перед необходимостью определить собственные пути развития без опоры на западную социальную психологию. Анализ духовных аспектов социальных явлений и опыта «выживания», метод осцилляции сближают метамодернистскую психологию и методологию с духовной психологией Франка, несмотря на смысловые несовпадения.

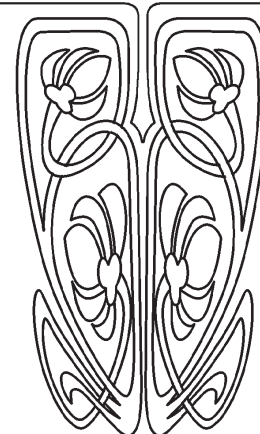
Ключевые слова: С. Л. Франк, духовная психология, социальная психология, этико-смысловые системы, культура, орднерный подход, метамодернизм, метапсихология

Для цитирования: Аксеновская Л. Н. Духовная психология С. Л. Франка в контексте современных задач развития российской социальной психологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 413–422. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-413-422>, EDN: ZMYDAN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Spiritual psychology of S. L. Frank in the context of modern tasks of the development of Russian social psychology

L. N. Aksenovskaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Liudmila N. Aksenovskaya, liudmila_aksenovskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4867-4197>

Abstract. The *introduction* highlights the points of contact between the ideas of S.L. Frank's spiritual psychology and the theme of "generational survival", developed within the framework of metamodernism and metapsychology, and the relevance of spiritual psychology for solving the problems facing modern Russian social psychology. *The theoretical analysis* is devoted to understanding the essence of the phenomenon of spirituality, the connection of the spiritual and socio-psychological in the works of S. L. Frank, the development of S. L. Frank's ideas in the order approach to the socio-psychological study of culture, the essence of metamodern psychology and its socio-psychological aspects. The correspondence of the ideas of metamodernism and metapsychology to the ideas of spiritual psychology of S. L. Frank is considered. It is shown that the basis for independent development at the present stage are the realities of Russian social reality and the experience of predecessors (in particular, S. L. Frank), the restoration of the intellectual tradition of studying the spiritual experience of the "survival" of generations and overcoming difficulties as a theoretical and methodological basis. *In conclusion* conclusions are drawn about the relevance of Frank spiritual psychology for solving the problems of the development of Russian social psychology in the context of a metamodern worldview; that modern Russian social psychology faces the need to determine its own development paths without relying on Western social psychology. The analysis of the spiritual aspects of social phenomena and the experience of "survival", the oscillation method brings metamodern psychology and methodology closer to Frank's spiritual psychology, despite semantic discrepancies.

Keywords: S. L. Frank, spiritual psychology, social psychology, ethical and semantic systems, culture, order approach, metamodernism, metapsychology

For citation: Aksenovskaya L. N. Spiritual psychology of S. L. Frank in the context of modern tasks of the development of Russian social psychology. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 413–422 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-413-422>, EDN: ZMYDAN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Психологическая наука традиционно чувствительна к усилиям философии по осознанию и концептуализации значимых изменений в мировосприятии и миропонимании человека, объективирующихся в художественном творчестве и научных открытиях, различных социальных и политических практиках, в повседневной жизнедеятельности людей, проживающих лиминальные периоды синхронно во времени и совместно в социальных группах. В настоящее время большой интерес психологов вызывает концептуализация Р. ван ден Аккера и Т. Вермюлена, названная авторами метамоде́рнизмом [1].

Метамоде́рнизм, фиксирующий изменения в состоянии культуры с начала 90-х гг. прошлого столетия по настоящее время, имеет ряд характеристик, позволяющих в иной «оптике» взглянуть на философско-психологическое наследие С. Л. Франка и, в частности, на его видение связи феномена духовности и общественного развития, что представляет существенный интерес для современной российской социальной психологии. Кроме того, метамоде́рнистская психология (метакси-психология) строится на анализе «опыта выживания» и связанного с ним мировосприятия поколения людей, рожденных в 1960–1990 гг., переживших и переживающих периоды «процветания» и «крушения» (экономического, по-

литического, идеологического, экологического и т.д.) [2]. Поскольку социально-психологический анализ *духовного поколенческого опыта* в России впервые был предложен именно С. Л. Франком [3], метамоде́рнистский сдвиг в интеллектуальном пространстве нашего времени своим «маятниковым» движением неожиданно делает С. Л. Франка участником сегодняшних поисков решения задачи познания природы и механизмов глубинных трансформаций психологии поколений лиминальных периодов, а также дает образец выполнения этой работы. Особенно важно, что в фокусе внимания С. Л. Франка находилось *российское* общество, что позволяет современным отечественным социальным психологам продолжить анализ *духовного опыта* российских «метакси-поколений» в диалоге с выдающимся предшественником.

Цель статьи – обсуждение идей духовной психологии С. Л. Франка и обоснование ее актуальности для современной российской социальной психологии в контексте метамоде́рнизма и метапсихологии. Для ее достижения будут последовательно рассмотрены вопросы: а) сущность феномена духовности в различных сферах знания; б) связь духовного и социально-психологического в работах С. Л. Франка; в) развитие идей С. Л. Франка в ордерном подходе к социально-психологическому изучению культуры; г) сущность метамоде́рнистской

психологии и ее социально-психологических аспектов. В заключение будет обсужден вопрос о соответствии идей метамодернизма и метапсихологии идеям духовной психологии С. Л. Франка и сформулирован вывод об актуальности франковской духовной психологии в контексте задач развития российской социальной психологии метамодернистского мировосприятия.

Теоретический анализ

Духовность в религии, философии и психологии. Определяющим для понимания феномена духовности является концепт духа, который наиболее часто упоминается скорее в религиозных, нежели в научных источниках. Для примера обратимся к религиозному (христианскому) определению духа. Дух (Святой Дух) характеризуется многоаспектно: а) *сущностно* («третье Лицо Божества»; «инаковость», трансцендентность); б) *функционально* (обеспечение связи между людьми и Богом); в) *атрибутивно* (движение, жизненная энергия, сила: невидимая, творческая, упорядочивающая, преобразующая, оживляющая); г) *деятельностно* (созидание из ничего, оживление (воскресение), власть). Также выделяются «дары Духа» (чудеса, пророчества, «языки», служение и др.) и «плоды Духа» (любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание). Среди образов, через которые описывается Дух, чаще всего используются образы ветра, дыхания, голубя, энергии огня, силы утешения, благоухания елея [4, с. 1041–1044]. Духовность при этом понимается как *особое состояние*, источник которого находится вне человека.

Схожую позицию в определении духовности как состояния занимал психолог В. Джемс, называя, например, святость *духовным состоянием*, характеризуя это состояние как комплекс таких качеств, как аскетизм, сила души, чистота души, милосердие [5, с. 221–222].

С материалистических позиций предприняли попытку ответить на вопрос о происхождении духовности П. В. Симонов, П. М. Ершов, Ю. П. Вяземский, которые «ассоциируют» духовность с такими качествами, как стремление к истине (потребность познания), стремление к добру (альтруизм как потребность) и бескорыстие [6, с. 17–19].

Философское осмысление феномена духа имеет долгую историю, основными вехами которой считаются: индийская философия (брахман – объективное безличное духовное начало и атман – субъективное духовное начало); древне-

греческая философия (дух как формообразующее начало у Платона и Аристотеля); неоплатонизм Плотина; библейско-христианская традиция (дух как личностный абсолюте); философия Нового времени (дух как разум и мышление у Декарта, Спинозы и французских материалистов XVIII в.; немецкая классическая философия с представлениями о том, что природа есть «момент» духа у Шеллинга, дух есть система развивающихся логических категорий у Гегеля); иррационалистические трактовки духа у Ницше, Шопенгауэра, Э. Гартмана; интуитивистские интерпретации духа у Бергсона и Лосского; марксистское отождествление духа и сознания; экзистенциалистские интерпретации, в которых дух есть прежде всего воля, противостоящая разуму. Позитивизм элиминировал проблему духа как метафизическую из сферы научного исследования. В рамках постпозитивизма началось обратное движение. Уже after-постмодернизм артикулирует возврат к духовным ценностям эссенциального постмодернизма П. Козловски. Сегодня тема духа и духовности начинает утверждаться в метамодернизме. Однако пока трудно предположить, какое именно смысловое наполнение получит в этой концептуализации понятие «дух». Есть причины полагать, что в основе смысловых разночтений будут лежать «цивилизационные» разногласия, с одной стороны, и творческая смылосозидающая воля заинтересованных участников решения этой задачи, с другой стороны.

Самым общим, «рамочным» философским определением духа можно считать определение материалистической философии, в которой дух есть *понятие*, означающее неведущественное начало, в отличие от материального, природного начала [7].

В *психологии* идею влияния фактора духа («дух народа») на эту науку и историческое развитие народов разрабатывал В. Вундт в десяти томной «Психологии народов» (первая часть вышла в 1900 г.), считавший, что изучение духа должно осуществляться через изучение продуктов культурной деятельности народа – языка, мифов и обычаев. Масштабный проект разделения научного знания на науки о духе и естественные науки предложил в рамках понимающей психологии В. Дильтей («Введение в науки о духе», 1880). Большой интерес представляет обращение К.-Г. Юнга к психологической феноменологии духа. Понятие «дух» ученый использовал при описании двух типов феноменов: а) нематериальных проявлений жизнедеятельности человека (мысли, намерения, идеалы) и б) бестелесных сущностей, отделившихся от человеческого тела (призраки, тени, души предков). Юнг полагал,

что дух как нематериальный аспект человека неопределим и не поддается описанию, он автономен и не контролируем человеком, однако связан с целенаправленностью и представляет собой интуитивную силу, соединяющую «несоизмеримые события и стремления». Реакцией на его появление (проявление) служит позитивный либо негативный аффект [8].

Через концепт истины определяет духовность философ и психолог М. Фуко, для которого духовный человек – это тот, кто либо находится в поиске истины, либо постиг истину [9, с. 286].

Проблема духовности поднимается в рамках гуманистической психологии (А. Маслоу связывает духовность с процессами самоактуализации) и ее многочисленных психотерапевтических системах (например, в психосинтезе Р. Ассаджиоли духовность связана с высшим бессознательным как источником творчества); трансперсональной психологии (С. Гроф пишет о духовных кризисах и трансперсональных переживаниях); экзистенциальной психологии (А. Ван Каам связывает духовность с трансцендентностью). Особый интерес в силу драматизма жизненного пути автора представляют идеи В. Франкла, которые он развивает в рамках своей логотерапии.

В отечественной материалистической психологии считается, что духовность «обозначает индивидуальную выраженность в системе мотивов личности двух фундаментальных потребностей: идеальной потребности познания и социальной потребности жить, действовать “для других”» [10, с. 112]. Нематериалистическая российская психология, обращавшаяся к проблеме духовности, представлена именами Г. Г. Шпета и С. Л. Франка. Г. Г. Шпет выделяет 6 смысловых оттенков понятия «дух», среди которых названы: существо, превосходящее человека; чистая деятельность, прообраз законосообразности, место логического порядка и связи; идея, смысл и сущность, разум, единство некоего множества идеального порядка; совокупность высших способностей души; состояние, охватывающее человека помимо его воли; тип, стиль коллективных переживаний, характерных черт поведения народа [11, с. 529–533]. «Формами духа в их социальной сути» Г. Г. Шпет называл язык, культ, искусство, технику, право.

Современные российские психологи, разрабатывающие проблему духовности, главным образом связаны с христианской психологией (Б. С. Братусь, Ф. Е. Василюк), которая рассматривает духовность как проявление высшей (божественной или демонической) силы.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что в значительной части названных источников, обращающихся к феномену духа и духовности, указывается на связь духовности с нравственностью. В нематериалистических источниках четко сформулировано представление о духе как своего рода разумной, мыслящей энергии (по типу ноосферы или информационно-семантических полей). Она задает свой порядок как нравственный порядок (закон), который имеет тенденцию «проясниться», становиться отчетливее по мере «взросления», развития человека и человечества. Духовность человека, организации, общества выступает как состояние синхронизированности с духовными уровнями душевной жизни как высшими, по сравнению с уровнями, освоенными массовым человечеством.

Духовность, нравственное сознание и общество в работах С. Л. Франка

С. Л. Франк (1877–1950) преподавал социальную психологию, обладая опытом социально-психологической рефлексии личного участия в революционных событиях начала XX в. Неудивительно, что разработка духовной психологии у него оказалась тесно связанной и с социально-психологической феноменологией и тематикой. Можно предположить, что хронологически *первым разделом* проекта духовной психологии стала своего рода социальная психология духовной личности, которую логически завершает концепция «сверхиндивидуальной души». Эта часть проекта духовной психологии построена как рефлексия истории проживания личностью доминирующих в российском интеллектуальном пространстве социально-нравственных идей («кумиров») и последовательного восхождения личности от материалистического революционного миропонимания к духовно-религиозному. *Вторым разделом* можно назвать философскую психологию духа и духовности. Социально-психологические аспекты духовности С. Л. Франк связал с нравственным сознанием общества.

Дух и душа у Франка самостоятельны, но способны к взаимопроникновению. Жизнь «души» в духе он называет *духовной жизнью* [12, с. 300–301]. Дух по Франку является «инстанцией, придающей душевному бытию в его субъективности и потенциальности полную, актуальную реальность» [13, с. 403]. Заслуживает особого внимания суждение Франка о том, что духовное бытие – это не какая-либо область особой реальности, а *образ бытия или его способ*. Возможно, сегодня мы бы могли это назвать «образом жизни». Франк считает, что духовное бытие не может быть описано

по содержанию – «...именно поэтому оно по существу непостижимо» [13, с. 400], однако определимо и его можно описать через то действие, которое оно на нас оказывает, или по тому значению, которое оно для нас имеет. Отсюда так много описательных характеристик духа и духовности, ассоциирующихся у социальных психологов с различными версиями «теории черт» в лидерологии.

Как полагал Франк, специфика духовности обусловлена ее надындивидуальным характером. Духовность человека является глубинным уровнем, здесь «наша душевная жизнь слита с абсолютным всеединством» [12, с. 296]. Дух проявляется через душу как «самоосуществляющаяся творчески-формирующая сила абсолютной идеи» [12, с. 297], обнаруживающаяся в высших силах человеческого бытия, трансцендентных душевной жизни. Формулируя этот тезис другими словами, можно сказать, что душа «одухотворяется» идеей, обретает духовные характеристики. Субъективно-индивидуальное «я» выступает в качестве проводника этих высших сил «духовного порядка» – нравственной, религиозной, познавательной и эстетической жизни [12, с. 287]. Духовная культура представляет собой единство этих высших проявлений, свидетельствующее о принципиальном внутреннем единстве и общности человеческой жизни [12, с. 323].

Доступность феномена духовности для эмпирических исследований определяется тем фактом, что внешнему наблюдателю духовность репрезентируется посредством *нравственного сознания* общества и человека. Отсюда возникло представление Франка о необходимости использования эмпирических методов изучения добра и зла. Он полагал, что социальная реальность (или общественная жизнь) это прежде всего жизнь человеческого духа. Такая постановка вопроса для современной социальной психологии выглядит революционно. Тем не менее, пользуясь языком современной социальной психологии, можно сказать, что Франк рассматривал в качестве объекта своего социально-психологического анализа духовную жизнь российского общества. Очевидно, предметом исследований в этом случае выступал феномен *общественного идеала*, вокруг которого, по мнению Франка, организуется общественная жизнь, и который выступает движущей силой развития общества. Именно общественный идеал, являясь своего рода «точкой сборки» различных идей, через которые действует дух как движущая сила общественного развития, генерирует общие принципы социальной жизни, такие как слу-

жение, солидарность, свобода (отметим, что солидарность заявляется метамодернистами как один из признаков нового мироощущения).

Франк завершает построение своей духовной психологии «религией человеческой личности» [цит. по: 14, с. 8], в рамках которой сформулирована модель «человека духовного», для которого характерны четыре особенности: самопреодоление, духовность, внутренняя связь с Богом, нравственный характер общественного бытия.

Резюмируя логические рассуждения С. Л. Франка о сущности духовного, примем за основу определение *духовности* как абсолютной идеи. Она укоренена в «свете единого разума» человечества, характеризуется действенным триединством познания, этики и эстетики, имеет высокий уровень энергетизации (силы). Наблюдателю духовность представлена нравственным сознанием общества и отдельного человека.

Оценивая степень актуальности духовной психологии Франка для современной российской социальной психологии, нельзя не отметить совпадение условий, в которых появился проект духовной психологии (начало XX в.) и условий, в которых мы возвращаемся к его идеям (начало XXI в.). Это лиминальные периоды, периоды разлома, кризиса, перехода на другие уровни общественного бытия и мировосприятия. В свое время Франк предпринял продуктивную попытку философско-психологического анализа накопленного поколенческого опыта проживания увлечений «кумирами» идей и идеалов, владевших умами российской интеллигенции в то время, попытку объяснения причин социально-политических потрясений и использования накопленного духовного опыта для формирования устойчивой мировоззренческой основы стабильного личностного и социального развития [1].

Сегодня такая же задача должна быть поставлена перед российской социальной психологией: необходима социально-психологическая рефлексия духовного опыта российского общества, полученного в советский и постсоветский периоды и ставшего причиной тектонических сдвигов наших дней. Интересен и метод «научного самоанализа», использованный Франком, демонстрирующий возможность анализировать кейсы собственного жизненного и духовного пути исследователя. Еще одной актуальной задачей для российской социальной психологии является возвращение к исследованию проблемы общественного идеала в России и его трансформаций в исторической перспективе (прошлое – настоящее – будущее).

Развитие идей С. Л. Франка в ордерном подходе к социально-психологическому изучению культуры

В ордерном подходе к социально-психологическому изучению феномена культуры [15] идеи С. Л. Франка о сущности духовного и его связи с социальной реальностью рассматривались как продуктивные изначально. Поскольку в ордерном подходе культура понимается как этикодeterminированный порядок, внимание к нравственному содержанию культуры становится центральным. Нравственная (этическая) феноменология операционализируется через категорию этического смысла. Этические смыслы, с социально-психологической точки зрения, типологизируются, классифицируются, связываются с актуальными социальными задачами, обуславливают культуральную кодировку и культуральные программы, а также диагностируются и корректируются.

Соответственно, пристальное внимание к этико-смысловой феноменологии в рамках ордерного подхода не могло не выйти на постановку вопроса о связи этической феноменологии и духовной. Логика движения в сторону духовного аспекта культуры связана с исследованиями этико-смысловой подсистемы культурной (организационно-культурной) системы, которая определяется нами как сеть этических значений (хорошо – плохо, правильно – неправильно), конституируемых или приписываемых участниками взаимодействия стандартным и новым элементам потока групповой жизнедеятельности. Эта сеть значений создает субъективную групповую культурную реальность с этической доминантой в виде имплицитного *нравственного идеала*. Этический компонент значений связан с влиянием базовых этических смыслов на процесс принятия решений о значении (смысле) того или иного явления (действия, поступка, ситуации). В целом данная логика представляется скорее дедуктивной (нисходящей), но в то же время «дробя» и детализируя феномен нравственности, ордерный подход ищет связь с духовным началом, направляющим и регулирующим проявления нравственности на уровне этико-смысловых систем (восходящее движение).

Таким образом, очевидно, на данный момент имеет место действие методологического *принципа осцилляции*, маятникового движения между нравственностью и духовностью. «Ключом» к наиболее значимой психологической реальности культуры – к сфере духовного – являются этико-смысловая феноменология и динамика. Однако в рамках ордерного подхода поддерживается понимание того факта, что движение от нрав-

ственности к духовности в социально-психологических исследованиях культуры и разработке технологий ее развития означает качественное изменение культуры, возможно, «фазовый переход» на другой уровень ее развития.

Метамодернизм и метамодернистская психология

Психология человека (индивидуальная и общественная) немедленно воспринимает и отображает трансформации реальности, идущие с разной скоростью, но без остановок. Вместе с художественной культурой философия выступает не только фиксатором и интерпретатором происходящих перемен в мировосприятии и мироощущении человека и общества, но и дизайнером возможных путей развития, моделей трансформации человека, мира и общества. Эта способность философии обуславливает ее влияние также и на состояние научной психологии, которая систематически использует философские концептуализации для формулировки исследовательских гипотез и определения собственных путей теоретического развития и практической деятельности.

Философские идеи, фиксирующие основные изменения в мироощущении человека на стыке XX и XXI вв., предложены метамодернизмом [1]. Предполагается, что эти изменения связаны с обострением цивилизационных противоречий, обусловленных чередой экономических кризисов, климатических эксцессов, цифровизацией и сетевизацией профессиональной и частной жизни, смещением границ в понимании нормы и патологии, трансформацией ценностных ориентиров. События последних трех лет, начиная с пандемии 2020 г., с особой остротой подтвердили метамодернистский тезис о реальности и актуальности «опыта выживания» поколений, родившихся с 1960 по 1990 г., теперь уже для «выживания» и тех поколений, которые пришли в мир после 90-х гг. В известном сборнике метамодернистских текстов [1] сформулированы три ипостаси нового мироощущения – историчность, аффект и глубина, которые, с одной стороны, показывают отход от постмодернистских детерминант, с другой стороны, не повторяют в чистом виде модернистские установки, на которые весьма похожи при первом рассмотрении. В соответствии с заявленным методологическим принципом – *принципом осцилляции* – метамодернизм является «маятниковым состоянием» между модернизмом и постмодернизмом, возможно, претендующим в перспективе на синтез «тезиса» и «антитезиса».

Подробный анализ влияния постмодернизма и метамодернистских концептуализаций

на психологию представлен в статье М. С. Гусельцевой [16], которая отмечает значимость метамодернизма как эпистемологической стратегии в психологии, позволяющей более «тонко и точно отразить текущие изменения субъективности и идентичности человека» за счет развития «эпистемологии сложного мышления» и «сетевой логики» [16, с. 336]. Вместе с тем автор отмечает и влияние «метамодернистского сознания» на *изменение нашей идентичности*, осуществляемой при помощи таких конструктов, как новая искренность, новая рациональность, постистория, прагматичный неоромантизм, постправда, транспарентность, трансгендер, трансгрессия, трансмиссия и трансгуманизм. Отмечается, что «метамодернистское мироощущение предполагает более спокойный и уверенный, оптимистический взгляд на происходящие перемены» за счет адаптивного «укорочения» горизонтов планирования и жизни «в настоящем». Для социальной психологии М. С. Гусельцева отмечает приоритетность исследований малых групп, территориальной идентичности, малых культурных традиций, ближайшего окружения личности, а также выделяет в качестве значимых категории «качества жизни» и «самовыражение» (новый гедонизм).

Сегодня, в режиме «естественного социального эксперимента», мы можем наблюдать, как эти психологические тренды и явления, зафиксированные западными мыслителями, начинают новый виток трансформаций на фоне угроз снижения уровня жизни населения как следствия санкционной политики западных правительств. В ближайшее время будут известны судьба «нового гедонизма» и смысловая инверсия концепта «качество жизни». Также появится возможность увидеть, насколько адаптивна стратегия выживания путем капсулизации личности в микромирах повседневности.

Российским психологом и психиатром А. А. Гребенюком предложен соответствующий метамодернистской концептуализации вариант новой психологии, отвечающей происходящим изменениям субъективности – *метамодернистской психологии (или метакси-психологии)* [2]. Автор утверждает, что метамодернистская психология – это прежде всего «набор приемов выживания, выработанных поколением, рожденным в 1960–1990 годах», которое на опыте познало крайности социально-экономического существования, вследствие чего, пережив «годы иронии и скептицизма в отношении любых идеологических догм», испытывает интерес к «утраченным ценностям и лиризму» [2]. Развернутое определение метамодернистской психологии

гласит: «...Это психология людей, понимающих, что глобализация и технологизация сделали общество настолько сложным и неопределенным, что его развитие никогда не сможет быть подчинено единому метанарративу, сколь бы привлекательным он не казался. Поэтому отдельный человек может реализовать себя в общественной жизни только через маломасштабные сетевые связи с единомышленниками. ... в свою очередь, эти многочисленные “малые миры”, выступая элементами современного единого мира, с одной стороны, дестабилизируют его, а с другой – стабилизируют, задавая изменения модуса работы с обществом и культурой, осциллируя между диаметрально противоположными идеями» [2]. Обсуждаемые статьи о метамодернистской психологии вышли в свет в 2018 и 2017 гг. соответственно. За прошедшие годы мы имели и имеем возможность наблюдать, как западный метамодернистский нарратив встречается с непредсказанной им реальностью цивилизационного конфликта, в котором западные общества и российское общество начинают вести себя по-разному, поскольку «задача выживания» начинает решаться военными средствами. Консолидация капсулированных «микромиров» с начала 2022 г. интенсивно осуществляется по обе стороны противостояния, поскольку в одиночку выжить не удастся, необходимо макроуровневое объединение.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что, с нашей точки зрения, не вызывает сомнения тот факт, что метамодернизм точно зафиксировал случившийся сдвиг в мировосприятии и мироощущении «поколения 60–90», выражающийся в актуализации потребности в новой искренности, глубине, историчности, порядке, творчестве и гармонии. Это естественная реакция человеческой психики на чрезмерные нагрузки, вызванные неопределенностью и неоднозначностью. Поэтому появление и развитие метамодернизма представляются логичными и целесообразными, в том числе и в психологии. Вместе с тем мы продолжаем быть участниками – наблюдателями и акторами – процесса расщепления единого метамодернистского нарратива на, как минимум, две цивилизационные версии – западную и российскую, каждая из которых будет наполняться рефлексией своего «опыта выживания» и своих ценностных установок в начавшемся конфликте. И этот опыт не будет полностью идентичен и сопоставим. Похожее случилось после Второй мировой войны. Однако «поколенческое» знание об этом опыте в России было «нейтрализовано» в течение последних 35 лет. Из текущего конфликта его стороны (в лице граждан России и

коллективного Запада) выйдут в еще большей степени с различной ментальностью и разной идентичностью, поскольку различны ценностные основы, цели и стратегии поведения в этом конфликте. Возможно, в значительной степени различными будут и индивидуальные стратегии решения возникающих психологических трудностей и проблем, хотя как единый вид мы, безусловно, сохраним и универсальные стратегии реагирования на общецивилизационный кризис, и его локальные проявления.

Для описания социально-психологических аспектов поведения организаций и других социальных общностей в сегодняшней России мы используем нашу модель ОРРО – акроним, означающий переход от неопределенности напряженных отношений к определенности конфликта (Определенность), переход от эволюционного процесса развития систем различного типа и назначения к революционному (Революционность), переход от выжидательности к решимости (Решимость), переход от индифферентности к оптимистичности (Оптимистичность). Данные параметры в целом описывают трансформацию психологии российского общества в ситуации решения «задачи на выживание». Очевидно, что в модели ОРРО два параметра из четырех (определенность и оптимистичность) согласуются с метамодернистскими тенденциями, но, конечно, совершенно по другим причинам и в совершенно ином контексте по сравнению с выводами метамодернистской рефлексии прошлых лет (например, там – усталость от разочарований, скептицизма и иронии эпохи постмодерна, здесь и сейчас – угроза выживанию).

Заключение

Современная российская социальная психология оказалась сегодня в точке бифуркации, встала перед необходимостью определить собственные пути развития без опоры на североамериканскую или западноевропейскую социальную психологию, совместно с которыми последние 30 лет занималась разработкой проблем, актуальных прежде всего для западных обществ. В поисках новых «точек опоры» отечественная социальная психология может обратиться к двум самым надежным вариантам, причем одновременно. Первый из них – это сама российская социальная действительность со своими задачами, проблемами и вызовами. Вторая – опыт наших предшественников, восстановление порванных «ниточек» интеллектуальных и культурных традиций в России. Что касается первого варианта – обращения к реали-

ям жизни сегодняшнего российского общества, то очевидно, что первоочередными значимыми задачами социальной психологии являются те, которые помогут нашей стране справиться с нарастающим противоборством с противником, поставившим своей целью разрушение нашего государства. Эти задачи хорошо известны по опыту применения психологии в периоды мировых войн в тех же западных странах и носят практический характер.

Второй вариант имеет долгосрочный характер формирования мировоззренческих ценностных оснований развития социальной психологии как науки, способной познавать глубинные психологические механизмы общественных процессов и участвовать в их изменении (коррекции, оптимизации, развитии и трансформации). В этом случае наследие С. Л. Франка является одним из наиболее значимых, позволяющих подвести фундаментальные основания в виде духовности под новые российские исследовательские проекты. Представляется, что духовная психология, развитие которой началось в России с работ С. Л. Франка, может быть одним из столпов нашего культурного и методологического базиса, покоясь на основании которого могут развиваться различные направления психологии, в том числе социальная психология. Предметом духовной психологии могут быть как духовная психика человека, так и духовный исторический опыт России, анализ которого начал Франк. Развитие духовной психологии позволит сделать шаг в постижении духовности как одного из самых необъяснимых явлений («непостижимое» по Франку); социально-психологическое изучение истории духовного пути конкретного общества даст возможность фиксировать исторические уроки и закономерности действия духа в историческом плане.

Необходимость духовно-психологической парадигмы в научной психологии давно назрела. В ее рамках или на ее основе смогут развиваться различные теории, подходы, в том числе ордерный подход в социальной психологии. В перспективе разные линии исследования феномена духовности смогут интегрироваться и выводить исследователей на продуктивные концепции.

Идеи духовной психологии С. Л. Франка могут получить некоторые новые смысловые оттенки и в контексте метамодернистского мировосприятия и метапсихологии. В определенном смысле С. Л. Франка можно назвать не чуждым метамодернистским взглядам, поскольку ему как мыслителю, совершившему интеллектуальную эволюцию от материалистических убеждений к идеалистическим и религиозным, в конечном

итоге удалось развить свой проект духовной психологии в плодотворном взаимодействии материалистических и идеалистическо-религиозных концепций и идей, путем осцилляций, «смещений» и «смешиваний» на пути к построению целостной системы духовно-психологических воззрений.

Развитие российской духовной психологии может идти разными путями, в том числе и тем, который предложил С. Л. Франк, – от религиозного идеала (в его случае – православного). В рамках ордерного подхода духовная психология развивается путем постепенного приближения к изучению феномена нравственного идеала. Перспективной исследовательской задачей является исследование характерных для российского общества образов нравственного идеала в исторической трансспективе. В иерархии выявленных идеалов религиозный уровень, очевидно, будет самым высоким, являясь своего рода мета-позицией и метанаррацией для интегрирующих интерпретаций содержания других уровней иерархии.

Список литературы

1. Ван ден Аккер Р. Метамоде́рнизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма. М. : РИПОЛ-Классик, 2022. 496 с.
2. Гребенюк А. А. Основы метамоде́рнистской психологии // *Metamodern: журнал о метамоде́рнизме*. 2022. URL: <https://metamodernizm.ru/metamodernizm-psychology/> (дата обращения: 10.09.2022).
3. Франк С. Л. Крушение кумиров // *Франк С. Л. Сочинения*. М. : Правда, 1990. С. 111–180.
4. Словарь библейских образов / под общ. ред. Л. Райкена, Дж. Уилхойта, Т. Лонгмана III. СПб. : Библия для всех, 2005. 1424 с.
5. Джемс В. Многообразие религиозного опыта (репринтное издание. М., 1910). СПб. : Андреев и сыновья, 1993. 418 с.
6. Симонов П. В., Ершов П. М., Вяземский Ю. П. Происхождение духовности. М. : Наука, 1989. 352 с.
7. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М. : Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
8. Сэмьюэлз Э., Шортер Б., Плот Ф. Критический словарь аналитической психологии К. Юнга. М. : МНПП «ЭСИ», 1994. 184 с.
9. Фуко М. Герменевтика субъекта // *Социо-логос*. М. : Прогресс, 1991. С. 284–311.
10. Психология: словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М. : Политиздат, 1990. 494 с.
11. Шпет Г. Г. Сочинения. М. : Правда, 1989. 601 с.
12. Франк С. Л. Душа человека: опыт введения в философскую психологию. М. : Книжный клуб Книголек ; СПб. : Северо-Запад, 2015. 384 с.
13. Франк С. Л. Непостижимое // *Франк С. Л. Сочинения*. М. : Правда, 1990. С. 183–556.
14. Сенокосов Ю. П. Семен Людвигович Франк // *Франк С. Л. Сочинения*. М. : Правда, 1990. С. 3–6.
15. Аксеновская Л. Н. Ордерная концепция организационной культуры: вопросы методологии. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2005. 348 с.
16. Гусельцева М. С. Метамоде́рнизм в психологии: новые методологические стратегии и изменения субъективности // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*. 2018. Т. 8, вып. 4. С. 327–340. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.402>

Reference

1. R. Van den Akker, T. Vermeulen, A. Gibbons, eds. *Metamodernism. Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism*. Published: September 16, 2017 by Rowman & Littlefield International. 245 p. (Russ. ed.: Van den Akker R. *Metamodernizm. Istorichnost, Affekt i Glubina posle postmodernizma*. Moscow, RIPOL-Klassik Publ., 2022. 496 p.).
2. Grebenyuk A. A. Fundamentals of Metamodern psychology. *Metamodernizm: zhurnal o metamodernizme* (Metamodernism: A Magazine about Metamodernism). Available at: <https://metamodernizm.ru/metamodernizm-psychology/> (accessed 10 September 2022) (in Russian).
3. Frank S. L. *Krushenie kumirov* [The Collapse of Idols]. In: Frank S. L. *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 111–180 (in Russian).
4. Ryken L., Wilhoit J. C., Longman T. III, eds. *Dictionary of Biblical Imagery*. Downers Grove, Illinois, USA, Inter Varsity Press, 1998. 1058 p. (Russ. ed.: *Slovar bibleyskikh obrazov. Pod obshch. red. L. Raikena, Dzh. Uilkhoyta, T. Longmana III*. St. Petersburg, Bibliya dlya vsekh Publ., 2005. 1424 p.).
5. James W. *Diversity of religious experience*. Longmans, Green, And Co, New York, London, Bombay, Calcutta and Madras, 1917. 621 p. (Russ. ed.: Dzhems V. *Mnogoobrazie religioznogo opyta* (reprintnoe izdanie. Moscow, 1910). St. Petersburg, Andreev i synovia Publ., 1993. 418 p.).
6. Simonov P. V., Ershov P. M., Vyazemskiy U. P. *Proiskhozhdenie dukhovnosti* [The Origin of Spirituality]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 352 p. (in Russian).
7. Il'ichev L. F., Fedoseev P. N., Kovalev S. M., Panov V. G., ans. eds. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1983. 840 p. (in Russian).
8. Samuels A., Shorter B., Plaut F. *A Critical Dictionary of Jungian Analysis*. Routledge & Kegan Paul, London and New York, 170 p. (Russ. ed.: Semyuelz E., Shorter B., Plot F. *Kriticheskiy slovar analiticheskoy psikhologii K. Unga*. Moscow, MNPP "ESI" Publ., 1994. 184 p.).

9. Foucault M. *L'herméneutique du sujet: Cours au Collège de France (1981–1982)*. Gallimard, 2001. 540 p. (Russ. ed.: Fuko M. *Germenevtika subekta*. In: *Sotsio-logos*. Moscow, Progress Publ., 1991, pp. 284–311).
10. Petrovskii A. V., Yaroshevskii M. G., eds. *Psikhologiya. Slovar* [Psychology. Dictionary]. Moscow, Politizdat, 1990. 494 p. (in Russian).
11. Shpet G. G. *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 601 p. (in Russian).
12. Frank S. L. *Dusha cheloveka: opyt vvedeniya v filosofskuyu psikhologiyu* [The Human Soul: The Experience of Introduction to Philosophical Psychology]. Moscow, Knizhnyi klub Knigovek Publ., St. Petersburg, Severo-Zapad Publ., 2015. 384 p. (in Russian).
13. Frank S. L. *Nepostizhimoe* [The Unfathomable]. In: Frank S. L. *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 183–556 (in Russian).
14. Senokosov U. P. *Semen Lyudvigovich Frank*. In: S. L. Frank. *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 3–6 (in Russian).
15. Aksenovskaya L. N. *Ordernaya kontseptsiya organizatsionnoy kultury: voprosy metodologii* [The Order Concept of Organizational Culture: Issues of Methodology]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2005. 348 p. (in Russian).
16. Guseltseva M. S. *Metamodernism in Psychology: New methodological strategies and Changes in Subjectivity*. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya*, 2018, vol. 8, iss. 4, pp. 327–340 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.402>

Поступила в редакцию 18.09.2022; одобрена после рецензирования 19.09.2022; принята к публикации 17.10.2022
The article was submitted 18.09.2022; approved after reviewing 19.09.2022; accepted for publication 17.10.2022

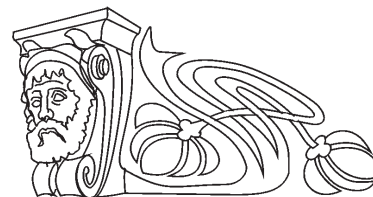

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 423–426
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 423–426
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-423-426>, EDN: ZSZRXJ

Научная статья
УДК 159.9

Личностная зрелость: модель исследования в контексте событийного подхода

Н. П. Андрияшкова

Донецкий национальный университет, Россия, ДНР, 283001, г. Донецк, ул. Университетская, д. 24
Андрияшкова Надежда Петровна, старший преподаватель кафедры психологии, andruchkova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7531-1098>

Аннотация. *Введение.* Проблема личностной зрелости, ее критериев и механизмов достижения является одной из значимых и актуальных в современной психологической науке. Большое количество работ посвящено трактовке и определению данного понятия, поиску его содержательных и структурных элементов. *Теоретический анализ.* На основе систематизации теоретического материала автор выстраивает модель для анализа личностной зрелости (в контексте событийного подхода). В данной модели выделяются блоки, которые могут выступать параметрами личностной зрелости: событийный блок, рефлексивный блок, смысловой блок, поведенческий блок. *Заключение.* Значимые события личности можно рассматривать в качестве возможных инициаторов формирования личностной зрелости и включать их в событийный блок исследования. Механизмы переживания кризисного события, образуя единство с рефлексивными процессами, составляют рефлексивный блок исследования; осмысление ситуации, построение новых смыслов – смысловой блок исследования; адаптации к новым условиям, ситуационная активность – поведенческий блок исследования. Полученные данные могут быть использованы с целью более детального анализа личностной зрелости, условий ее актуализации, а также при построении моделей эмпирического исследования личностной зрелости.

Ключевые слова: зрелость, развитие, событие, кризис, рост, рефлексия, смысл

Для цитирования: Андрияшкова Н. П. Личностная зрелость: модель исследования в контексте событийного подхода // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 423–426. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-423-426>, EDN: ZSZRXJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Personal maturity: A research model in the context of an event approach

N. P. Andryushkova

Donetsk National University, 24 Universitetskaya St., Donetsk 283001, DPR, Russia

Nadezhda P. Andryushkova, andruchkova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7531-1098>

Abstract. Introduction. The problem of personal maturity, its criteria and mechanisms of achievement, acts as one of the significant and urgent problems in modern psychological science. A large number of scientific papers are devoted to the interpretation and definition of this concept, the search for its content and structural elements. **Theoretical analysis.** Based on the systematization of theoretical material, the author builds a model for the analysis of personal maturity (in the context of the event approach). In this model, there are blocks that can act as parameters of personal maturity: event block, reflexive block, semantic block, behavioral block. **Conclusion.** Conclusions are drawn that significant personality events can act as possible initiators of the formation of personal maturity, and are defined in the event block of the study. The mechanisms of experiencing a crisis event, forming unity with reflexive processes, constitute (a reflexive block of research). Comprehension of the situation, construction of new meanings (semantic block of research). Adaptation to new conditions, situational activity (behavioral research unit). The author believes that the data obtained can be used for a more detailed analysis of personal maturity, the conditions for its actualization, as well as for the construction of models of empirical research of personal maturity.

Keywords: maturity, development, event, crisis, growth, reflection, meaning

For citation: Andryushkova N. P. Personal maturity: A research model in the context of an event approach. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 423–426 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-423-426>, EDN: ZSZRXJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Анализируя различные подходы к пониманию личностной зрелости, можно отметить,

что достигшая зрелости личность приходит к внутренней детерминированности и, исходя из своих потребностей, начинает организовывать свою жизнь. Кроме того, она способна к само-

регуляции, к корректировке и направлению хода событий, происходящих в жизненном пространстве [1].

Важно подчеркнуть, что представления о личностной зрелости до сих пор недостаточно систематизированы. Существующие исследования рассматривают данный феномен в основном в структурном направлении, определяя компоненты личностной зрелости. Однако имеется небольшое количество работ, посвященных функциональной и динамической стороне феномена. Это затрудняет проведение исследований по данной проблематике, установление целостной картины развития личностной зрелости. Многие авторы отмечают, что зрелость личности не следует рассматривать как возрастную характеристику. Так, Б. Г. Ананьев считает, что существует необходимость противопоставления таких понятий, как «взрослость» и «зрелость» [2]. А. А. Бодалев указывает, что взрослость и зрелость – это понятия не тождественные [цит. по: 3]. С точки зрения К. А. Абульхановой и Т. Н. Березиной, зрелость – не данность возраста, а достижение определенного, соответствующего личности образа жизни [4]. Э. Эриксон отмечает что взаимосвязь зрелости как качества личности и взрослости как хронологической характеристики достаточна условна. Автор указывает, что индивид, становясь взрослым, может быть личностно не зрелым и наоборот [5]. В трудах Г. Олпорта также упоминается о том, что не каждая личность во взрослом состоянии достигает при этом полной зрелости [6]. Таким образом, вопрос становления личностной зрелости и механизмов ее активизации остается открытым.

Теоретический анализ

Процесс личностного развития человека рассматривается как содержательный элемент его жизненного пути (Б. Г. Ананьев, Л. И. Анциферова, Г. А. Балл, И. Д. Бех, Ш. Бюллер, П. Жане, С. Д. Максименко, С. Л. Рубинштейн, Т. М. Титаренко и др.). Жизненный путь каждого человека насыщен потоком осознанных и неосознанных социальных ситуаций и событий. Какие-то ситуации и события он четко рефлексирует, определяет их значимость для себя и собственной жизни, какие-то остаются для него нейтральными или даже неосознанными. Как раз те жизненные события, которые наиболее глубоко осознаются человеком, становятся основой деления эмоциональных переживаний на положительные и отрицательные. Последние, если они усиливаются и восполняют

размер психологического пространства личности, вызывают психогению, дезадаптацию и приводят к жизненному кризису.

Значимые события, происходящие в жизни личности, требуют определенных изменений, которые помогут адаптироваться к происходящему. Однако это может привести к неравновесию между личностью и окружающей средой, т. е. способствовать критической жизненной ситуации. Разделяя понятия «критическая ситуация» и «кризис», можно говорить, что первое в большей степени – фактор среды, кризис же – это реакция на критическую ситуацию, требующую от личности определенных психологических изменений. Таким образом, кризисы выступают непременным атрибутом динамического процесса личностного развития [7].

Повседневная жизнь в ситуации жизненного кризиса стремительно приобретает новые очертания. В моменты тяжелых переживаний человек начинает осмысливать причины своей личной катастрофы. Случается так, что то, чем человек до сих пор жил, искренне переживал, истинно во что-то верил, обесценивается и превращается в лишнее и ненужное в собственном жизненном пространстве. В то же время то, о чем он раньше и не думал, становится важным и ценностным, именно оно актуализирует истинные, глубокие переживания. Человек начинает постигать новые ценностные ориентиры, осмысливать их, сосуществовать с ними постоянно.

Лишь в процессе переживания индивидом кризиса происходит ценностно-смысловое переупорядочивание его жизненного мира. Как отмечает Н. В. Чепелева, в период жизненного кризиса у человека существенно корректируется направление личностного развития. Именно кризис «принуждает» каждого осмыслить все происходящее в жизни, найти в себе силы для принятия важных решений, для согласования межличностных отношений, для осуществления нравственного выбора. Конструктивное разрешение кризиса повышает субъектность человека, иерархизирует его ценности и цели, определяет новые смыслы существования, обновляет жизненное пространство [8].

Наличие жизненной стратегии и попытки придерживаться ее позволяют индивиду приобрести опыт, заключающийся не только в том, что он учится ориентироваться в своем внутреннем мире, выявляет трудности, которые должен преодолеть на пути осуществления планов, выясняет свои ресурсы, новые желания и возможные цели, но и в том, что он начинает осознавать, что эти планы нужно постоянно менять, приспосабливая их к новым обстоятельствам, появляющимся или

проявляющимся в процессе жизнедеятельности. Эта характеристика есть результат рефлексии.

Таким образом первый блок, условно названный нами «Событийный», включает в себя изучение и анализ значимых для личности событий.

В кризисные моменты постижения личностью самой себя актуализируется экзистенциальная рефлексия, позволяющая ей выделить иные ориентиры, жизненные смыслы, наполнить новыми интенциями собственное личностное и жизненное пространство.

Следующий блок, обозначенный нами как «Рефлексивный», включает изучение рефлексивных механизмов переживания.

Понятие «рефлексия» можно определить как психическую способность сознания человека воспринимать смысл собственной деятельности. Одним из главных элементов нашего сознания является переживание личности. Ведь переживание – это тот феномен, который непосредственно сопровождает значимые события психической жизни человека. Неотъемлемой составляющей переживания личности служит функционирование рефлексии, значение которой отмечено во многих исследованиях [9]. Так, Л. Р. Фахрутдинова утверждает, что переживание представляет собой особый феномен сознания, субстанциональность субъекта. Переживание, образуя единство с рефлексией, осуществляет «переработку» впечатлений и встраивает их в структуры сознания. Взаимодействие переживания и рефлексии осуществляется через актуализацию впечатлений, которые могут быть представлены в качестве пускового механизма, материала для переживания. Ненасыщающаяся потребность в новых впечатлениях связана с духовными потребностями человека. Следовательно, результатом подобной переработки впечатлений является развитие духовных структур субъекта [10].

Таким образом, рефлексия выступает важным механизмом развития и становления личностной зрелости, обеспечивает переход от непосредственных форм деятельности к ее опосредованной, сознательной организации и управлению ею. Благодаря рефлексии человек может объективировать собственные личностные качества и установки, заняв активную, преобразовательную позицию по отношению к себе и собственному поведению.

Рефлексивная способность человека способствует превращению внутреннего мира путем психической трансформации личностно значимых событий. Следовательно, именно особенности взаимодействия переживания и рефлексии приводят к саморазвитию личности, что выражается в продуктивном выстра-

ивании взаимоотношений её с окружающим миром и организации своей жизнедеятельности.

Исследуя переживание как составляющую рефлексии, Н. А. Деева определяет его как механизм преобразования ценностно-смысловых категорий, выявляет взаимосвязь между проработанностью внутреннего мира, осознанием значимости и степенью прожитого события, особенностями реализации жизненных планов человека, отношениями с внешним миром и т.д. [11].

Рефлексия, отвлекая личность от непрерывного потока жизнедеятельности, позволяет ей посмотреть на себя извне. Это способствует переосмыслению собственного опыта и событий, происходящих на жизненном пути. Благодаря рефлексии человек становится для самого себя объектом управления и приобретает способность к саморазвитию, личностному росту. Кроме того, такие экзистенциальные переживания человека в процессе разрешения жизненного кризиса приводят его к продуктивным преобразованиям и достижению новых личностных качеств. К тому же, если в повседневной жизни человека проблема его смысла жизни ретушируется ненужной социальной занятостью, то в процессе переживания жизненного кризиса все составляющие личностного пространства предстают перед сознанием развернуто, аргументированно, осмысленно, нацеливая его на корректировку, а чаще и поиск нового смысла жизни.

Третий блок «Смысловой» включает изучение осмысленности жизни, системы жизненных смыслов.

Одним из значимых ресурсов, обеспечивающих человеку конструктивное переживание кризисных периодов его жизни, является смысл [12, 13]. Многие авторы отмечают удельный вес смысла в системе детерминации личностного развития (К. А. Абульханова-Славская, Д. А. Леонтьев, Е. С. Штепа и др.). Следует отметить, что определение смысла жизни и ее осмысленность служат важным условием для успешного решения психосоциальных задач, преодоления жизненных кризисов и как следствие – достижения личностной зрелости.

Именно осмысленные в ходе кризиса переживания актуализируют у личности новые, еще не используемые ею резервы, внутренний потенциал, повышающий жизненную мотивацию. Последняя наполняется такими устремлениями и желаниями, которые поддерживают и активизируют процесс деятельности человека. Личность, преодолевшая кризисное событие, адаптируется к иным условиям, приобретает способность овладевать новыми способами самореализации и самоосуществления в дальнейшей жизни.

Четвертый блок, определяемый нами как «Поведенческий», включает изучение ориентаций относительно жизненных ситуаций, адаптивную активность.

Заключение

Нами была предложена модель исследования личностной зрелости в ракурсе событийного подхода. В основу заложен «Событийный блок» как один из возможных инициаторов активизации личностной зрелости. С помощью продуктивной рефлексии и смысловой переработки (включенных нами в «Рефлексивный» и «Смысловой» блоки) человек может приходить к высокой социальной адаптированности и произвольности поведения, к своего рода надситуационной активности, которая является одним из поведенческих параметров личностной зрелости (поведенческий блок). Следует отметить, что данная модель является теоретической и требует эмпирической проверки, может быть использована с целью построения моделей эмпирического исследования при изучении личностной зрелости.

Список литературы

1. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб. : Питер, 2003. 608 с.
2. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. М. : Наука, 2000. 372 с.
3. Бальк А. С., Цыбуленко О. П. Психологическая зрелость личности: теоретические концепции и подходы // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 12. С. 63–67.
4. Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. СПб. : Алетейя, 2001. 304 с.
5. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М. : Издательская группа «Прогресс», 1996. 344 с.
6. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды / пер. с англ. Л. В. Трубицыной и Д. А. Леонтьева; под общ. ред. Д. А. Леонтьева. М. : Смысл, 2002. 462 с.
7. Титаренко Т. М. Испытание кризисом: Одиссея преодоления. М. : Когито-Центр, 2010. 304 с.
8. Чепелева Н. В. Дискурсивные практики самопроектирования личности // Наука і освіта. 2015. № 9. С. 5–10.
9. Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М. : Институт психологии РАН, 2004. 424 с.
10. Фахрутдинова Л. Р. Психология переживания человека. Казань : Издательство Казанского государственного университета, 2008. 676 с.
11. Деева Н. А. Рефлексивные механизмы переживания: роль в жизнедеятельности человека и методика исследования. Общество и право // Актуальные вопросы психологии и педагогики. 2015. № 1 (51). С. 275–280.
12. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М. : Смысл, 2007. 511 с.
13. Серый А. В., Яницкий М. С. Смысловые аспекты переживания кризиса социальной идентичности при вынужденной смене жизненной ситуации // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 43. С. 12.

References

1. H'ell L., Zigler D. *Teorii lichnosti* [Theories of Personality]. St. Petersburg, Piter Publ., 2003. 608 p. (in Russian).
2. Anan'ev B. G. *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as a Subject of Knowledge]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 372 p. (in Russian).
3. Balyk A. S., Cybulenko O. P. Psychological maturity of personality: Theoretical concepts and approaches. *Obshchestvo: sociologija, psihologija, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogy], 2016, no. 12, pp. 63–67 (in Russian).
4. Abul'hanova K. A., Berezina T. N. *Vremja lichnosti i vremja zhizni* [The Time of Personality and the Time of Life]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2001. 304 p. (in Russian).
5. Jerikson E. *Identichnost': junost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Moscow, Izdatel'skaja gruppa "Progress", 1996. 344 p. (in Russian).
6. Olport G. *Stanovlenie lichnosti: Izbrannye trudy* [D. A. Leont'ev, total ed. The Formation of Personality. Selected Works]. Moscow, Smysl Publ., 2002. 462 p. (in Russian).
7. Titarenko T. M. *Ispytanie krizisom: Odisseja preodoleniya* [The Test of Crisis: An Odyssey of Overcoming]. Moscow, Kogito-Centr Publ., 2010. 304 p. (in Russian).
8. Chepeleva N. V. Discursive practices of self-projecting personality. *Nauka i osvita* [Science and Education], 2015, no. 9, pp. 5–10 (in Russian).
9. Karpov A. V. *Psihologiya refleksivnykh mekhanizmov deyatel'nosti* [Psychology of Reflexive Mechanisms of Activity]. Moscow, Institut psihologii RAN Publ., 2004. 424 p. (in Russian).
10. Fahrutdinova L. R. *Psihologiya perezhivaniya cheloveka* [Psychology of Human Experience]. Kazan', Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 2008. 676 p. (in Russian).
11. Deeva N. A. Reflexive mechanisms of experience: The role in human life and research methodology. *Society and law. Aktual'nye voprosy psihologii i pedagogiki* [Topical Issues of Psychology and Pedagogy], 2015, no. 1 (51), pp. 275–280 (in Russian).
12. Leont'ev D. A. *Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti* [Psychology of Meaning: Nature, Structure and Dynamics of Semantic Reality]. Moscow, Smysl Publ., 2007. 511 p. (in Russian).
13. Seryi A. V., Yanitskii M. S. Semantic aspects of the experiencing of the social identity crisis in the forced change of life situation. *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological Research], 2015, vol. 8, no. 43, pp. 12 (in Russian).

Поступила в редакцию 19.07.2022; одобрена после рецензирования 02.10.2022; принята к публикации 17.10.2022
The article was submitted 19.07.2022; approved after reviewing 02.10.2022; accepted for publication 17.10.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 427–432
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 427–432
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-427-432>, EDN: ZVTDJI

Научная статья
УДК 159.923

Особенности ценностных ориентаций подростков с различным уровнем тревожности

Е. Ю. Кольчик

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Россия, 295001, г. Симферополь, пер. Учебный, д. 8

Кольчик Елена Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, egyptshore@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6116-6053>

Аннотация. Введение. Изменчивость социальных ориентиров современного общества определяет актуальность изучения ценностных ориентаций как важной морально-нравственной составляющей личности. Цель работы – исследование ценностных ориентаций подростков с различным уровнем тревожности. **Теоретический анализ.** Уровень выраженности тревоги у подростков взаимосвязан с выбором определенных ценностных ориентаций. Подростки с высоким уровнем тревожности более подвержены мнению окружающих и их ценностные ориентации менее устойчивы и более полезависимы. **Эмпирический анализ.** В исследовании приняли участие 48 подростков в возрасте от 14 до 16 лет. Было выявлено, что для подростков с высоким уровнем тревожности характерен выбор таких ценностных ориентаций, как отдых и материальное благополучие. Для подростков с умеренным и низким уровнем тревожности более характерна ориентация на общение и на любовь. **Заключение.** Умеренный и низкий уровни тревожности связаны с духовными ценностями, не зависящими от внешних факторов. Высокий уровень тревожности сопряжен с материальными и конкретными ценностями, которые зависят от внешних факторов и потому являются трудно контролируемыми.

Ключевые слова: подростки, ценностные ориентации, реактивная тревожность, личностная тревожность, тревога, социализация

Для цитирования: Кольчик Е. Ю. Особенности ценностных ориентаций подростков с различным уровнем тревожности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 427–432. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-427-432>, EDN: ZVTDJI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Features of adolescents' value orientations with different levels of anxiety

E. Yu. Kol'chik

Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, 8 Ave. Uchebniy, Simferopol 295001, Russia

Elena Yu. Kol'chik, egyptshore@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6116-6053>

Abstract. Introduction. The variability of social guidelines of modern society determines the relevance of studying value orientations as an important moral component of the person. The purpose of the work is to study the value orientations of adolescents with different levels of anxiety. **Theoretical analysis.** The severity of anxiety in adolescents is related to the choice of certain value orientations. Adolescents with high levels of anxiety are more susceptible to the opinions of others and their value orientations are less stable and more useful. **Empirical analysis.** The study involved 48 adolescents aged 14 to 16 years. As a result of the study, it was revealed that for adolescents with high levels of anxiety, the choice of such value orientations as rest and material well-being is typical. Adolescents with moderate to low anxiety levels are more characterized by a focus on communication and love. **Conclusion.** Moderate and low levels of anxiety are associated with spiritual values that are independent of external factors. A high level of anxiety is associated with material and specific values, which depend on external factors and therefore are difficult to control. **Keywords:** adolescents, value orientations, reactive anxiety, personal anxiety, anxiety, socialization

For citation: Kol'chik E. Yu. Features of adolescents' value orientations with different levels of anxiety. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 427–432 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-427-432>, EDN: ZVTDJI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Жизнь в современном обществе характеризуется динамичностью и насыщенностью, а потому требует от современного человека

быстрой реакции на происходящие события и высокой нервно-психической устойчивости. В ряде последних психологических исследований современное общество нередко называют «невротичным», что обусловлено высоким уровнем

тревожности, характерным для большинства современных людей, и неустойчивой системой ценностных ориентаций, постоянно претерпевающей изменения. Соответственно, успешная адаптация к современным реалиям возможна при наличии у личности надежных моральных и социальных ориентиров, которые позволили бы ей сохранить психическую стабильность. В связи с этим особую роль играет изучение ценностных ориентаций личности, которые являются важными определяющими факторами не только в жизни человека в обществе, но и в его саморазвитии, а также в сохранении физического и психического здоровья.

Теоретический анализ

Подростковый возраст хорошо изучен и описан в его возрастной периодизации Л. С. Выготским [1], Д. Б. Элькониным [цит. по: 2], Э. Эриксонем [цит. по: 2] и др. Социализация на данном возрастном этапе является важным фактором формирования системы ценностных ориентаций и одним из факторов формирования определенного уровня тревожности. Г. С. Абрамова, условно обозначая период подросткового возраста от 12 до 18 лет, в особую категорию выделяла детей, которые характеризуются ранним физическим, психосоциальным и когнитивным развитием. Мальчики с более ранним развитием обычно более популярны среди сверстников, но более подвержены ранней сексуальной активности, а девочки – депрессии и расстройствам пищевого поведения. Как для мальчиков, так и для девочек с более ранним развитием характерен риск употребления психоактивных веществ [3]. Э. Эриксон отмечал подростковый возраст как возраст, когда перед ребенком встает проблема смешения идентичности и роли. Решая эту проблему, подростки избирают обычно либо роли и ценности, характерные для их родителей, либо уходят в оппозицию и развитие идентичности у них происходит через противоречие ценностям, характерным для их семьи [цит. по: 2].

Понятие «ценностные ориентации» изучалось в трудах М. Рокича [4], О. Н. Жупника [5], Е. Г. Кузнецовой [6] и др. М. Рокич в основу понимания ценностных ориентаций положил понятие «направленность личности» как важное определение целей и стремлений личности. Также он предложил разделение ценностных ориентаций на три составляющие: когнитивную, эмоциональную и поведенческую. Когнитивный компонент состоит в осознании самой ценности, эмоциональный – в ее переживании и поведенческий – в реализации поведения в соответствии с

определенной ценностью [4]. О. Н. Жупник указывает на определенную этапность ценностных ориентаций, по которой можно определить их формирование: первый этап – знание и понимание самой ценности, второй этап – дифференциация ценностей и третий этап – эффективность применения ценностной ориентации [5]. Е. Г. Кузнецова, рассматривая особенности формирования ценностных ориентаций в подростковом возрасте, указывала на важность эмоционального опыта: формирование ценностей подростка происходит с опорой на собственный опыт и эмоциональное отношение к определенным ценностям и социальным идеям родителей и значимых близких [6]. Ценности создают соответствующую ценностную ориентацию. Содержательный аспект освоения ценностных ориентаций подростком реализуется путем приобретения знаний о нормах и правилах поведения через такие механизмы, как сочувствие и переживание. Процессуальный аспект воплощается через познание смыслового содержания нравственных норм до их реализации в поведении.

В. Д. Небылицын называл подростковый возраст возрастом «тревоги», объясняя это чрезмерной обеспокоенностью детей подросткового возраста своей внешностью, взаимоотношениями со сверстниками и родителями [7]. Понятия «тревожность» и «тревога» освещались в работах З. Фрейда [8], К. Хорни [9], Э. Фромма [цит. по: 2], А. М. Прихожан [10], В. Д. Небылицына [7] и др. Тревога представляет собой совокупность когнитивных, физиологических и поведенческих реакций организма с целью самозащиты в критических для человека ситуациях, потенциально угрожающих его жизни и здоровью, и является естественной реакцией на стресс. Тревожность – это склонность человека к достаточно интенсивным и частым переживаниям состояния тревоги, а также его низким порогом возникновения, т. е. это личностная черта. А. М. Прихожан характеризовала тревожность как переживание эмоционального дискомфорта, взаимосвязанного с подсознательным ожиданием и предчувствием опасности. В связи с этим ею также было выделено два уровня тревожности: физиологический уровень, характеризующийся повышением частоты сердечных сокращений, повышением артериального давления, потливостью, гиперемией кожных покровов, и психологический уровень, которому свойственны беспокойство, напряженность, дезориентация и подавленность [10, 11].

Личностная тревожность оказывает влияние на ситуативную тревожность, всегда демонстрируя тенденцию к усилению. Поскольку в

подростковом возрасте происходит активное формирование ведущих ценностей личности, особый интерес представляет изучение ценностных ориентаций подростков с различным уровнем тревожности.

Эмпирический анализ

Цель работы состоит в изучении ценностных ориентаций подростков с различным уровнем тревожности. В эмпирическом исследовании приняли участие 48 подростков

в возрасте 14–16 лет, обучающихся в МБОУ «Школа-гимназия № 10 им. Э. К. Покровского» г. Симферополя. Использовались методика диагностики уровня тревожности по Спилбергеру-Ханину и методика диагностики реальной структуры ценностных ориентаций личности С. С. Бубновой. При обработке результатов применялась описательная статистика, а также был осуществлен корреляционный анализ по непараметрическому критерию *r*-корреляции Спирмена. Результаты приведены на рис. 1, 2, а также в таблице.

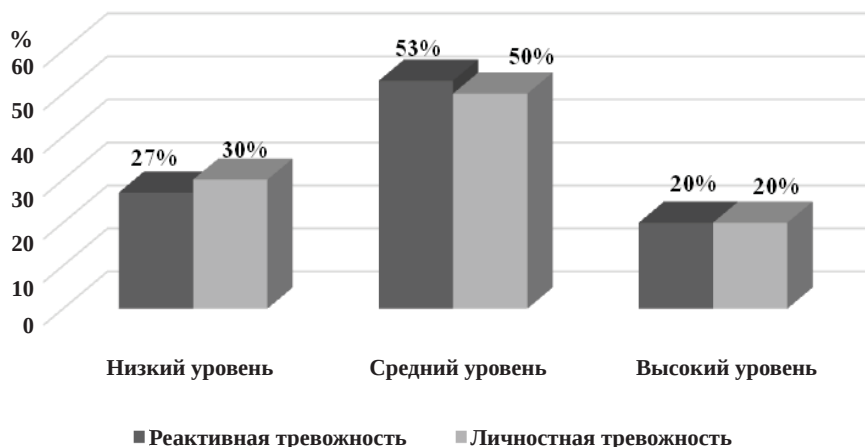

Рис. 1. Показатели реактивной (ситуативной) и личностной тревожности подростков
Fig. 1. Indicators of reactive (situational) and personal anxiety of teenagers

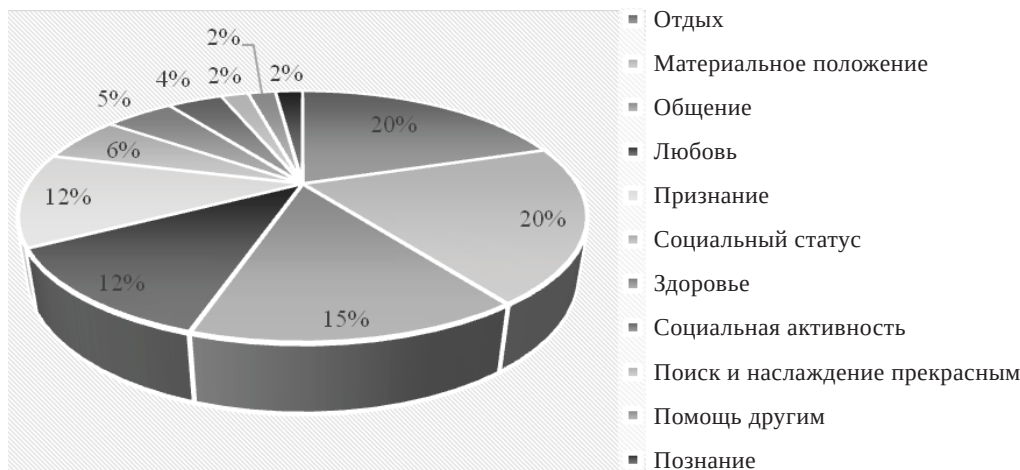

Рис. 2. Распределение ценностных ориентаций среди подростков
Fig. 2. Distribution of value orientations among teenagers

По итогам исследования для большинства подростков характерен средний уровень реактивной (53%) и личностной (50%) тревожности. Низкий уровень реактивной тревожности свойствен для 27% испытуемых, а высокий уровень реактивной тревожности – 20% испытуемых.

Согласно результатам послетестовой беседы с испытуемыми высокий уровень реактивной тревожности характерен для подростков, очень чувствительных к ситуациям оценки их компетентности. Субъективная значимость ситуации и решения задач для данной категории испытуе-

мых настолько велика, что в некоторых случаях их мотивация меняет вектор с достижения успеха на избегание неудач (см. рис. 1).

Средний уровень личностной тревожности выявлен у 50% подростков, что указывает на умеренное переживание тревожности при возникновении частичного дискомфорта в зависимости от личностного восприятия и оценки. В результате исследования у 30% подростков была выявлена низкая личностная тревожность, что может быть связано с достаточным самоконтролем, самодисциплиной, адекватными требованиями к себе, а также может указывать на достаточно спокойное отношение к изменениям в собственной жизни. У 20% подростков был выявлен высокий уровень личностной тревожности, который сопровождается неуверенностью, застенчивостью и постоянным переживанием эмоционального дискомфорта. В ходе послетестовой беседы было отмечено, что подростки с высокой личностной тревожностью испытывают страх перед критикой и отрицательной оценкой окружающих.

Исследование реализации подростками ценностных ориентаций в условиях жизнедеятельности по методике С. Бубновой показало, что наиболее популярны среди подростков такие ценности, как отдых и материальное положение. Далее следуют общение, общественное признание и любовь. Наименьшей популярностью пользуются такие ценности, как социальный статус, здоровье, поиск и наслаждение прекрасным, помощь другим, социальная активность и

познание. Сложившееся распределение ценностных ориентаций можно объяснить возрастными особенностями: физиологические и гормональные процессы выводят ценности любви и отдыха на первые места, а особенности ведущей деятельности и социальной ситуации развития объясняют популярность общения и признания (см. рис. 2).

Ценность здоровья не актуальна для старших подростков, что может быть связано с тем, что на данном возрастном этапе подростки не испытывают значительных проблем со здоровьем: они активны, физически выносливы и стрессоустойчивы. Также на последнем месте находится ценность стремления к познанию. В некоторой степени ее как ценность духовную можно противопоставить ценности материального благополучия. В данном исследовании, а также в других подобных исследованиях можно четко проследить тенденцию предпочтения подростками материальных ценностей духовным, что тоже можно назвать спецификой возраста. Среди подростков существует стереотип «деньги определяют положение в обществе», что, собственно, и обуславливает существующее распределение ценностей.

С целью установления взаимосвязей между ценностными ориентациями современных подростков и уровнем тревожности был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции *r*-Спирмена (см. таблицу).

Матрица корреляционного анализа показателей тревожности и ценностных ориентаций личности
Table. Correlation analysis matrix for anxiety and personality value orientations

Ценностные ориентации	Реактивная тревожность	Личностная тревожность
1. Отдых, приятное времяпрепровождение	0,71***	0,68**
2. Материальное благосостояние	0,79***	0,75***
3. Любовь	–	–0,62**
4. Социальный статус	0,69**	0,61**
5. Признание / Уважение	0,61**	0,69**
6. Общение	–0,72***	–0,63**

Примечание. *** – корреляционная связь при $r \leq 0,05$; ** – корреляционная связь при $r \leq 0,01$.

Note. *** – correlation relationship at $r \leq 0,05$; ** – correlation relationship at $r \leq 0,01$.

По результатам корреляционного анализа была выявлена прямая корреляционная связь при $r \leq 0,01$ и $r \leq 0,05$ между уровнями реактивной и личностной тревожности и ценностями отдыха (0,71 и 0,68 соответственно), материального благосостояния (0,79 и 0,75), социального статуса (0,69 и 0,61) и признания (0,61 и 0,69). Из этого следует, что чем более

характерны для подростка указанные ценностные ориентации, тем более у него выражена как ситуативная, так и личностная тревожность. Также была выявлена обратная корреляционная связь $r \leq 0,05$ между личностной тревожностью и любовью (–0,61); личностной тревожностью и общением (–0,63). Это указывает на то, что чем более для подростка характерны такие

ценности, как любовь и общение, тем менее у него выражена личностная тревожность. Отрицательная корреляционная связь при $r \leq 0,01$ между реактивной тревожностью и общением ($-0,72$) свидетельствует о том, что чем больше подросток ориентируется на общение, тем менее у него выражена ситуативная тревожность. Выявленные взаимосвязи предположительно можно объяснить тем, что ценности статуса, признания и материального благосостояния по своей сути всегда подвергаются внешней оценке и зависят от нее, в связи с чем растет тревожность в ситуации оценки кем-либо. С другой стороны, любовь и общение являются преимущественно субъективными характеристиками и слабо зависят от внешней оценки.

Заключение

Ценностные ориентации выступают системообразующим фактором социальной позиции личности и их формирование зависит от множества факторов, одним из которых является уровень тревожности личности. Подростковый возраст как кризисный этап развития – сенситивный период для переосмысления и формирования устойчивой системы ценностных ориентаций. Тревога, будучи сама по себе нормальной реакцией человека на определенные события, позволяет личности адаптироваться к меняющимся условиям социума. В то же время тревожность как личностная черта может усугублять переживание адекватной ситуативной тревоги или, наоборот, ослаблять его. В результате эмпирического исследования было выявлено, что для большинства подростков характерен средний уровень как реактивной, так и личностной тревожности. Наиболее выраженными ценностными ориентациями у подростков являются приятное времяпрепровождение, материальное благополучие, любовь и общение, а наименее выраженными – здоровье, познание, помощь другим. Установлено также, что высокий уровень тревожности связан у подростков с такими ценностями, как отдых, материальное благосостояние, а низкий уровень тревожности взаимосвязан с выраженными ценностями любви и общения.

Несмотря на то, что данная тема требует более глубокого исследования, полученные данные можно использовать в работе практического психолога с тревожностью в подростковом возрасте, а также при разработке ряда коррекционных программ, направленных на формирование ценностных ориентаций и жизненных перспектив личности.

Список литературы

1. *Выготский Л. С.* Психология. М. : ЭКСМО-ПРЕСС, 2000. 1008 с.
2. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб. : ПИТЕР, 2020. 608 с.
3. *Абрамова Г. С.* Возрастная психология. М.: Академический проект, 2017. 624 с.
4. *Рокич М.* Природа человеческих ценностей. М. : Эксмо, 2005. 96 с.
5. *Жупник О. Н.* Понятие «ценностные ориентации»: к проблеме определения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2017. № 2. С. 3–11.
6. *Кузнецова Е. Г.* К вопросу формирования ценностных ориентаций подростков // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 2. С.109–114.
7. *Небылицын В. Д.* Темперамент // Проблемы психологии индивидуальности. 2000. № 3. С. 13–21.
8. *Фрейд З.* Психология бессознательного. М. : Академия, 2009. 418 с.
9. *Хорни К.* Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория неврозов. СПб. : Лань, 2017. 240 с.
10. *Прихожан А. М.* Тревожность у детей: явление, причины, диагностика. М. : Школьный психолог. 2019. 698 с.
11. *Прихожан А. М.* Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М. : МОДЭК, 2020. 304 с.

References

1. *Vygotskiy L. S.* *Psichologiya* [Psychology]. Moscow, EKSMO-PRESS Publ., 2000. 1008 p. (in Russian).
2. *Hjelle L., Ziegler D.* *Teorii lichnosti* [Personality Theories]. St. Petersburg, PITER Publ., 2020. 620 p. (in Russian).
3. *Abramova G. S.* *Vozrastnaya psichologiya* [Age Psychology]. Moscow, Academicheskij proekt Publ., 2017. 624 p. (in Russian).
4. *Rokeach M.* *The Nature of Human Values*. New York, Free press, 1973. 354 p. (Russ. ed.: *Rokich M. Priroda chelovecheskih tsennostei*. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 96 p.).
5. *Zhupnik O. N.* Concept “value orientations”: To the problem definition. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philosophy. Political science. Cultural science], 2017, no. 2, pp. 3–11 (in Russian).
6. *Kuznecova E. G.* To the question of teenagers' value orientations formation. *Vestnik Orenburgskogo*

- gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University], 2012, no. 2, pp. 109–114 (in Russian).
7. Nebylicyn V. D. The temperament. *Problemy psikhologii individual'nosti* [Problems of Psychology of Individuality], 2000, no. 3, pp. 13–21 (in Russian).
 8. Freud Z. New introductory lectures on psycho-analysis. New York, Carlton House, 1933. 257 p. (Russ. ed.: Freid Z. *Psikhologiya bssoznatel'nogo*. Moscow, Akademiya Publ., 2009. 418 p.).
 9. Horney K. Our inner Conflicts. New York, W. W. Norton, 1945. 303 p. (Russ. ed.: Horni K. *Nashi vnutrennie konflikty*. St. Petersburg, Lan' Publ., 2017. 240 p.).
 10. Prihozhan A. M. *Trevozhnost' u detei: yavlenie, prichiny, diagnostika* [Anxiety in Children: Event, Causes, Diagnosis]. Moscow, Shkol'niy psikholog Publ., 2019. 698 p. (in Russian).
 11. Prihozhan A. M. *Trevozhnost' u detei i podrostkov: psikhologicheskaya priroda i vozrastnaya dinamika* [Anxiety at Children and Teenagers: Psychological Nature and Age Dynamics]. Moscow, MODEK Publ., 2020. 304 p.).

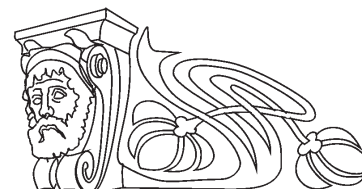
Поступила в редакцию 05.08.2022; одобрена после рецензирования 02.10.2022; принята к публикации 17.10.2022
The article was submitted 05.08.2022; approved after reviewing 02.10.2022; accepted for publication 17.10.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 433–440
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 433–440
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-433-440>, EDN: VUUYNP

Научная статья
УДК 159.92+316.61+316.62

Сравнительный анализ характеристик социальной адаптации и сформированности социальных навыков у младших школьников из социально благополучных семей и семей «группы риска»

Н. М. Романова¹✉, М. В. Чернова²

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Мурманский арктический государственный университет, Россия, 183038, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, д. 15

Романова Наталья Михайловна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной психологии, romanova_nm@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9444-8812>

Чернова Марина Владимировна, магистрант психолого-педагогического института Мурманского арктического государственного университета, marinachernova83705@gmail.com

Аннотация. Введение. В современной российской системе образования доминирует установка рассматривать неадаптивные аспекты поведения ребенка в контексте проблемы. Между тем она может быть представлена в ином ключе: в аспекте недостаточности развития у ребенка определенных социальных навыков. Важно диагностировать наличие данных недостатков и разрешать их в младшем школьном возрасте. Особую актуальность приобретают исследования социальных навыков детей из неблагополучных семей и семей «группы риска». **Теоретический анализ.** В теоретическом плане поведенческие и психологические проблемы младших школьников рассматриваются в контексте недостаточности развития у них социальных навыков. Овладение последними, обучение правильному поведению мы рассцениваем как способ разрешения имеющихся у ребенка проблем. **Эмпирический анализ.** Представлены результаты эмпирического исследования характеристик социальной адаптации, структуры и уровня сформированности социальных навыков младших школьников (N = 65), из семей «группы риска» (M = 8,65 лет; N = 31) и детей из социально благополучных семей (M = 9,81 лет; N = 34). Социальные навыки изучались с помощью методики Б. Фурмана; особенности социально-психологической адаптации ребенка – с помощью методики Э. М. Александровской. **Заключение.** Выявлены статистически значимые различия по показателям социальной адаптации (целесолагание, нравственно-этическая готовность, поведение вне урока, взаимоотношения с одноклассниками, отношение к учителю, эмоциональное благополучие) и показателям сформированности ряда индивидуальных социальных навыков детей из семей «группы риска» и детей контрольной группы. Обнаружено сходство показателей общегрупповых навыков в двух группах младших школьников. Прикладной аспект исследуемой проблемы связан с возможностью использования результатов при разработке программ психологической работы с младшими школьниками.

Ключевые слова: социальная адаптация, сформированность социальных навыков, младшие школьники, дети из семей «группы риска», дети из социально благополучных семей

Для цитирования: Романова Н. М., Чернова М. В. Сравнительный анализ характеристик социальной адаптации и сформированности социальных навыков у младших школьников из социально благополучных семей и семей «группы риска» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 433–440. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-433-440>, EDN: VUUYNP

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Comparative analysis of the characteristics of social adaptation and the formation of social skills in younger students from socially advantaged families and families “at-risk groups”

N. M. Romanova¹✉, M. V. Chernova²

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Murmansk Arctic State University, 15 Kapitana Egorova St., Murmansk 183038, Russia

Natalia M. Romanova, romanova_nm@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9444-8812>

Marina V. Chernova, marinachernova83705@gmail.com

Abstract. Introduction. The modern Russian education system is dominated by the attitude to consider non-adaptive aspects of the child's behavior in the context of the problem. Meanwhile, it can be presented in a different way: in the aspect of insufficient development of certain social skills in a child. It is important to diagnose the presence of these shortcomings and resolve them at primary school age. Of particular relevance is the study of the social skills of children from dysfunctional families and families of the "risk group". **Theoretical analysis.** In theoretical terms, the behavioral and psychological problems of younger students are considered in the context of insufficient development of their social skills. Mastering the latter, teaching correct behavior, we regard as a way to resolve the problems that a child has. **Empirical analysis.** The paper summarizes the results of an empirical study of the characteristics of social adaptation, the structure and level of formation of social skills of younger schoolchildren (N = 65), from families of the "risk group" (M = 8.65 years; N = 31) and children from socially well-off families (M = 9.81 years; N = 34). Social skills were studied using B. Furman's methodology; features of the child's socio-psychological adaptation – using the methodology of E. M. Aleksandrovskaya. **Conclusion.** Statistically significant differences were revealed in terms of indicators of social adaptation (goal-setting, moral and ethical readiness, behavior outside the classroom, relationships with classmates, attitude towards the teacher, emotional well-being) and indicators of the formation of a number of individual social skills of children from families of the "risk group" and children of the control group. The similarity of indicators of general group skills in two groups of younger schoolchildren was found. The applied aspect of the problem under study is related to the possibility of using the results in the development of psychological work programs with younger students.

Keywords: social adaptation, formation of social skills, younger schoolchildren, children from families of the "risk group", children from socially prosperous families

For citation: Romanova N. M., Chernova M. V. Comparative analysis of the characteristics of social adaptation and the formation of social skills in younger students from socially advantaged families and families "at-risk groups". *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 433–440 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-433-440>, EDN: VUUYNP

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Проблема социализации подрастающего поколения по-прежнему актуальна. Важнейшей частью процесса социализации является развитие социальных навыков, поскольку интеграция детей в социум и эффективное функционирование в нем происходят посредством овладения ими.

Освоение социальных навыков начинается в раннем возрасте, преимущественно в семье ребенка. В этой связи важно исследовать особенности формирования этих навыков в различных типах семей. Особую актуальность приобретает рассмотрение социальных навыков детей из неблагополучных семей и семей «группы риска».

Семья «группы риска» – это семья, в которой в силу объективных или субъективных условий затруднено социально-психологическое функционирование. В таких семьях психологическое благополучие детей находится под угрозой.

Теоретический анализ

Включение ребенка в новую для него учебную среду, освоение новой социальной роли – учащегося школы – предполагает реализацию сформированных и приобретение новых социальных навыков. Развитие личности ребенка согласно Л. С. Выготскому осуществляется посредством взаимодействия с социальной средой [1].

В начальной школе происходит активное преобразование представлений ребенка о самом себе, об окружающих его людях и о мире. Пути преобразования личности ребенка, по

мнению Э. Эриксона, зависят, прежде всего, от внутрисемейных отношений, в рамках которых формируется базальное доверие ребенка к миру, закладываются его волевые качества и способности к целеполаганию [2].

Существование ребенка в неблагополучной или социально опасной среде способствует отклонению развития от «правильного», социально приемлемого в сторону девиантного. При девиации поведение человека причиняет ущерб обществу или самой личности [3, с. 11–12]. В таких случаях является неполным влияние факторов социально-психологического и культурного контекстов [4]. Недостаточная сформированность социальных навыков ребенка препятствует активному стремлению использовать культурно-социальные нормы в качестве «ориентировочной основы неагрессивной модели поведения» [5, с. 81].

Социальные навыки подразумевают не только знания о социальных правилах и нормах, но и умение их эффективно применять в социально ролевом взаимодействии [4–6].

Таким образом, социальные навыки являются многогранным феноменом, «фундаментом» развития социальной компетенции будущей взрослой личности, а также маркером включенности личности в социокультурную среду [7].

Разные исследователи предлагают разную структуру социальных навыков. Опираясь на теорию поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина, отечественные исследователи Б. Ф. Ломов [8] и А. А. Бодалев [9] выделили в структуре социальных навыков когнитивную, аффективную и поведенческую составляющие.

И. И. Бондарева представила когнитивно-мотивационный, деятельностный, рефлексивно-оценочный и поведенческий компоненты социальных навыков. Она включила в структуру социальных навыков как личностные, так и групповые (командные) навыки [6].

К. Кэнни и А. Бирн, разработавшие структуру социальных навыков детей, выделили следующие навыки: а) базовые, проявляющиеся в социальных взаимодействиях как базовые способности (зрительный контакт, сохранение личных границ в пространстве, особенности жестикюляции и мимики и др.); б) навыки взаимодействия (умение разрешать конфликты, ждать своей очереди, начинать и заканчивать разговор и др.); в) эмоциональные, значимые для осознания себя и других; г) когнитивные, необходимые в более сложных ситуациях социального взаимодействия (социальное восприятие, рефлексивное поведение, знание, применение социальных норм и др.) [10, с. 19].

Одним из наиболее подходящих инструментов для оценки сформированности социальных навыков детей является метод «Kids' Skills» Б. Фурмана. В концепции Б. Фурмана овладение тем или иным социальным навыком рассматривается как преодоление имеющейся у ребенка проблемы. Автор исходит из того, что у детей нет проблем, однако есть умения, которыми они еще не овладели. Большинство детских проблем рассматриваются им как неразвитые навыки. Освоение последних приводит ребенка к преодолению соответствующих проблем. Методика освоения навыков Б. Фурмана основана на идее о том, что детские проблемы проще всего разрешить, обучив ребенка определенному навыку, который необходим ему для того, чтобы справиться с проблемой. Формирование умения связано не с прекращением нежелательной деятельности, а с обучением правильному поведению [11]. Достоинством метода Б. Фурмана является возможность оценки у ребенка социально-психологических параметров уровня развития социальных навыков, продуктивного группового взаимодействия внутри детского коллектива, факторов риска девиантного поведения. Важно при этом, что данные оценки выставляет как ребенок, так и значимые взрослые – родители и педагоги [12].

Метод Б. Фурмана прошел апробацию в научных исследованиях российских [12] и зарубежных ученых (S. J. Niu, H. Niemi) [13]. Пакет диагностических методик для исследования эффектов программы Б. Фурмана предложен коллективом российских ученых [12].

Эмпирический анализ

Организация исследования

Цель исследования: изучить характеристики социальной адаптации, структуру и уровень сформированности социальных навыков младших школьников из семей «группы риска» и детей из социально благополучных семей.

Гипотеза: существуют различия в характеристиках социальной адаптации, структуре и уровне сформированности социальных навыков младших школьников из семей «группы риска» и детей из социально благополучных семей.

Участники исследования: выборка исследования – 65 детей в возрасте от 8 до 11 лет. Она состояла из двух групп: 1-я группа – дети из семей «группы риска», всего 31 ребенок (17 мальчиков и 14 девочек), 2-я группа – дети из социально благополучных семей (контрольная группа), всего 34 ребенка (19 мальчиков и 15 девочек).

Возрастные характеристики испытуемых: дети из семей «группы риска» ($M = 8,65$ лет); дети из контрольной группы ($M = 9,81$ лет).

Все дети из семей «группы риска» находились под опекой социально-реабилитационных центров для детей и их семей (г. Саратов).

Критерии отнесения ребенка к группе дети из семей «группы риска»: а) проживание в семьях, состоящих на учёте специализированных структур (органы опеки и попечительства); б) пребывание в социально-реабилитационных центрах помощи семье и детям. Нахождение детей в данных центрах свидетельствует о том, что семейная среда, в которой развивался ребенок ранее, была опасной для его жизни и здоровья (семьи «группы риска»). Согласно Положению «Центра социальной помощи семье и детям г. Саратова», на базе которого проводилось исследование, основанием отнесения детей к семьям «группы риска» являются следующие обстоятельства: наличие внутрисемейного конфликта с лицами с наркотической или алкогольной зависимостью; факты разных видов насилия в семье; отсутствие у членов семьи определенного места жительства; отсутствие у родителей работы и средств к существованию; наличие социально опасного положения в семье, неисполнение обязанностей по воспитанию, обучению и содержанию ребенка со стороны законных представителей и т. п. [14].

Контрольная группа представлена учениками 1–4 классов среднеобразовательной школы № 33 г. Энгельса Саратовской области. Все дети проживали в социально благополучных семьях (ответственное отношение родителей к воспитанию и развитию детей, привитие им правильных жизненных ценностей).

Методический инструментарий. Исследование включало в себя диагностику социальных навыков и социально-психологической адаптации двух указанных групп младших школьников. Тестирование осуществлялось с помощью методики Б. Фурмана (шкалы самооценки навыков детьми, а также внешняя оценка взрослыми). Кроме того, использовалась авторская анкета для педагогов.

Производилась самооценка учащимся шести общегрупповых (например, «Мы можем собирать наши школьные сумки», «Мы справляемся с нашей домашней работой» и др.) и двадцати двух индивидуальных (например, «Я умею ждать своей очереди», «Я умею слушать других», «Я умею выступать перед классом» и др.) навыков по шкале от 1 до 10.

Для диагностики социально-психологической адаптации ребенка к школе была применена методика «Изучение социально-психологической адаптации к школе» Э. М. Александровской [15].

Процедура исследования. Для выявления различий двух групп школьников по показателям уровня сформированности социальных

навыков и компонентов социально-психологической адаптации младших школьников применялся *U*-критерий Манна – Уитни. Для обработки количественных результатов использовались математико-статистические методы с помощью программы IBM SPSS Statistics 23.0.0.

Результаты и их обсуждение

В табл. 1 показаны результаты самооценки социальных навыков двух групп детей.

Наблюдается тенденция более высоких показателей (общегрупповые и индивидуальные навыки) у детей из контрольной группы (дети из социально благополучных семей).

По остальным переменным (всего 21), отражающим общегрупповые и индивидуальные социальные навыки ребенка (например, «мы справляемся с нашей домашней работой», «мы слушаем инструкции учителя», «мы умеем успокаиваться», «я умею слушать других», «я умею не отвлекаться от работы», «я умею принимать отказ» и т.д.), уровень их сформированности выше у детей контрольной группы (из социально благополучных семей).

Таблица 1 / Table 1

Описательная статистика переменных детей «группы риска» (методика Б. Фурмана)
Descriptive statistics of variable children of the “risk group” (method of B. Furman)

Переменная	Сравниваемые группы	Среднее значение	Среднеквадратичное отклонение	Дисперсия
Мы поднимаем руку для ответа	Контрольная группа (n = 34)	6,94	2,752	7,572
	Дети СГР (n = 31)	7,00	2,887	8,333
Я умею не отвлекаться от работы	Контрольная группа (n = 34)	6,91	2,479	6,143
	Дети СГР (n = 31)	6,97	3,401	11,566
Я умею проигрывать	Контрольная группа (n = 34)	6,97	2,844	8,090
	Дети СГР (n = 31)	7,71	3,164	10,013
Я умею спокойно двигаться	Контрольная группа (n = 34)	7,18	2,564	6,574
	Дети СГР (n = 31)	8,16	3,132	9,806
Я умею присоединяться к другим	Контрольная группа (n = 34)	8,03	3,416	11,666
	Дети СГР (n = 31)	8,23	2,883	8,314
Я умею гордиться своими достижениями	Контрольная группа (n = 34)	8,53	3,231	10,439
	Дети СГР (n = 31)	9,13	1,803	3,249
Я не забываю благодарить других	Контрольная группа (n = 34)	8,85	2,925	8,553
	Дети СГР (n = 31)	8,97	2,041	4,166

Результаты математико-статистической обработки методики Э. М. Александровской для диагностики социально-психологиче-

ской адаптации детей к школе раскрывают нам еще одну специфику обеих групп (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

**Описательная статистика (методика Э. М. Александровской)
Descriptive statistics (method of E. M. Alexandrovskaya)**

Сравниваемые группы	Показатели	Общий балл по 4-м параметрам
Дети СГР	N	34
	Среднее	36,65
	Среднеквадратичное отклонение	7,55
	Дисперсия	57,14
Контрольная группа	N	31
	Среднее	28,03
	Среднеквадратичное отклонение	9,61
	Дисперсия	92,36

Мы наблюдаем различия по среднему общему баллу социально-психологической адаптации к школе, где баллы детей из семей «группы риска» ниже, чем у детей из контрольной группы.

Как следует из данных табл. 2, среднеквадратичное отклонение по общему результату детей из семей «группы риска» имеет больший разброс, чем у детей из контрольной группы.

Данный факт можно объяснить наличием двух различающихся моделей поведения у детей из семей «группы риска».

Для сравнения социальных навыков и особенностей социально-психологической адаптации двух групп детей был применен *U*-критерий Манна – Уитни. В табл. 3 представлены результаты методики Б. Фурмана по *U*-критерию Манна – Уитни.

Таблица 3 / Table 3

**Результаты сравнительного анализа показателей методики Б. Фурмана
у детей из социально благополучных семей и детей из семей «группы риска»
The results of a comparative analysis of the indicators of B. Furman's methodology
in children from socially prosperous families and children from families of the «risk group»**

Переменная	Сравниваемые группы	Средний ранг	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Я умею выступать перед классом	Контрольная группа (n = 34)	39,15	,006
	Дети СГР (n = 31)	26,26	
Я умею спокойно двигаться	Контрольная группа (n = 34)	28,15	,023
	Дети СГР (n = 31)	38,32	
Я умею кушать аккуратно	Контрольная группа (n = 34)	38,16	,015
	Дети СГР (n = 31)	27,34	
Я умею говорить «нет»	Контрольная группа (n = 34)	40,81	,000
	Дети СГР (n = 31)	24,44	

Выявлены значимые различия показателей сформированности ряда индивидуальных социальных навыков детей из семей «группы риска» и детей контрольной группы. По показателям общегрупповых навыков значимых различий не выявлено.

В табл. 4 представлены результаты сравнительного анализа показателей методики «Соци-

ально-психологическая адаптация к школе» по *U*-критерию Манна – Уитни.

С помощью *U*-критерия Манна – Уитни выявлены достоверные различия по всем социально-психологическим показателям адаптации к школе детей из семей «группы риска» и контрольной группы.

Таблица 4 / Table 4

Результаты сравнительного анализа показателей методики «Социально-психологическая адаптация к школе» у детей из социально благополучных семей и детей из семей «группы риска»
The results of a comparative analysis of the indicators of the methodology «Socio-psychological adaptation to school» in children from socially well-off families and children from families of the «risk group»

Переменная	Сравниваемые группы	Средний ранг	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Целеполагание	Контрольная группа (n = 34)	40,82	,000
	Дети СГР (n = 31)	24,42	
Нравственно-этическая готовность	Контрольная группа (n = 34)	40,07	,001
	Дети СГР (n = 31)	25,24	
Поведение вне урока	Контрольная группа (n = 34)	39,79	,001
	Дети СГР (n = 31)	25,55	
Взаимоотношения с одноклассниками	Контрольная группа (n = 34)	41,63	,000
	Дети СГР (n = 31)	23,53	
Отношение к учителю	Контрольная группа (n = 34)	37,81	,025
	Дети СГР (n = 31)	27,73	
Эмоциональное благополучие	Контрольная группа (n = 34)	42,07	,003
	Дети СГР (n = 31)	23,05	
Общий балл	Контрольная группа (n = 34)	40,72	,001
	Дети СГР (n = 31)	24,53	

Заключение

Данные эмпирического исследования позволяют установить некоторые закономерности в особенностях развития социальных навыков и характеристиках социальной адаптации младших школьников из семей «группы риска» и детей из социально благополучных семей.

Выявлено сходство в характеристиках общегрупповых навыков детей из семей «группы риска» и контрольной группы. Данный факт мы объясняем сходством социальной ситуации развития детей данного возраста: учебная деятельность, взаимодействие детей, контроль классного руководителя, регулирующего внутриклассную активность. Школьная система обучения представляет собой классическую форму начального образования, в рамках которого дети обучаются социальным навыкам группового взаимодействия. Эта социальная ситуация характерна для обеих групп: детей из социально благополучных семей и детей из семей «группы риска».

Выявлены значимые различия в характеристиках структуры и уровня сформированности ряда индивидуальных социальных навыков у младших школьников из семей «группы риска»

и детей из социально благополучных семей. Дети из социально благополучных семей демонстрируют более высокий уровень индивидуальных социальных навыков в проявлениях социальной активности и социальной приемлемости (умение выступать перед классом, умение аккуратно принимать пищу, умение говорить «нет»). У школьников из семей «группы риска» более развит индивидуальный социальный навык «спокойно двигаться».

Установлено наличие значимых различий в характеристиках социальной адаптации младших школьников из семей «группы риска» и детей из социально благополучных семей. В частности, показатели детей из социально благополучных семей по компонентам целеполагания, нравственно-этической готовности, поведению вне урока, успешности социальных контактов (взаимоотношения с одноклассниками и отношение к учителю) и эмоциональному благополучию статистически значимо выше, чем у детей из семей «группы риска». Это означает, что дети из социально благополучных семей, по сравнению с детьми из семей «группы риска», характеризуются более высокой социально-психологической адаптацией к школе. У детей из семей «группы риска» выявлены

две крайние формы поведения: либо слишком пассивное (безразличное, чрезмерно послушное), либо слишком беспокойное (суетливое, гиперактивное).

Список литературы

1. *Выготский Л. С.* Психология развития человека. М. : Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.
2. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. М. : Прогресс, 2006. 342 с.
3. *Усова Е. Б.* Психология девиантного поведения. Минск : Издательство МИУ, 2010. 321 с.
4. *Змановская Е. В.* Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения). М. : Издательский центр «Академия», 2004. 288 с.
5. *Бокалина Н. А.* Девиантное поведение дошкольников // Молодой ученый. 2019. Т. 47, № 285. С. 451–453.
6. *Бондарева И. И.* Психологические условия развития системы социальных навыков и умений гражданского поведения у младших школьников: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Н. Новгород, 2007. 25 с.
7. *Jurevičienė M., Kaffemaniene I., Ruškus J.* Concept and Structural Components of Social Skills // *Baltic Journal of Sport and Health Sciences*. 2012. Vol. 3, № 86. P. 42–52. <https://doi.org/10.33607/bjshs.v3i86.266>
8. *Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М. : Наука, 1999. 349 с.
9. *Бодалев А. А.* Личность и общение: Избранные психологические труды. М. : Международная педагогическая академия, 1995. 328 с.
10. *Canney C., Byrne A.* Evaluating circle time as a support to social skills development – reflections on a journey in school based research // *British Journal of Special Education*, 2006. Vol. 33, № 1. P. 19–24. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8578.2006.00407.x>
11. *Фурман Б.* Навыки ребенка: Как решать детские проблемы с помощью игры / пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн, 2013. 220 с.
12. *Чиркина Р. В., Бойкина Е. Э., Койкова К. С., Бригадаренко Н. В., Стратийчук Е. В., Тишкова Ю. В., Чеботарев И. В.* Оценка профилактического потенциала технологии «Умелый класс» в формировании социально значимых навыков у детей // *Психология и право*. 2020. Т. 10, № 4. С. 93–110. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100407/>
13. *Niu S. J., Niemi H.* Teachers Support of Students' Social-Emotional and Self-Management Skills Using a Solution-Focused Skillful-Class Method // *The European Journal of Social & Behavioural Sciences*. 2020. Vol. 27, № 1. P. 54–73. <https://doi.org/10.15405/ejsbs.269>
14. Положение государственного бюджетного учреждения Саратовской области «Центр социальной помощи семье и детям г. Саратова» «О реабилитационно-кризисном отделении помощи женщинам и детям». Саратов, 2015. URL: https://social.saratov.gov.ru/social_state_institutions/uchrezhd_socpomoshchi_semje_detjam/saratov_family/informacija_o_postavshhike_socialnyh_uslug/struktura_i_organy_upravleniya/index.php?SECTION_ID=5667&ELEMENT_ID=50442 (дата обращения: 19.04.2022).
15. *Александровская Э. М.* Социально-психологические критерии адаптации к школе // Школа и психическое здоровье учащихся / под ред. С. М. Громбаха. М. : Медицина, 1988. С. 32–43.

References

1. *Vygotsky L. S.* *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [Psychology of Human Development]. Moscow, Smysl Publ., Eksmo Publ., 2005. 1136 p. (in Russian).
2. *Erikson E. H.* *Identity Youth and Crisis*. New York, W. W. Norton Company Inc. Publ, 1968. 340 p. (Russ. ed.: *Erickson E. Identichnost: yunost' i krizis*. Moscow, Progress Publ., 2006. 342 p.).
3. *Usova E. B.* *Psikhologiya deviantnogo povedeniya* [Psychology of Deviant Behavior]. Minsk, Izdatel'stvo MIU, 2010. 321 p. (in Russian).
4. *Zmanovskaya E. V.* *Deviantologiya: (Psikhologiya otkloniyaiyushchegosya povedeniya)* [Deviantology: (Psychology of Deviant Behavior)]. Moscow, Izdatel'skiy tsentr "Akademiya", 2004. 288 p. (in Russian).
5. *Bokalina N. A.* Deviant behavior of preschoolers. *Moloday uchenyy* [Young Scientist], 2019, vol. 47, no. 285, pp. 451–453 (in Russian).
6. *Bondareva I. I.* *Psychological Conditions for the Development of Social Skills and Skills of Civic Behavior in Younger Students*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Psychology). Nizhny Novgorod, 2007. 25 p. (in Russian).
7. *Jurevičienė M., Kaffemaniene I., Ruškus J.* Concept and Structural Components of Social Skills. *Baltic Journal of Sport and Health Sciences*, 2012, vol. 3, no. 86, pp. 42–52. <https://doi.org/10.33607/bjshs.v3i86.266>
8. *Lomov B. F.* *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy` psikhologii* [Methodological and Theoretical Problems of Psychology]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 349 p. (in Russian).
9. *Bodalev A. A.* *Leechnost` i obshchenie: Izbranny`e psikhologicheskie trudy`* [Personality and Communication: Selected Psychological Works]. Moscow, Mezhdunarodnaya pedagogicheskaya akademiya Publ, 1995. 328 p. (in Russian).
10. *Canney C., Byrne A.* Evaluating circle time as a support to social skills development – reflections on a journey in school based research. *British Journal of Special Education*, 2006, vol. 33, no. 1, pp. 19–24. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8578.2006.00407.x>
11. *Furman B.* *Kids' Skills: A playful and solution-focused approach to solving children's problems*. Bendigo, St. Luke's Innovative Resources Publ., 2004. 144 p. (Russ. ed.: *Furman B. Navyki rebenka: Kak reshat` detskie problemy s pomoshchyu igry*. Moscow, Alpina non-fikshn Publ., 2013. 220 p.).

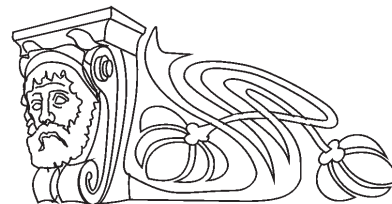
12. Chirkina R. V., Boykina E. E., Koykova K. S., Brigadarenko N. V., Stratiychuk E. V., Tishkova Yu. V., Chebotarev I. V. Evaluation of the Prevention Potential of the technology for the Formation of Socially Significant in Children Skills in the Skillful Class-Method]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2020, vol. 10, no. 4, pp. 93–110 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100407/>
13. Niu S. J., Niemi H. Teachers Support of Students' Social-Emotional and Self-Management Skills Using a Solution-Focused Skillful-Class Method. *The European Journal of Social & Behavioural Sciences*, 2020, vol. 27, no. 1, pp. 54–73. <https://doi.org/10.15405/ejsbs.269>
14. *Polozhenie gosudarstvennogo biudzhethnogo uchrezhdeniya Saratovskoy oblasti "Centr sotsialnoy pomoshchi sem`e i detiam g. Saratova" "O reabilitatsionno-krizisnom otdelenii pomoshchi zhenshchinam i detyam" (RKO)* (Regulations of the Saratov Oblast State Budget Institution "Saratov Center for Social Assistance to Families and Children" About the Rehabilitation and Crisis Department for Women and Children" (RKO)). Saratov, 2015. Available at: https://social.saratov.gov.ru/social_state_institutions/uchrezhd_socpomoshchi_semje_detjam/saratov_family/informacija_o_postavshhike_socialnyh_uslug/struktura_i_organuypravleniya/index.php?SECTION_ID=5667&-ELEMENT_ID=50442 (accessed 19 April 2022) (in Russian).
15. Alexanderovskaya E. M. Socially-psychological criteria for school adaptation. In: S. M. Grombakh, ed. *Shkola i psikhicheskoe zdorov`e uchashchikhsya* [School and Student Mental Health]. Moscow, Meditsina Publ, 1988. pp. 32–43 (in Russian).

Поступила в редакцию 18.09.2022; одобрена после рецензирования 02.10.2022; принята к публикации 17.10.2022
The article was submitted 18.09.2022; approved after reviewing 02.10.2022; accepted for publication 17.10.2022

Научная статья
УДК 316.6

Типологический анализ социокультурной направленности личности представителей разных возрастных групп

С. В. Фролова ✉, А. В. Троянова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Фролова Светлана Владимировна, доктор психологических наук, профессор кафедры консультативной психологии, frolovasv71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7830-7123>

Троянова Алена Валериевна, магистрант кафедры консультативной психологии, alena.troyanova94@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2785-0887>

Аннотация. Во *введении* отмечается роль социокультурной детерминации, механизмов культурной трансмиссии и социального наследования в развитии психики и личности человека. *Теоретический анализ* посвящен осмыслению психологических типов социокультурной направленности личности, выделенных на основе характера отношения субъекта к традициям и инновациям, интрупповой и ауттрупповой культуре. Описываются 10 типов социокультурной направленности личности: гармонично сбалансированный, локально ориентированный, локально-традиционный, локально-инновационный, альтернативно ориентированный, альтернативно традиционный, альтернативно инновационный, глобально-традиционный, глобально-инновационный, глобально-индифферентный. *Эмпирический анализ* строится на описании результатов сравнительного исследования типов социокультурной направленности личности у представителей трех возрастных групп: 1) от 46 до 54 лет; 2) от 27 до 36 лет; 3) от 17 до 19 лет. Выявлены доминирующие типы социокультурной направленности личности в каждой из исследуемых групп. Среди представителей более старшего поколения преобладают гармонично сбалансированный и глобально-инновационный типы социокультурной направленности личности; в возрастной группе от 27 до 36 лет наиболее выражены глобально-инновационный и альтернативно ориентированный (на ценности ауттрупповой культуры) типы. В самой молодой группе особого исследовательского внимания требует глобально-индифферентный тип социокультурной направленности личности. В *заключении* делаются выводы о ключевых тенденциях, факторах, рисках и ресурсах социокультурного развития личности у представителей разных возрастных групп.

Ключевые слова: типы социокультурной направленности личности, социальное наследование, традиции, инновации, внешняя и внутренняя направленность в наследовании культуры

Для цитирования: Фролова С. В., Троянова А. В. Типологический анализ социокультурной направленности личности представителей разных возрастных групп // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 441–448. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-441-448>, EDN: YDEMFC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Typological analysis of a personality's sociocultural orientation among the representatives of various age groups

S. V. Frolova ✉, A. V. Troyanova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Svetlana V. Frolova, frolovasv71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7830-7123>

Alena V. Troyanova, alena.troyanova94@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2785-0887>

Abstract. The *introduction* focuses on the role of sociocultural determination, mechanisms of cultural transmission and social inheritance in the development of human psyche and personality. The *theoretical part* considers psychological types of a personality's sociocultural orientation that were theoretically deduced through the analysis of a subject's attitude to traditions and innovations, in-group and out-group culture. The author describes ten types of a personality's sociocultural orientation: harmoniously balanced, locally oriented, locally-traditional, locally innovative, alternatively oriented, alternatively traditional, alternatively innovative, globally-traditional, globally-innovative, globally-indifferent ones. The *empirical part* provides the results of the comparative research into the types of a personality's sociocultural orientation among representatives of three age groups: 1) age range of 46–54 years, 2) age range of 27–36 years, 3) age range of 17–19 years. The author ascertains dominating types of a personality's sociocultural orientation for each group under study. Harmoniously balanced and globally-innovative types of a personal-

ity's sociocultural orientation prevail among the representatives of the older generation; globally-innovative and alternatively oriented (to the values of out-group culture) types are more common for the age range of 27–36 years. Globally-indifferent type of a personality's sociocultural orientation is of greatest research interest in the youngest age group. The **conclusion** looks at the key trends, factors, risks and resources of a personality's sociocultural development among various age groups.

Keywords: types of a personality's sociocultural orientation, social inheritance, traditions, innovations, inner and outer orientation in culture inheritance

For citation: Frolova S. V. , Troyanova A. V. Typological analysis of a personality's sociocultural orientation among the representatives of various age groups. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 441–448 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-441-448>, EDN: YDEMFC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Формирование личности, осуществляемое в пределах жизни отдельного индивида, его онтогенеза, является продуктом длительного и сложного процесса культурного и исторического развития психики человека, что с различных сторон раскрывалась в работах Л. С. Выготского [1], А. Н. Леонтьева [2] и А. Р. Лурии [3]. Функционирование личности тесно связано с функционированием сознания, личностной и социальной памяти, социального восприятия. П. Жане обосновал положения о том, что сознание, идея «Я», формирование личности невозможны без памяти. Если индивидуальная память изменяется, то ее модификации приводят к изменению личности [4]. С трансформациями, происходящими в содержании исторической, социальной памяти, меняется и культурный контекст формирования личности. Построение личностной идентичности связано с процессами становления системы психологических отношений к различным сторонам социокультурной реальности, ее историческому прошлому, настоящему и будущему.

Среди всевозможных социально-психологических механизмов культурного и исторического развития психики человека особая роль принадлежит культурной трансмиссии [5, с. 30–64] и социальному наследованию [6, с. 63; 7, с. 168–173]. Понятием «культурная трансмиссия» обозначается совокупность процессов передачи и фиксации культурной группой своих поведенческих черт в последующих поколениях посредством социально-психологического взаимодействия [5, с. 31]. Культурной трансмиссии могут служить процессы социального познания, обучения, явления неосознаваемого подражания. На наш взгляд, главенствующим субъектом культурной трансмиссии выступает большая устойчивая группа, передающая свои ценности для собственного самосохранения, личности же здесь отводится более пассивная роль.

Центральным субъектом в осуществлении социального наследования становится личность, поскольку здесь ключевую роль играет психологическое отношение к передаваемым матери-

альным и культурным ценностям, желание или нежелание, готовность или неготовность их принимать и передавать следующим поколениям. Социальное наследование не является жестко запрограммированным, оно может зависеть от психологических качеств, мировоззренческих и ценностных ориентиров личности, ее отношения к историческому прошлому, коллективному настоящему и будущему.

В качестве одного из существенных барьеров социального наследования может выступать социальная амнезия, впервые рассмотренная П. А. Сорокиным [8]. Этим понятием в современной науке обозначают феномен массовой утраты памяти об историческом опыте и ряде культурных ценностей [6, с. 61]. К симптомам ослабления социальной памяти относят снижение интереса и презрение к сохранению старых ценностей [9, с. 13], незнание традиций, обычаев, мифологии, географии родной страны, поиск образцов для развития своей социальной общности в аутгрупповых культурах. Нарушение социальной памяти может привести к необратимым последствиям для развития личности, группы и целого народа.

В осуществление процессов культурной трансмиссии, социального наследования и развития личности могут вмешиваться бессознательные психические процессы и резкие социальные изменения. Например, переживание культурных или личностных травм может как усиливать эмоциональную память, так и существенно искажать содержание памяти об исторических событиях. *Культурная травма* [10, 11], на наш взгляд, может быть понята как макросоциальный стресс, вызванный разными трагическими событиями или внезапными изменениями в жизни общества, влекущий за собой утрату сложившейся идентичности большой социальной общности.

Одними из главных компонентов содержания социальной памяти выступают традиции, передаваемые от поколения к поколению [6, с. 35]. Э. Шилз сопоставил роль традиции в жизни народа с функцией привычки для индивида [12, р. 154]. Именно приобщение к традиции, по мнению В. В. Зеньковского, определяет сущност-

ное становление человека [13, с. 314]. Г. Г. Шпет отмечал, что традиция служит воплощением «духовной коллективности» народа и вызывает у его представителей похожие переживания [14, с. 341, 363], позволяя выстраиваться устойчивым, позитивным социальным связям.

Теоретический анализ

В числе из основных макропсихологических содержаний истории и культуры рассматриваются традиции и инновации, различным образом связанные между собой. Их взаимодействие играет огромную роль в жизни общества и личности. Традиции и инновации отражают две свойственные всему живому и человеческой природе тенденции – самосохранения [4] и развития [15]. Любое личностное и макросоциальное развитие основано на гармоничном сочетании традиций и инноваций.

Преимущество традиций в процессе наследования культуры и стремление к инновациям могут иметь внутреннюю – локально национальную или ингрупповую – направленность и (или) внешнюю, аутгрупповую устремленность. Внутренняя социокультурная направленность проявляется в интересе к сохранению и передаче исторических, духовных ценностей национальной культуры, и производимых в ней социальных, научных, технологических инноваций. Внешняя социокультурная направленность выражается в ассимиляции материального и духовного наследия и культурных достижений народов других стран. А. А. Гостев отмечал, что адекватное социальное восприятие нуждается в соблюдении баланса в отражении двух противоположных и одновременно взаимодополняющих тенденций – стремления к планетарной интеграции и сохранения опыта локальных культур [16, с. 471].

В зависимости от сочетания ориентации субъекта на сохранение традиций и (или) развитие инноваций с внешней и (или) внутренней обращенностью в наследовании культуры нами была предложена *типология социокультурной направленности личности* [7, с. 174–176].

Гармонично сбалансированный тип социокультурной направленности личности в равной мере ценит и сочетает устремленности к усвоению локальной – национальной – культуры и общемирового наследия, а также тенденции к сохранению традиций и развитию инноваций. При таком типе социокультурной направленности личности сохраняются адекватное социальное восприятие и понимание целостной перспек-

тивы исторического прошлого, настоящего и будущего; ресурсы социальной памяти максимально используются для создания инноваций; принимается опыт как национальной, так и общепланетарной культуры. Все эти особенности социокультурной направленности личности благоприятно сказываются на социальной идентичности, социальном самочувствии и целостности субъекта. Этот тип психологического отношения к культуре способствует уменьшению рисков функционирования социальной памяти в обществе.

Глобально-традиционный тип социокультурной направленности личности ориентирован на сохранение традиций как в национальной культуре, так и в культурах других народов и стран. Такой тип обладает потенциально хорошими ресурсами для сохранения социальной памяти. Однако могут возникать риски исторической гипермнезии – чрезмерного обилия эмоционально ярких деталей воспоминания, нарушающих общую логику понимания целостной системы исторических событий, утраты связи с настоящей реальностью, нарушения способностей прогнозирования и сознательного, произвольного управления будущим поведением (т. е. способностей проактивного поведения).

Локально-традиционный тип социокультурной направленности личности избирательно наследует преимущественно локальные национальные традиции, обладает надежными ресурсами для сохранения исторической национальной памяти. Однако могут возникать риски локальной исторической гипермнезии, ограничивающей возможности социально-психологической адаптации в настоящей глобальной социокультурной реальности.

Локально ориентированный тип социокультурной направленности личности устремлен на сохранение традиций и развитие инноваций в национальной культуре. Ресурсными свойствами его являются способности устанавливать преимущественные связи между историческим прошлым, настоящим и потенциальным будущим в развитии национальной культуры. Однако могут возникать риски социально-психологической дезадаптации в условиях происходящих процессов глобальной межкультурной коммуникации.

Локально-инновационный тип социокультурной направленности личности избирательно ориентирован на развитие инноваций в национальной культуре. *Глобально инновационный тип* социокультурной направленности личности высоко ценит создание и развитие инноваций как в

национальной культуре, так и в культурах других народов и стран. *Альтернативно инновационный тип* социокультурной направленности личности избирательно ценит развитие инноваций в культурах других народов и стран.

Локально-инновационный, глобально инновационный и альтернативно инновационный типы социокультурной направленности личности ценностно ориентированы на развитие инноваций при игнорировании культурных традиций и связанных с ними уроков истории, накопленных материальных и духовных ресурсов, содержат значительные риски сохранения социальной памяти, обесценивания фундаментальной роли исторического прошлого для проектирования будущего и создания инноваций.

Альтернативно ориентированный тип социокультурной направленности личности наиболее устремлен на сохранение традиций и развитие культур других народов и стран. Данный тип избирательно обесценивает историческое прошлое, реальное настоящее и возможное будущее национальной культуры, выступает в роли блокиратора функционирования исторической национальной памяти и содержит риски нарушения социокультурной идентичности и личностной целостности и адаптивности.

Альтернативно традиционный тип социокультурной направленности личности избирательно наследует преимущественно традиции других народов и стран. Данный тип связан с такими рисками функционирования социальной памяти, как вытеснение из нее всего, что касается значимых ресурсов исторического прошлого своего народа. Как показывают социально-психологические исследования, ценностное отношение личности к наследованию накопленного культурного и исторического опыта своего этноса служит залогом успешности общей социально-психологической адаптации [7, с. 169–174].

Пожалуй, самым проблемным для самореализации личности и функционирования социальной общности является *глобально-индифферентный тип* социокультурной направленности личности, для которого не важны ни сохранение национальных или общекультурных традиций, ни процесс развития инноваций, ни историческое прошлое, ни планетарное будущее. Данный тип социокультурной направленности личности содержит не только риски для сохранения исторической памяти и будущего развития культуры, но и для благополучия его носителя в настоящем, поскольку может выступать в качестве особой формы социально-психологической дезадаптации и отказа от социальной и уникально-личностной самореализации.

Эмпирический анализ

Для типологического анализа социокультурной направленности личности представителей разных возрастных групп было проведено эмпирическое исследование с использованием авторской психологической анкеты (С. В. Фролова). Она содержала вопросы о том, насколько субъективно значимыми для респондентов являются следующие четыре культурные составляющие жизни общества: 1) традиции своего народа; 2) традиции народов других стран; 3) инновации в родной стране; 4) инновации в других странах. Значимость традиций и инноваций внутри своей страны и за ее пределами предлагалось оценивать с помощью шкалы субъективных оценок в пределах от «0» до «10» баллов. Для оценки социокультурной направленности сопоставлялись значения измеряемых четырех показателей. По аналогии с математико-статистической шкалой стенов значения выше «6» баллов рассматривались как высокие, значения ниже «4» баллов – как низкие.

Исследование проводилось с декабря 2021 г. по февраль 2022 г. В нем приняли участие 90 человек, относящихся к разным возрастным группам. В первую группу были выделены 30 человек в возрасте от 46 до 54 лет (18 женщин и 12 мужчин, с 1967 по 1975 г. рождения), работающие в сферах образования, экономики, управления, информационных технологий, торговли, социального обслуживания, индивидуального предпринимательства. Во вторую группу вошли 30 человек в возрасте от 27 до 36 лет (16 женщин, 14 мужчин, с 1985 по 1995 г. рождения), работающие в сферах здравоохранения, образования, экономики, искусства, информационных технологий, торговли, социального обслуживания, индивидуального предпринимательства. Третью группу составили 30 человек в возрасте от 17 до 19 лет (19 девушек, 11 юношей, с 2002 по 2005 г. рождения), из которых 21 человек обучается в высших учебных заведениях, 9 – в учреждениях среднего профессионального образования.

Анализ полученных эмпирических данных позволил выявить ряд существующих различий в значимости ценностей сохранения традиций, создания инноваций, поддержания родной культуры (т. е. культуры своей большой интруппы – социальной общности страны рождения и проживания) или аутгрупповой культуры (культуры других народов и стран) у представителей разных возрастных групп (таблица).

Как показывают полученные результаты (см. таблицу), наиболее ориентированы на со-

Ценностная значимость традиций и инноваций в ингрупповой и аутгрупповой культурах у представителей разных возрастов (средние значения)

Table. Value significance of traditions and innovations in ingroup and outgroup cultures among representatives of different ages (sample mean)

Субъективно оцениваемые социокультурные аспекты жизни	Возрастные группы		
	1 группа – от 46 до 54 лет	2 группа – от 27 до 36 лет	3 группа – от 17 до 19 лет
Культурные традиции народа своей страны	6,3**2,3	4,3**1	3,6**1
Культурные традиции народов других стран	4,4	4,5	4,1
Инновации в жизни своей страны	7,6*2; **3	6,2*1; **3	4,6**1; **2
Инновации в жизни других стран	5,9	7,0*3	5,7*2

Примечание. * – уровень статистической значимости $p < 0,05$; ** – уровень статистической значимости $p < 0,01$; 1, 2, 3 – номера выделенных групп.

хранение культурных традиций своей страны представители более старшего поколения. Интерес к развитию инноваций в родной стране одинаково выражен среди представителей групп 46–54-летних и 27–36-летних респондентов и является более высоким, чем у лиц более молодой группы (17–19 лет). В группе 27–36-летних наблюдается сравнительно высокий интерес к инновациям в других странах.

Вполне вероятно, выявленные различия обусловлены поколенческими особенностями, спецификой усвоенных в сензитивном периоде своего личностного развития доминирующих настроений и ожиданий в обществе. Сензитивный период формирования интереса к инновациям в своей стране и за ее пределами у респондентов, рожденных с 1985 по 1995 г., совпадает с надеждами на будущее и верой в глобализационные преимущества в обществе, возникшими в годы перестройки и набравшими силу вплоть до начала 2000-х гг.

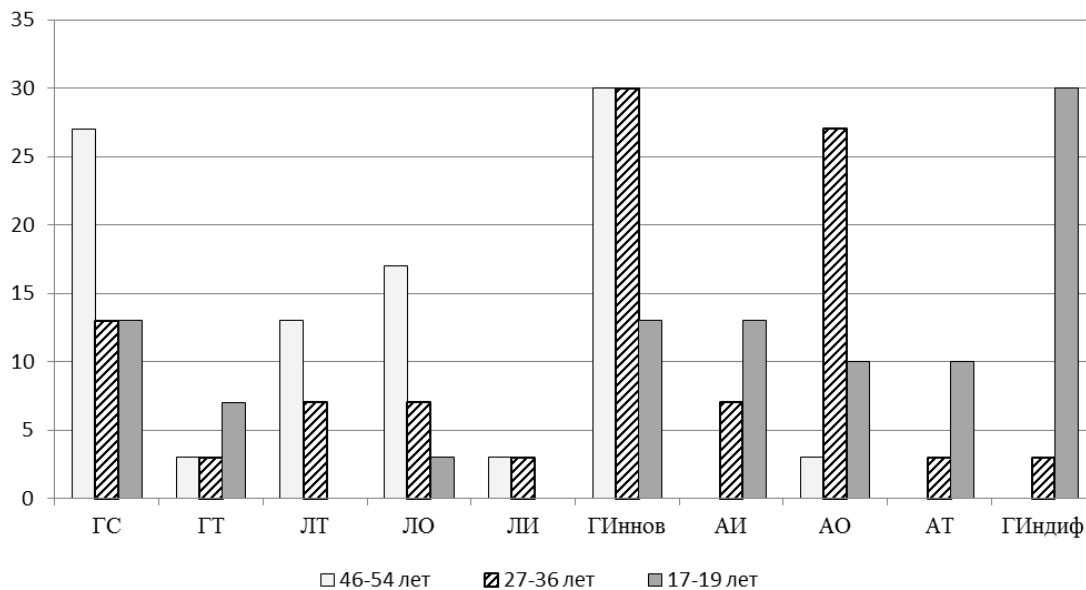
Снижение значимости различных культурных аспектов жизни общества для представителей наиболее молодой группы респондентов, возможно, связано с последующим спадом прежних социальных настроений и ожиданий, возникновением тенденции к сомнениям и переоценке предыдущих социальных установок, а также с совпадением с их сензитивным возрастом личностного становления периодом нарастания идей развития психологии потребительства в обществе.

Возможно также, что полученные различия между изучаемыми группами обусловлены возрастными изменениями в развитии личности.

Вероятно, с возрастом человек, подводящий приблизительные итоги своей жизни, прожитой в родной стране, все больше ощущает потребность в осознании собственных культурных корней, в передаче накопленного опыта последующим поколениям и в осмыслении возможностей и перспектив для будущего своего народа.

Результаты типологического анализа социокультурной направленности личности также показали ряд различий между представителями разных возрастных групп (рисунок). Доминирующими типами социокультурной направленности личности среди представителей более старшего поколения являются гармонично сбалансированный и глобально-инновационный. Гармонично сбалансированная социокультурная направленность позволяет ценностно воспринимать в целостной перспективе историческое прошлое, настоящее и будущее как национальную культуру, так и культур других народов и стран, сочетать принятие опыта традиций с творческой, инновационной устремленностью. Такое психологически сбалансированное отношение к различным аспектам социокультурной реальности позволяет сохранять адекватное социальное восприятие, выстраивать здоровую личностную и социальную идентичность, генерировать оптимальное социальное и психоэмоциональное самочувствие.

В возрастной группе от 27 до 36 лет наиболее часто встречаются глобально-инновационный и альтернативно ориентированный типы социокультурной направленности личности. Глобально-инновационная направленность свидетельствует о тенденции ценностно

Процентное распределение типов социокультурной направленности личности в разных возрастных группах. ГС – гармонично сбалансированный; ГТ – глобально традиционный; ЛТ – локально-традиционный; ЛО – локально ориентированный; ЛИ – локально-индифферентный; ГИннов – глобально-инновационный; АИ – альтернативно инновационный; АО – альтернативно ориентированный; АТ – альтернативно традиционный; ГИндиф – глобально индифферентный

Figure. Percentage distribution of types of socio-cultural orientation of the individual in different age groups. GS – harmoniously balanced; GT – globally-traditional; LT – locally-traditional; LO – locally oriented; LI – locally innovative; GInnov – globally-innovative; AI – alternatively innovative; AO – alternatively oriented; AT – alternatively traditional; GIndif – globally indifferent

ориентироваться на развитие инноваций при игнорировании культурных традиций и связанных с ними уроков истории и накопленных в социуме материальных и духовных ресурсов. Социально-психологические риски альтернативно ориентированного типа социокультурной направленности личности связаны с избирательным обесцениванием исторического прошлого, реального настоящего и возможного будущего национальной культуры, нарушениями социокультурной идентичности, личностной целостности и адаптивности.

В самой молодой группе часто встречается глобально индифферентный тип социокультурной направленности, обесценивающий как сохранение национальных и общекультурных традиций, так и процесс развития инноваций и планетарного будущего. При таком типе могут возникать значительные проблемы для социальной адаптации и самореализации личности.

Заключение

Развитие личности связано с целостным, длительным и сложным процессом культурного и исторического развития общества. С трансформациями, происходящими в жизни социума,

в содержании социальной памяти меняется и культурный контекст формирования личности. Важным фактором построения личностной идентичности является становление системы психологических отношений к различным сторонам социокультурной реальности, ее историческому прошлому, настоящему и будущему.

Любое личностное и макросоциальное развитие основано на гармоничном сочетании традиций и инноваций, усвоении опыта локальной ингрупповой культуры и накопленного общепланетарного опыта. В зависимости от сочетания ориентации субъекта на сохранение традиций и (или) развитие инноваций с внутренней (ингрупповой) и (или) внешней (аутгрупповой) обращенностью в наследовании культуры нами ранее была предложена типология социокультурной направленности личности и были выделены следующие ее типы: гармонично сбалансированный, локально ориентированный, локально-традиционный, локально-инновационный, альтернативно ориентированный, альтернативно традиционный, альтернативно инновационный, глобально-традиционный, глобально-инновационный, глобально-индифферентный.

Для типологического анализа социокультурной направленности личности представителей

разных возрастных групп было проведено эмпирическое исследование, показавшее, что интерес к развитию инноваций в своей стране одинаково выражен среди представителей групп 46–54 и 27–36-летних людей и значительно выше, чем у респондентов более молодой группы (17–19 лет). Среди группы 27–36-летних респондентов наблюдается сравнительно высокий интерес к инновациям в других странах. Было также обнаружено, что наиболее ориентированы на сохранение культурных традиций своей страны представители более старшего поколения.

Доминирующими типами социокультурной направленности личности среди представителей 46–54-летних респондентов являются гармонично сбалансированный и глобально-инновационный, в возрастной группе от 27 до 36 лет – глобально-инновационный и альтернативно ориентированный, у самых молодых участников исследования (17–19 лет) – глобально-индифферентный.

Установленные различия между исследуемыми группами могут объясняться как поколенческими особенностями, спецификой усвоенных в сензитивных периодах своего личностного развития доминирующих настроений и ожиданий в обществе, так и возрастными изменениями личности, склонностью с годами все больше осмысливать свой жизненный путь и подводить его предварительные итоги, осознавать собственные культурные корни, принимать ответственность за передачу накопленного опыта последующим поколениям, заботиться о будущих перспективах развития родной страны.

Самым ресурсным, с точки зрения возможностей социально-психологической адаптации, формирования зрелой, здоровой личностной идентичности, потенциала саморазвития и успешной самореализации, является гармонично сбалансированный тип социокультурной направленности личности, позволяющий ценностно воспринимать опыт как национальной культуры, так и культур других народов и стран, сочетать усвоение традиций с творческой, инновационной устремленностью.

Наибольшие социально-психологические риски таит в себе глобально-индифферентный тип социокультурной направленности, обесценивающий как сохранение национальных и общекультурных традиций, так и процесс развития инноваций и планетарного будущего, и создающий значительные проблемы для социальной адаптации и самореализации личности. Данный тип социокультурной направленности

личности заслуживает особого внимания в профессиональной деятельности психологов и ставит задачи разработки социально-психологических программ помощи индивидам и группам, которым свойственны подобные риски социальной отчужденности и дезадаптивности.

Список литературы

1. *Выготский Л. С., Лурия А. Р.* Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М. : Педагогика-Пресс, 1993. 224 с.
2. *Леонтьев А. Н.* Развитие памяти. Экспериментальное исследование высших психологических функций // *Леонтьев А. Н.* Становление психологии деятельности: ранние работы / ред. А. А. Леонтьев, Д. А. Леонтьев, Е. Е. Соколова. М. : Смысл, 2003. С. 27–198.
3. *Лурия А. Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М. : Наука, 1974. 172 с.
4. *Жане П.* Психологическая эволюция личности. М. : Академический проект, 2010. 399 с.
5. *Берри Дж. В., Пуртинга А. Х., Сигалл М. Х., Дасен П. Р.* Кросс-культурная психология. Исследования и применение / пер. с англ. Харьков : Гуманитарный центр, 2007. 560 с.
6. *Курсак В. А.* Переходное общество: наследие, традиции, опыт. М. : Российский Юридический Издательский Дом, 1999. 95 с.
7. *Фролова С. В.* Социально-психологическая концепция приверженности личности стране: дис. ... д-ра психол. наук. Саратов, 2020. 504 с.
8. *Сорокин П. А.* Амнезия и новые Колумбы // *Рубеж. Альманах социальных исследований.* 1992. № 4. С. 48–61.
9. *Бьюкенен П. Дж.* На краю гибели / пер. с англ. М. Башкатова. М. : АСТ, 2008. 349 с.
10. *Емельянова Т. П.* Социальные представления и символический копинг в условиях культурной травмы // *Макропсихология современного российского общества / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича.* М. : Издательство «Институт психологии РАН», 2009. С. 85–136.
11. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // *Социологические исследования.* 2001. № 1. С. 6–16.
12. *Shils E.* Tradition and liberty: antinomy and interdependence // *Ethics.* 1958. Vol. 68, № 3. P. 153–165.
13. *Зеньковский В. В.* Психология детства. Екатеринбург : Деловая книга, 1995. 348 с.
14. *Шпет Г. Г.* Психология социального бытия / под ред. Т. Д. Марцинковской. М. : Институт практической психологии; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1996. 492 с.
15. *Маслоу А.* Психология бытия. М. : Рефл-бук; Киев : Ваклер, 1997. 300 с.
16. *Гостев А. А.* Психология вторичного образа. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. 512 с.

References

1. Vygotskiy L. S., Luriya A. R. *Etyudy po istorii povedeniya: Obezyana. Primitiv. Rebenok* [Etudes on the History of Behavior: Monkey. Primitive. Child]. Moscow, Pedagogika-Press Publ., 1993. 224 p. (in Russian).
2. Leontyev A. N. Memory development. Experimental study of higher psychological functions. In: A. A. Leontyev, D. A. Leontyev, E. E. Sokolova, eds. *Stanovlenie psikhologii deyatel'nosti: rannie raboty* [The Emergence of the Psychology of Activity: Early Work]. Moscow, Smysl Publ., 2003, pp. 27–198 (in Russian).
3. Luriya A. R. *Ob istoricheskom razvitiy poznavatelnykh protsessov* [On the Historical Development of Cognitive Processes]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 172 p. (in Russian).
4. Zhane P. *Psikhologicheskaya evolyutsiya lichnosti* [Psychological Evolution of Personality]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2010. 399 p. (in Russian).
5. Berri Dzh. V., Purtinga A. Kh., Sigall M. Kh., Dasen P. R. *Kross-kulturnaya psikhologiya. Issledovaniya i primeneniye* [Cross-Cultural Psychology. Research and Application. Transl. from English]. Kharkov, Gumanitarnyy tsentr Publ., 2007. 560 p. (in Russian).
6. Kursak V. A. *Perekhodnoye obshchestvo: nasledie, traditsii, opyt* [Transitive Society: A Heritage, Traditions, Experience]. Moscow, Rossiyskiy Yuridicheskiy Izdatelskiy Dom, 1999. 95 p. (in Russian).
7. Frolova S. V. *Socio-Psychological Concept of the Personality's Commitment to the Country*. Diss. Dr. Sci. (Psychol.). Saratov, 2020. 504 p. (in Russian).
8. Sorokin P. A. Amnesia and new columbus. *Rubezh. Almanakh sotsialnykh issledovaniy* [Frontier. Almanac of Social Research], 1992, no. 4, pp. 48–61 (in Russian).
9. Buchanan P. J. *State of emergency. The third world invasion and conquest of America Edge of destruction*. New York, 2006. 320 p. (Russ. ed.: B'yukenen P. Dzh. *Na krayu gibeli*. Moscow, AST Publ., 2008. 349 p.).
10. Emelyanova T. P. Social representations and symbolic coping in the context of cultural trauma. In: A. L. Zhuravlev, A. V. Yurevich, eds. *Makropsikhologiya sovremennogo rossiyskogo obshchestva* [Macropsychology of Modern Russian Society]. Moscow, Izdatel'stvo "Institut psikhologii RAN", 2009, pp. 85–136 (in Russian).
11. Shtompka P. Social change as a trauma. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2001, no. 1, pp. 6–16 (in Russian).
12. Shils E. Tradition and liberty: Antinomy and interdependence. *Ethics*, 1958, vol. 68, no. 3, pp. 153–165.
13. Zenkovskiy V. V. *Psikhologiya detstva* [Psychology of Childhood]. Ekaterinburg, Delovaya kniga Publ., 1995. 348 p. (in Russian).
14. Shpet G. G. *Psikhologiya sotsial'nogo bytiya* [Martsinkovskaya T. D., ed. Psychology of Social Being]. Moscow, Institut prakticheskoy psikhologii, Voronezh, NPO "MODEK", 1996. 492 p. (in Russian).
15. Maslou A. *Psikhologiya bytija* [Toward a Psychology of Being]. Moscow, Refl-buk Publ., Kiev, Vakler Publ., 1997. 300 p. (in Russian, trans. from English).
16. Gostev A. A. *Psikhologiya vtorichnogo obraza* [Psychology of Secondary Image]. Moscow, Izdatel'stvo "Institut psikhologii RAN", 2007. 512 p. (in Russian).

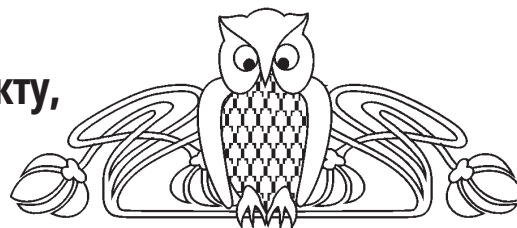
Поступила в редакцию 20.09.2022; одобрена после рецензирования 02.10.2022; принята к публикации 17.10.2022
The article was submitted 20.09.2022; approved after reviewing 02.10.2022; accepted for publication 17.10.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 449–453
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 449–453
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-449-453>, EDN: SCIINB

Научная статья
УДК 159.9

Отношение к искусственному интеллекту, тревога и открытость опыту

М. И. Ясин

Московский международный университет, Россия, 125040, г. Москва, пр. Ленинградский, д. 17

Ясин Мирослав Иванович, кандидат социологических наук, доцент кафедры общегуманитарных наук и массовых коммуникаций, Yasin.MI@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6249-8527>

Аннотация. Введение. Информационные технологии (ИТ) и искусственный интеллект (ИИ) стали неотъемлемой частью нашей повседневной реальности. Однако психологические исследования взаимодействия человека и компьютерных систем остаются весьма односторонними, освещают в основном «проблемную» сторону – угрозы, зависимости, разрушение естественной коммуникации. Работа людей и ИТ будет продолжать развиваться, а востребованность информации о соприкосновении психики и техники будет возрастать по мере дальнейшего усложнения этого контакта. **Теоретический анализ.** Отталкиваясь от обнаруженного нами образа ИИ в глазах молодежи как «максимально полезного и максимально опасного», мы поставили целью данного исследования проверить, есть ли связь между такими явлениями, как субъективно воспринимаемая опасность, исходящая от ИИ, личностная тревожность и открытость опыту. **Эмпирический анализ.** Гипотеза проверялась при помощи квазиэксперимента с использованием авторской анкеты и двух тестов, на выборке из 83 студентов. В результате была получена положительная слабая достоверная связь субъективно воспринимаемой опасности от ИТ и общей тревожности ($r = 0,32, p < 0,005$), установлено отсутствие связи между субъективно воспринимаемой опасностью и открытостью опыту ($r = 0,22, p < 0,25$). **Заключение.** Полученные результаты свидетельствуют о том, что тревожность относительно угроз, поступающих от ИИ, скорее свойственна людям с высокой общей тревожностью, но не с низкой открытостью опыту.

Ключевые слова: тревога, открытость опыту, искусственный интеллект, информационные технологии, субъективное восприятие

Для цитирования: Ясин М. И. Отношение к искусственному интеллекту, тревога и открытость опыту // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 449–453. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-449-453>, EDN: SCIINB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Attitudes towards artificial intelligence, anxiety and openness to experience

M. I. Yasin

Moscow International University, 17 Leningradskiy Ave., Moscow 125040, Russia

Miroslav I. Yasin, Yasin.MI@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6249-8527>

Abstract. Introduction. Information technology (IT) and artificial intelligence (AI) have become an integral part of our daily reality. However, psychological studies of the interaction between humans and computer systems remain very one-sided, covering mainly the “problem” side – threats, addictions, destruction of natural communication. The interaction of people with IT will continue developing, and the demand for information about the contact of the mind with technology will increase as this contact becomes more complicated. **Theoretical analysis.** Based on the image of AI in mind of young people as “the most useful and the most dangerous”, we set the goal to study whether there are links between subjectively perceived danger from AI, personal anxiety and openness to experience. **Empirical analysis.** The hypothesis was tested using a quasi-experiment. Data collected using author’s questionnaire and two psychological scales. The sample was 83 students. As a result, we obtained a positive weak significant relationship between subjectively perceived danger from IT and general anxiety ($r = 0.32, p < 0.005$). To show no relationship between subjectively perceived danger and openness to experience ($r = 0.22, p < 0.25$). **Conclusion.** The results suggest that anxiety about AI threats is more common in people with high overall anxiety, but not with low openness to experience.

Keywords: anxiety, openness to experience, artificial intelligence, information technology, subjective perception

For citation: Yasin M. I. Attitudes towards artificial intelligence, anxiety and openness to experience. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 449–453 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-449-453>, EDN: SCIINB

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Развитие информационных технологий в современном мире идет высокими темпами, в настоящее время практически каждый человек сталкивался с искусственным интеллектом (ИИ) в той или иной форме. Современный человек символически обозначается как «Homo Digitalis», он существует одновременно и в социальной, и в виртуальной реальности, которая накладывает значительный отпечаток на его образ жизни и сознание [1]. Для психолога представляет интерес формирование психологического портрета «Homo Digitalis» как человека, несущего на себе специфический отпечаток современной эпохи. Наличие некоторой психологической специфики уже не вызывает сомнений, так как в практических исследованиях был обнаружен ряд отличий людей, активно пользующихся компьютерными и сетевыми технологиями.

Информационные технологии (ИТ) прочно вошли в нашу повседневность. Отмечается их проникновение во многие сферы производства, быта, досуга. Растет роль ИТ в образовании, заметна привлекательность для молодежи именно программ, включающих элементы цифровизации, по сравнению с традиционными курсами [2]. Искусственный интеллект используется в областях, в которых ранее сложно было представить его как часть реальности, а не фантастики.

Развитие ИТ накладывает значительный отпечаток на стиль жизни и повседневные познавательные практики человека, что закономерно влияет на социальную жизнь, сферу коммуникации и даже когнитивные навыки современных людей. Прогнозы относительно перспектив этого нового влияния самые разнообразные: от оптимистичных, в которых взаимодействие человека и компьютера выглядит как благотворное, до апокалиптических, которыми нас пугают как влекущими многочисленными пагубными последствиями.

Теоретический анализ

Несмотря на признание огромной роли информационных технологий в нашей жизни, лишь некоторые области взаимодействия человека и ИТ освещены в психологической литературе. Это проблемы зависимого поведения, проявляющиеся в формах интернет-зависимости и компьютерной игромании [3–5]; изменение коммуникативной среды, практик общения, социальной вовлеченности человека [3, 4]; изменение когнитивных функций [3]; рост тре-

возности и депрессивных проявлений, потеря смысла жизни [4]. Источники рассматривают взаимодействие человека и ИТ односторонне, преимущественно в терминах влияния на человека, при этом особое внимание уделяется именно пагубным аспектам этого воздействия.

Однако реально компьютеры и вычислительные технологии имеют и «светлую сторону», иначе человечество давно отказалось бы от столь рискованной технологии. Следует непредвзято и всесторонне изучать взаимодействие человека и информационных систем и рассматривать осознание, отношение, стили их использования.

В концепции Homo Digitalis рассматриваются дополнительные репрезентации личности, которые человек формирует при коммуникации в сети. У него появляется возможность пробовать новые стили общения, новый образ себя и способы представления своей личности в игровом и (или) цифровом мире [1]. Отмеченная тенденция является инструментом, который может быть использован во благо, но также влечет за собой и определенные риски. Разумный подход экспериментирования с идентичностью в сети способен приоткрыть для человека возможности расширения стратегий поведения и представлений о себе и своих потенциалах, что может при определенных условиях привести к осознаваемым и благоприятным личностным изменениям.

Внедрение ИТ в образование позволяет гибко подстраивать программу под нужды конкретного учащегося, а также способствует росту мотивации учеников, дает возможность включения игровых и соревновательных компонентов в обучение, что делает этот процесс более интересным и захватывающим. Образовательный процесс, построенный на основе компьютерных систем, обладает качеством интерактивности, который предполагает постоянную включенность и взаимодействие учащегося и системы взамен редкой смены пассивной роли (слушающего) и активной (отвечающего) в традиционном учебном процессе [2].

Сравнительно недавно появилось направление исследований, касающихся вопросов индивидуального стиля поведения в Интернете и его связи с индивидуально-психологическими особенностями личности [3].

Эксперты прогнозируют, что вместе с новыми задачами появятся и новые методы исследования на пересечении ИТ-технологий и психологии. Так, уже становится распространенным метод отслеживания проявляемого интереса по времени, проведенном человеком

на определенных страницах сайтов, рассматривания какой-то части контента [3].

Остаются недостаточно исследованными представления в обществе об ИИ, отношение к нему и ряд психологических факторов, обуславливающих особенности взаимодействия человека и ИТ. Знания об отношениях человека с информационными системами представляются необходимыми в силу расширения сферы ИТ и всестороннего проникновения новых технологий в жизнь и быт современных людей, а востребованность информации о соприкосновении психики с техникой будет возрастать по мере дальнейшего усложнения этого контакта.

Наше предыдущее исследование позволило показать, что образ ИИ в глазах современной молодежи выглядит как «максимально полезный и максимально опасный» [6, с. 198], однако публикации на тему воспринимаемой опасности ИИ в настоящее время отсутствуют. Тема опасности ИИ освещается в основном в публицистической литературе.

Цель исследования – проверить связь тревоги от субъективно воспринимаемых опасностей, исходящих от ИИ, с такими чертами, как общая личностная тревожность и открытость опыту.

Мы исходили из того, что высокая открытость опыту, по мнению авторов концепции «Большой пятерки», способствует позитивному восприятию инноваций. Открытость опыту предстает как психологическая характеристика, описывающая стремление человека к разнообразию, новому опыту, творчеству, оригинальности, независимости. Ей противопоставляются консервативность, догматизм и замкнутость, использование готовых алгоритмов действий. Также имеются данные, согласно которым высокая открытость опыту коррелирует со снижением нейротизма, а эта черта связана с повышением тревожности [7].

Предположив, что тревога от столкновения с ИИ будет в большей степени ощущаться теми, кто недостаточно открыт опыту, мы решили дополнительно проверить их общий (неспецифический) уровень тревоги.

Эмпирический анализ

Нами был запланирован квазиэксперимент как корреляционное сопоставление результатов психологического тестирования в рамках одной экспериментальной выборки.

Сбор данных производился при помощи ряда методик: а) авторской анкеты (8 утверждений) с 6-балльной шкалой Ликерта для

определения степени субъективно воспринимаемой опасности ИИ; б) субтеста на уровень личностной тревожности Спилбергера-Ханина (20 вопросов) [8]; в) измерения открытости опыту (12 утверждений), проводившегося при помощи одноименной шкалы из «Большой пятерки» [9].

В исследовании приняли участие 83 человека из числа студентов в возрасте от 18 до 24 лет, из них юношей – 27, девушек – 56, специальности которых не связаны со сферой ИТ.

Результаты собирались при помощи онлайн-формы, в которой невозможны пропуски ответов, т. е. все данные заполнены. Обработка результата осуществлялась методом попарной корреляции Пирсона полученных шкал. Для расчетов использовалась программа IBM SPSS Statistics 23. Расчеты статистической мощности производились в программе G-Power.

Исследование возможных связей тревоги от субъективно воспринимаемых опасностей, исходящих от ИИ, с личностной тревожностью и открытостью опыту осуществлялось посредством попарной корреляции шкал использованных нами психодиагностических тестов.

Шкала субъективно воспринимаемой опасности ИИ (СВО-ИИ) была разработана с опорой на результаты качественного исследования [6]. Она состоит из 8 утверждений, к примеру: «Я опасюсь, что повсеместная помощь ИИ сделает человека тупее», «Я вижу реальной угрозой того, что развитие ИИ лишит людей рабочих мест», «Я опасюсь, что ИИ может выйти из-под контроля человека» и т. д. Альфа Кронбаха по шкале из 8 утверждений составила 0,68, что свидетельствует об ее достаточной согласованности.

По шкале субъективно воспринимаемой опасности ИИ были получены результаты в диапазоне от 1 до 5,5 баллов, средний составил 4,6, медиана – 4,5 при стандартном отклонении – 1,4. По тесту Спилбергера-Ханина получены результаты от 24 до 62 баллов, средний – 42,66, медиана – 44, стандартное отклонение – 11,45. Открытость опыту получена от 30 до 66 баллов, средний – 48,64, медиана – 49, стандартное отклонение – 7,05.

Корреляционный анализ производился по шкалам субъективно воспринимаемой тревожности от ИИ (анкета), общей тревожности (тест Спилберга-Ханина) и открытостью опыту (шкалы «Большой пятерки»). Полученные результаты представлены в таблице.

Пересечение СВО-ИИ с тревожностью показало позитивную корреляцию $r = 0,32$ при

Корреляции отношения к ИИ, тревожности и открытости опыту
Table. Correlations of attitudes towards AI, anxiety, and openness to experience

	СВО-ИИ	Тревожность	Открытость опыту
СВО-ИИ	1		
Тревожность	$r = 0,32$ при $p < 0,005$	1	
Открытость опыту	$r = 0,22$ при $p < 0,25$	$r = -0,133$ при $p < 0,03$	1

$p < 0,005$. Статистическая мощность измерения $(1 - \beta) = 0,56$ (расчеты статистической мощности производились в программе G-Power). Цифры говорят о том, что положительная корреляционная связь субъективно воспринимаемой тревожности от ИИ с общей тревожностью существует с большой долей вероятности. Однако следует перепроверить данные на большей выборке.

Пересечение СВО-ИИ и открытость опыту дало корреляцию $r = 0,22$ при $p < 0,25$. Статистическая мощность измерения $(1 - \beta) = 0,81$ (расчеты производились в программе G-Power). Результаты говорят о том, что статистически значимая связь двух шкал отсутствует.

Корреляция тревожности и открытости опыту составила $r = -0,133$ при $p < 0,03$. Статистическая мощность измерения $(1 - \beta) = 0,17$ (расчеты производились в программе G-Power). Результаты говорят о том, что не достигнута достаточная мощность измерения для того, чтобы точно сказать о наличии или отсутствии связи.

Согласно полученным корреляционным связям повышенная тревожность относительно угроз, исходящих от ИИ, позитивно связана с общей высокой тревожностью. Таким образом, далее можно предположить, что тревога по поводу опасности ИИ есть одно из проявлений повышенной личностной тревоги и этот вид тревоги не имеет никакой специфики. При этом абсолютно точно общая открытость опыту (по измерениям шкалы «Большой пятерки») не вносит вклад в снижение тревожности по поводу угроз от ИИ, что опровергает нашу основную гипотезу исследования, но в то же время ставит вопрос об уточнении механизмов связи тревожности и открытости опыта в целом.

Заключение

В результате исследования удалось получить статистически значимую слабую связь между субъективно воспринимаемой тревожностью от ИИ с общей тревожностью, однако данный результат в соответствии с расчетом мощности скорее можно считать «пилотным»,

т. е. требующим дополнительного подтверждения на большей выборке. Однако основную гипотезу об отрицательной связи субъективно воспринимаемой тревоги от ИИ и открытости опыту удалось опровергнуть из-за отсутствия корреляционной связи при достаточной статистической мощности. Можно сделать вывод, согласно которому тревожность относительно угроз, поступающих от ИИ, скорее свойственна людям с общей высокой тревожностью, но не имеет ничего общего с открытостью опыту. Открытость же опыту рассматривается как черта, способствующая принятию инноваций, соответственно, тревожность относительно ИИ не связана с позитивными или негативными установками касательно цифровых инноваций.

Исследования вопросов взаимодействия человека и компьютерных систем могут способствовать пониманию того, каким образом этот контакт будет развиваться в дальнейшем, позволит отмечать изменения отношения к ИТ и ИИ, а также внесут вклад в понимание общих вопросов восприятия новых технологий. Своевременный психологический мониторинг влияния ИТ на человека поможет корректировать нежелательное воздействие и использовать во благо позитивные моменты этого контакта.

Список литературы

1. Рязузова Е. В. Homo Digitalis: запрос на новую конфигурацию индивидуальности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 320–325. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-320-325>
2. Савченко И. А., Терехова Е. В. Информационные технологии в образовании как способ преодоления страхов учеников // Образовательные ресурсы и технологии. 2018. № 3 (24). С. 33–36. <https://doi.org/10.2177/2500-2112-2018-3-33-36>
3. Погожина И. Н., Подольский А. И., Идобаева О. А., Подольская Т. А. Цифровое поведение и особенности мотивационной сферы интернет-пользователей: логико-категориальный анализ // Вопросы образования. 2020. № 3. С. 60–94. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-3-60-94>

4. Баркетова Т. А., Воронин Э. Е. Некоторые социально-психологические проблемы личности в эпоху smart-технологий // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. № 3 (77). С. 64–67.
5. Montag C., Diefenbach S. Towards Homo Digitalis: Important Research Issues for Psychology and the Neurosciences at the Dawn of the Internet of Things and the Digital Society // Sustainability. 2018. Vol. 10 (2). P. 415–436. <https://doi.org/10.3390/su10020415>
6. Ясин М. И. Представления молодежи об искусственном интеллекте и отношение к нему // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 197–201. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-197-201>
7. Mc Crae R. R., Sutin A. R. Openness to experience // Handbook of individual differences in social behavior. M. R. Leary & R. H. Hoyle, eds. The Guilford Press, 2009. P. 257–273. <https://doi.org/10.1037/0033-2909>
8. Тест тревожности Спилбергера-Ханина. URL: https://psylab.info/Шкала_тревоги_Спилбергера (дата обращения: 20.04.2022).
9. Калугин А. Ю., Щебетенко С. А., Мишкевич А. М., Сото К., Джон О. Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory-2 // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 1. С. 7–33. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-7-33>
10. Pogoszhina I. N., Podolskij A. I., Idobaeva O. A., Podolskaya T. A. Behavioral and motivational patterns of internet users: a logico-categorical analysis. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies], 2020, no. 3, pp. 60–94 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-3-60-94>
11. Barketova T. A., Voronin E. E. Some socio-psychological problems of the individual in the era of smart technologies. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo socialno-ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov State Social and Economic University], 2019, no. 3 (77), pp. 64–67 (in Russian).
12. Montag C., Diefenbach S. Towards Homo Digitalis: Important Research Issues for Psychology and the Neurosciences at the Dawn of the Internet of Things and the Digital Society. *Sustainability*, 2018, vol. 10 (2), pp. 415–436. <https://doi.org/10.3390/su10020415>
13. Yasin M. I. Youth perceptions and attitudes about artificial intelligence. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 197–201 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-197-201>
14. McCrae R. R., Sutin A. R. Openness to experience. In: M. R. Leary & R. H. Hoyle, eds. *Handbook of individual differences in social behavior*. The Guilford Press, 2009, pp. 257–273. <https://doi.org/10.1037/0033-2909>
15. *Test trevozhnosti Spielberger-Hanin* (Spielberger-Hanin anxiety test). Available at: https://psylab.info/Шкала_тревоги_Спилбергера (accessed 20 April 2022).
16. Kalugin A. Yu., Shchebetenko S. A., Mishkevich A. M., Soto K., John O. Psychometric Properties of the Russian Version of the Big Five Inventory-2. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2021, vol. 18, no. 1, pp. 7–33 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-7-33>

References

1. Ryaguzova E. V. Homo Digitalis: Request for a new personality configuration. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 320–325 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-320-325>
2. Savchenko I. A., Terekhova E. V. Information technologies in education as a way to overcome students fears. *Obrazovatelnye resursy i tekhnologii* [Educa-

Поступила в редакцию 25.06.2022; одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 17.10.2022
The article was submitted 25.06.2022; approved after reviewing 29.06.2022; accepted for publication 17.10.2022

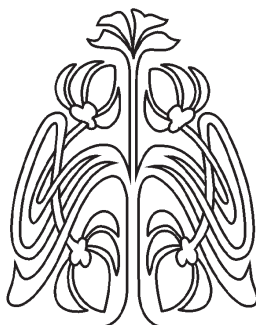

ПЕДАГОГИКА

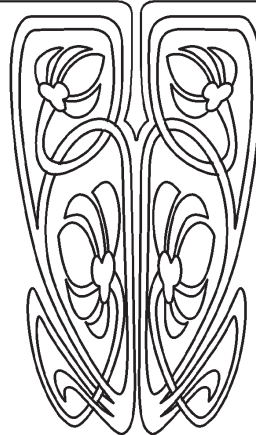
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 454–458

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 454–458
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-454-458>

EDN: TWTEAG

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Научная статья
УДК 378.026

Развивающий потенциал организации исследовательской работы магистрантов: опыт системной рефлексии

Е. И. Балакирева, Е. Г. Евдокимова, Н. Ю. Курчатова ✉

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики, ekbalakireva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3304-1365>

Евдокимова Елена Гершечевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, a1-ero@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5349-7266>

Курчатова Наталья Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, nukurchatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9902-7718>

Аннотация. Введение. Современный этап развития образования выдвигает на первый план индивидуальный подход к обучающимся, чему, безусловно, способствует организация их проектной и исследовательской деятельности. Актуальность научно-исследовательской деятельности очевидна, потому что имеет целью приобретение студентами функционального навыка исследования как универсального способа освоения действительности. Это повышает мотивацию к учебной деятельности и активизации личностной позиции учащегося в образовательном процессе, основой которых является не только приобретение субъективно новых, самостоятельно получаемых знаний, являющихся лично значимыми для конкретного учащегося, но и осмысление ими каждого этапа работы, основанного на рефлексии. **Теоретический анализ** позволяет описать опыт системной рефлексии процесса организации научно-исследовательской работы магистрантов психолого-педагогического и педагогического направлений подготовки в СГУ при осмыслении ими собственных возможностей и ценности исследовательской деятельности как механизма проявления их активности. Представлено, как развивающий потенциал организации исследовательской работы магистрантов раскрывается в виде усиления их вовлеченности в участие и становление исследовательской позиции, лежащей в основе самоорганизации процесса исследования. **Заключение.** Рассмотрение проблемы организации в среде магистрантов системной рефлексии позволило выявить возросшую активность и результативность как в исследовательской деятельности, так и при защите ВКР.

Ключевые слова: развивающий потенциал, организация исследовательской работы магистрантов, системная рефлексия, исследовательская позиция

Для цитирования: Балакирева Е. И., Евдокимова Е. Г., Курчатова Н. Ю. Развивающий потенциал организации исследовательской работы магистрантов: опыт системной рефлексии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 454–458. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-454-458>, EDN: TWTEAG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Developing potential of undergraduates' research work organization: Experience of systemic reflection

E. I. Balakireva, E. G. Evdokimova, N. Yu. Kurchatova ✉

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ekaterina I. Balakireva, ekbalakireva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3304-1365>

Elena G. Evdokimova, a1-ero@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5349-7266>

Natalia Yu. Kurchatova, nukurchatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9902-7718>

Abstract. Introduction. The modern stage of education development brings to the fore an individual approach to students, which, of course, is facilitated by the organization of their project and research activities. The relevance of research activities is obvious, because it aims to acquire students' functional research skills as a universal way of mastering reality. This is facilitated by increased motivation for learning activities and activation of the student's personal position in the educational process, the basis of which is not only the acquisition of subjectively new, independently acquired knowledge that is new and personally significant for a particular student, but also their understanding of each stage of work based on reflection. **Theoretical analysis** The article presents the experience of systematic reflection on the process of scientific and research work organization of SSU undergraduates studying in the field of psychology and pedagogy when reflecting on their own potentials and significance of their research work as a mechanism of their activity manifestation. Developing potential of undergraduates' research work organization is revealed as strengthening their research work engagement and formation of their research position. **Conclusion.** Consideration of the problem of the organization of systemic reflection among undergraduates revealed increased activity and effectiveness both in research activities and when defending the final qualifying work.

Keywords: developing potential, undergraduates' research work organization, systematic reflection, research position

For citation: Balakireva E. I., Evdokimova E. G., Kurchatova N. Yu. Developing potential of undergraduates' research work organization: Experience of systemic reflection. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 454–458 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-454-458>, EDN: TWTEAG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В современных исследованиях вопросов образования для анализа организационных процессов и характеристик активности личности обращаются к рефлексии, в структуре которой выделяют системную рефлексию [1]. Системную рефлексию рассматривают как состояние «осознанного присутствия, применение которого позволяет деятелю «рефлексивно анализировать» то, что происходит в настоящий момент; оно необходимо для «здоровой саморегуляции» своего поведения и его согласованности с личностными ценностями, потребностями и интересами, связи между «осознанным присутствием» и качеством жизнедеятельности [2]. Авторы подчеркивают, что применение системной рефлексии позволяет выявить и чужую позицию, и себя самого с новой стороны [1], а значит применять системную рефлексию в виде трансформационного ресурса за счет имеющегося в нем потенциала самоопределения. Системная рефлексия позволяет одновременно удерживать контакт с полюсом и субъекта, и объекта за счет самодистанцирования исследователя, а также соотносить объективные и субъективные аспекты ситуации. В нашей работе это выразилось в осмыслении самими магистрантами своих ресурсов (ожиданий, мо-

тивов, опыта предыдущей исследовательской деятельности) относительно условий обучения в магистратуре, особенностей взаимодействия с педагогами и последующего согласования с ними результатов научно-исследовательской деятельности.

Теоретический анализ

Обращение к системной рефлексии предполагает изучение процесса организации научно-исследовательской работы студентов (НИР) в разных контекстах для выявления позиций и возможностей субъектов. В основном процесс организации НИР рассматривается через перечень структурных компонентов процесса организации, которые может выявить и описать каждый участник (формализованное описание). Подобное рассмотрение позволяет проанализировать процесс организации НИР, когда стоит задача выявить внешнее влияние на совершенствование данного процесса, но при этом отсутствует задача учета смыслов, опыта и представлений о нем у его участников. Изменение образовательных результатов у субъектов задается извне, их участие определяется установленной ролью.

В случае, если процесс организации НИР рассматривается с позиции его участников,

внимание обращено и на субъективное восприятие данного процесса, которое основано на их ценностях, установках, прошлом опыте, смыслах, представлениях, ожиданиях с разной степенью осознанности. Такое рассмотрение позволяет сочетать их информирование о целях, способах, видах и направлениях предстоящих исследований с актуализацией их опыта и насыщением субъективными отношениями при осмыслении возможных ролей.

Обсуждение студентов с преподавателем собственных сомнений, возникающих относительно структурных элементов исследования и себя в качестве исследователя, позволяет снизить уровень возможного отчуждения участников от образовательного процесса. В таком взаимодействии наблюдается постепенное пробуждение участного сознания, вовлеченности студентов в исследовательскую работу («участное сознание» по М. М. Бахтину как заинтересованное, действующее). Одним из показателей вовлеченности в НИР нами рассматривается внеситуативная активность, когда студенты привносят в учебное занятие собственные вопросы, гипотезы; когда происходит перенос освоенной учебной информации на решение конкретной жизненной или исследовательской задачи, когда преподавателем поддерживается инициативная проба реформирования студентами отдельных элементов процесса организации НИР, когда в учебном занятии имеется возможность выбора и трансформации структурных элементов организации исследования и меры своего самораскрытия и вовлеченности.

Рассмотрение процесса организации НИР магистрантов в контексте позитивной психологии (культура, основанная на талантах) направляет внимание на выявление прежде всего тех ценностных ориентиров, которые позволяют объединить преподавателей и магистрантов в своеобразную команду для совместного решения общих задач. В нашем случае таким ориентиром выступает тезис «Обеспечить возможность каждому студенту достичь большего». Это означает, что основная ценность, воплощаемая в процессе организации НИР магистрантов, – уверенность наших преподавателей в том, что каждый студент может развивать свои способности.

Для достижения этого ориентира на каждом этапе исследовательской работы преподаватели направляют внимание магистрантов на актуализацию их интересов, способностей и реализуемых в исследовании потребностей, а также помогают выявить их соответствие текущим

положениям дел или их отсутствие. Одним из наиболее действенных мотивирующих средств для личностного развития рассматривается отрицательная обратная связь [3], при получении которой в процессе НИР у магистрантов появляется новая возможность переосмыслить и совершенствовать свой подход к делу.

Трансляция в действиях педагогов ценностей личностного развития, направленная на осмысление и применение магистрантами своего опыта, возможностей и потребностей, организует исследовательскую работу магистрантов и задает смысловой контекст процессу организации НИР, создает общие значимые переживания, что поддерживает своеобразный «стандарт качества» процесса и результата их работы. В ходе такой работы, безусловно, наряду с признанием развивающего потенциала процесса организации НИР магистрантов возникает и полюс рисков, т. е. положение, при котором не каждые способности человек будет развивать в определенной ситуации и в данное время. Для становления исследовательской позиции магистрантов важна организация их осознания не только как возможностей реализации своих исследовательских способностей в образовательном процессе, но и как осмысления границ для применения собственных ресурсов.

В данном случае происходят гармонизация внешних условий и внутренних ресурсов, понимание магистрантами меры своей ответственности, что свидетельствует о реализации субъектной направленности организации исследовательской деятельности, о становлении научной позиции студентов и подтверждает действенность ее развивающего потенциала.

Реализация ценностного ориентира осуществляется нашими педагогами с помощью вопросов: «Что для вас важно при обучении в магистратуре?», «Какие направления исследования могут ожидать вашего внимания?», «Какие направления и формы исследования могут вас вдохновлять, позволяя реализовывать ваши способности?».

Известно, что при организации образовательного процесса происходят изменения, когда наряду с появлением новых аспектов содержания, форм и методов работы одновременно устраняются прежние. Гибкость и неустойчивость системы в таком случае представляются возможностью возникновения самоорганизации для обеспечения потребности в целостности.

Анализ процесса организации НИР магистрантов свидетельствует о том, что на возник-

новение самоорганизации в исследовательской деятельности влияет вовлеченность студентов в собственную (авторскую, уникальную) работу, их заинтересованность в ней, проявление субъектности в виде исследовательской позиции как системообразующего элемента самостоятельной научной деятельности.

Такая позиция рассматривается как основание исследовательского отношения на личностном и субъектном уровнях и обеспечивает инициативное и ответственное отношение человека к действительности, а на субъектном уровне выражается в форме активного изучения действительности в соотношении со своими потребностями, интересами и ценностями [4, с. 11].

С нашей точки зрения исследовательская позиция служит выражением личностного потенциала [5] магистрантов, поскольку интегрирует их представления о собственных способностях при решении задач. Именно возможность актуализации исследовательской позиции магистрантов определяет развивающий потенциал НИР, например, при осмыслении магистрантами своих возможностей участия в определении (выборе) темы, цели, ситуации, формулировании проблемы, разработке и принятии решения, его реализации в данных ситуациях магистратуры и взаимодействии с преподавателями, научным руководителем, участниками группы, а также в поддержании референтного для человека сообщества (профессионально-личностного).

Примером применения системной рефлексии к организации НИР может служить соотнесение следующих условий, имеющих в процессе организации НИР, с эффектами, свидетельствующими об изменениях в деятельности магистрантов и отношении к себе в качестве исследователя:

1. При прояснении и осмыслении магистрантами возможности переопределения смысла и направления исследования, при согласовании с преподавателями собственных представлений и переживаний в группах наблюдается изменение степени вовлеченности в виде постепенного перехода магистрантов от позиции пассивного наблюдателя к исполнителю заданий, норм и правил и затем – к роли участника событий. От внешней регуляции действий, исходящей от преподавателей, магистранты переходят к групповой регуляции действий (в основном), когда инициатива и ответственность за нее исходят от группы, и затем (иногда) – к самостоятельному инициативному и ответственному действию.

2. Участие в Летней школе педагогических исследований для магистрантов, проводимой кафедрой педагогики факультета психологии СГУ, позволило за 6 лет работы школы более чем 60 магистрантам погрузиться в новое понимание творческого характера проводимой научной работе. Данную возможность обеспечивают мастер-классы, тренинговые занятия, сам неформальный характер общения. Это позволяет участникам почувствовать значимость собственных научных изысканий, окунуться в проблемы исследования других, определить новые ориентиры в дальнейшей научной деятельности.

3. После заданий на децентрацию у магистрантов меняется отношение к участникам группы от обезличенного восприятия человека к участному отношению. Например, на итоговой рефлексии занятия магистрантами был высказан тезис о том, что после возможности встать на позицию другого участника группы в процессе занятия возник интерес к другим участникам группы, стало проще высказывать сомнения, вопросы и предложения, появилось внимание к собственным переживаниям.

4. При прояснении возможности участия в организации НИР меняется позиция магистрантов во взаимодействии с преподавателями. Например, появились инициативные обращения к преподавателям и научному руководителю сначала ориентационного характера (по вопросам о конкретных трудностях других студентов и способах их регуляции), затем обращения по поводу возможности своего участия в конференциях и публикациях статей; сначала от имени группы, а затем и персонифицированные.

5. Выполнение заданий на смыслообразование позволяет осмыслить возможность участия в трансформации процесса организации исследовательской работы. Например, при выполнении задания «Обобщить смысл своей работы в виде метафоры» у большинства участников группы магистратуры «Педагогическая инноватика и рискология» появилось обобщенное понимание смысла своего исследования в виде встречных вопросов, инициативных предложений по дополнительным техникам и процедурам исследования.

В таблице описан элемент занятия по системной рефлексии, на котором преподаватель предлагал группе студентов определение, а они в процессе мозгового штурма приводили метафоры.

Обобщение студентами (магистрантами) смысла исследовательской работы в виде метафоры
Table. Generalization of the meaning of research work in the form of a metaphor (made by postgraduates)

Тема	Метафора, образное выражение
Профессиональное определение старших школьников	Профессия изначально должна быть актом любви. И никак не браком по расчету. И пока не поздно, не забывайте о том, что дело всей жизни – это не дело, а жизнь
Инновационные технологии обучения HR-специалистов	Скажи мне, и я забуду, покажи мне, и я запомню, дай сделать, и я пойму!
Педагогический риск социально-коммуникативного развития дошкольников	Яблочко от яблони далеко не падает
Инновационные техники взаимодействия преподавателя и учащихся в образовательной среде вуза	Учитель как антивирус со встроенным файерволом: ловит заблуждения относительно своего предмета и исправляет ошибки еще на подходе, пока ученик случайно их не заучил как данность
Организация инновационного педагогического менеджмента в дошкольном образовательном учреждении	1) Управлять – значит предвидеть. 2) Никогда не доверяйте тем подчиненным, которые не находят никаких изъянов у начальства
Управленческий потенциал в создании инновационного центра	Мал золотник да дорог
Риски коммуникативного поведения сотрудников исправительных учреждений в общении с осужденными	Убеждая, не пользуйся властью, пока не исчерпал все остальные средства
Инновации в преподавании юридических дисциплин	Новая шумиха – старые дела

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что реализация развивающего потенциала процесса организации НИР рассматривается нами на основе принципов гибкости, возможности переформатирования и ситуационной обусловленности внешних требований и норм, согласования с инициативами и ответственным отношением магистрантов. Внимание преподавателей при организации НИР распределяется между задачей выполнения содержательного аспекта исследования и «сверхзадачей» в виде становления научной позиции магистрантов.

Список литературы

1. Иоффе А. Н., Бычкова Л. В. Развитие личностного потенциала на занятиях: учебное пособие. М.: Благотворительный фонд «Вклад в будущее», 2021. 280 с.
2. Бужакс Т. М., Михеев В. А. Системная рефлексия и ее психотехническое обеспечение в процессе профессионального становления // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2017. № 1. С. 105–117. <https://doi.org/10.1162/vsp2017.01.10>
3. Леонтьев Д. А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 18–37. <https://doi.org/10.17223/17267080/62/3>
4. Скотникова А. М. Исследовательская позиция личности: сущность, роль, строение, типы // Исследователь / Researcher. 2009. № 3–4. С. 118–135.

5. Леонтьев Д. А., Аверина А. Ж. Рефлексивность как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 360–381.

References

1. Ioffe A. N., Bychkova L. V. *Razvitie lichnostnogo potentsiala na zanjatijakh. Uchebnoe posobie* [Development of Personal Potential in the Classroom. Education guidance]. Moscow, Blagotvoritel'nyj fond "Vklad v buduchshee" Publ., 2021. 280 p. (in Russian).
2. Bujakas T. M., Miheev V. A. Systemic reflection and its psychotechniques maintenance in the process of professional becoming. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 14. Psikhologija* [Moscow University Psychology Bulletin], 2017, no. 1, pp. 105–117 (in Russian). <https://doi.org/10.1162/vsp2017.01.10>
3. Leont'ev D. A. Autoregulation, resources and personality potential. *Sibirskij psikhologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Psychology], 2016, no. 62, pp. 18–37 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/17267080/62/3>
4. Skotnikova A. M. Research position of personality: Essence, role, structure, types. *Issledovatel* [Researcher], 2009, no. 3–4, pp. 118–135 (in Russian).
5. Leont'ev D. A., Averina A. Zh. Reflexivity as a component of personal potential. In: D. A. Leont'ev, ed. *Lichnostnyj potentsial: struktura i diagnostika* [Personal Potential: Structure and Diagnosis]. Moscow, Smysl Publ., 2011, pp. 360–381 (in Russian).

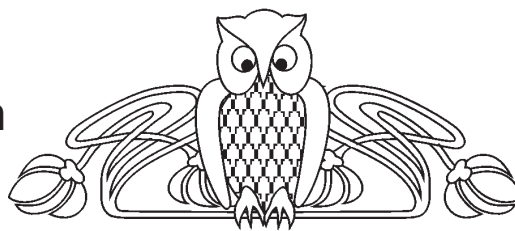
Поступила в редакцию 06.10.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 17.10.2022
 The article was submitted 06.10.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 17.10.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 459–463
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 459–463
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-459-463>, EDN: MNJZOD

Научная статья
УДК 37.013.41

Стили поведения родителей в процессе использования Интернета учениками начальной школы

В. С. Бурова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Бурова Валентина Сергеевна, аспирант кафедры методологии образования, dimitrievavs@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1498-2776>

Аннотация. Введение. В связи с прогрессивным ростом использования Интернета детьми в домашних условиях важным моментом является участие их родителей в этом процессе. **Теоретический анализ.** В данной статье представлены материалы отечественных и зарубежных исследователей по взаимодействию родителей и детей в процессе использования Интернета учениками начальной школы. Происходит формирование термина «стиль поведения родителей», который включает в себя два основных аспекта: степень вовлечения родителей в сам процесс («родительское тепло») и степень их контроля. Участие родителей характеризуется вкладом в общение со своими детьми и уровнем их поддержки, в то время как родительский контроль отражается в уровне руководства, прекращении определенных действий, связанных с Интернетом, и (или) выдвижении правил. На основе этого можно выделить 4 основных стиля поведения родителей: авторитетный, авторитарный, разрешительный и небрежный. **Эмпирический анализ.** Было проведено исследование с целью определения степени вовлечения родителей в процесс использования Интернета учениками начальной школы, а также возможных видов родительского контроля в онлайн-пространстве с последующим определением преобладающего стиля поведения родителей. **Заключение.** Анализ результатов настоящего исследования должен иметь ряд теоретических оснований и практических применений для определения статуса интернет-образования, его роли и распространенности в современном мире.

Ключевые слова: Интернет, ученики начальной школы, родительский контроль, родительская поддержка, стили поведения родителей

Для цитирования: Бурова В. С. Стили поведения родителей в процессе использования Интернета учениками начальной школы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 459–463. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-459-463>, EDN: MNJZOD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Parentbehavior styles in the process of internet use by primary school children

V. S. Burova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Valentina S. Burova, dimitrievavs@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1498-2776>

Abstract. Introduction. Due to the progressive increase in the use of the Internet by children at home, the participation of their parents in this process is important. **Theoretical analysis.** This article presents the materials of domestic and foreign researchers on the interaction of parents and children in the process of using the Internet by primary school students. The term “parental behavior style” is being formed, which includes two main aspects: the degree of parental involvement in the process itself (“parental warmth”) and the degree of their control. Parental involvement is characterized by a contribution to communication with their children and their level of support, while parental control is reflected in the level of leadership, termination of certain Internet-related activities and / or setting rules. Based on this, it is possible to form 4 basic styles of parenting behavior: authoritative, authoritarian, permissive and laissez-faire. **Empirical analysis.** A study was conducted to determine the degree of parents’ involvement in the process of using the Internet by primary school children, as well as possible types of parental control in the online space, followed by determining the prevailing style of parental behavior. **Conclusion.** The analysis of the results of this study should have a number of theoretical foundations and practical applications to determine the status of Internet education, its role and prevalence in the modern world. **Keywords:** Internet, primary school children, parental control, parental warmth, parental behavior styles

For citation: Burova V. S. Parentbehavior styles in the process of internet use by primary school children. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 459–463 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-459-463>, EDN: MNJZOD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В последние годы мы стали свидетелями массового роста использования Интернета в повседневной семейной и школьной жизни [1]. В Законе «Об образовании в Российской Федерации» определены нормы взаимодействия учителя и законного представителя обучающегося [2]. В основе взаимодействия школы и семьи лежит сотрудничество педагогов и родителей. В связи с принятием Федерального закона возникли предпосылки для равноправного творческого заинтересованного взаимодействия семьи и образовательного учреждения. Закономерно возникает вопрос об интеграции усилий школы и семьи, об активизации совместной деятельности в процессе воспитания школьников.

Форма взаимодействия педагогов и родителей через социальные сети (мессенджеры) очень актуальна, с ее помощью реализуется принцип партнерства и диалога. Такой вид связи с родителями позволяет педагогу значительно улучшить отношения с семьями, повысить педагогическую культуру родителей, расширить представления детей по различным образовательным областям [3, 4].

Теоретический анализ

Результаты опроса EU Kids Online показали, что использование Интернета в настоящее время полностью внедрено в повседневную жизнь детей: 60% пользователей в возрасте 9–16 лет в Европе ежедневно посещают Интернет, и еще 33% выходят в сеть как минимум еженедельно. Частота его использования значительно различалась по всей Европе: например, 84% детей в Швеции обращаются в Интернет ежедневно, а в Турции только 33%. В Испании 58% детей выходят в Интернет ежедневно или почти ежедневно, 34% используют его один или два раза в неделю, оставшиеся 9% выходят в Интернет реже. Самые последние данные Испанского национального статистического института показывают, что в Испании использование Интернета среди детей в возрасте 10–15 лет уже достигло 87% и практически нет разницы между девочками и мальчиками. Эта тенденция аналогична той, что наблюдается в остальной части Европы и она идет параллельно с прогрессирующим использованием Интернета родителями и их степенью осведомленности о рисках, связанных с использованием Интернета детьми [5].

В настоящее время основное внимание уделяется родительской точке зрения в изучения вопроса их регулирования использования Ин-

тернета детьми. Учитывая масштабы данной проблемы и важную роль, которую семья играет для позитивного развития ребенка, неоспорим тот факт, что родительское регулирование является полезной стратегией предотвращения и контроля рисков для детей. Поэтому в этом случае очень важно определить, какие из родительских идей и практик воспитания детей влияют на решения, которые они принимают в повседневной жизни и, в частности, в отношении регулирования использования Интернета их детьми.

Стили воспитания и регулирования использования Интернета основывались на традиционных моделях социализации, разработанных в 1967 г. Д. Баумринд [6] и пересмотренных в 1983 г. Е. Е. Маккоби и Дж. Мартин [7]. В 1991 г. Д. Баумринд, изучая взаимодействие родителей и детей, писал: «Стиль воспитания используется для улавливания нормальных вариаций в попытках родителей контролировать своих детей и социализировать их» [8, с. 56]. Двойная направленность этого определения также обнаруживается в подходе М. Истин и др.: «Стиль воспитания представляет собой степень вовлеченности и строгости контроля, которые родители используют в отношении своего подростка» [9, с. 489–490]. В контексте данной статьи мы опираемся на подход Д. Баумринд и дальнейшее развитие этой теории Е. Е. Маккоби и Дж. Мартин. Первоначальная теория Д. Баумринд в основном фокусировалась на определении *степени родительского контроля*: требовательность родителей, описываемая как поведенческий контроль, относится к «степени, в которой родители хотят, чтобы дети интегрировались в семью, посредством их требований зрелости, надзора, дисциплинарных усилий и готовности противостоять ребенку, который не слушается» [8, с. 56]. Е. Е. Маккоби и Дж. Мартин выделили второе измерение, сосредоточив внимание на *степени вовлечения родителей в процесс* («родительское тепло»). Это признает Д. Баумринд и заявляет, что родительская вовлеченность, определяемая как поддержка, относится к «степени, в которой родители намеренно способствуют развитию индивидуальности, саморегуляции и самоутверждения детей, наставляя и поддерживая их, но не уступая непослушным детям, удовлетворяя их потребности и запросы» [10, с. 889].

Родительский контроль отражается в уровне руководства, прекращении определенных действий, связанных с Интернетом, и (или) выдвигении правил. Участие родителей характеризуется вкладом в общение со своими детьми и уровнем поддержки. Эти параметры объединяются, чтобы определить *четыре раз-*

личных стили поведения родителей в процессе использования детьми Интернета: жесткий контроль и вовлеченность родителей соответствуют авторитетному стилю, жесткий контроль и отсутствие поддержки соответствуют авторитарному стилю, слабый контроль и поддержка соответствуют разрешительному стилю, а слабый контроль и отсутствие поддержки родителей соответствуют небрежному стилю.

В 2006 г. в статье М. Истин с соавторами опубликовали данные о том, что стили воспитания связаны со стратегиями, которые родители использовали для обеспечения детям доступа в Интернет. Они определили три типа посредничества: *фактический* (объясняющий, как создаются интернет-программы и контент), *оценочный* (оценивающий наличие этих программ и контента при просмотре их с ребенком и обсуждающий их возможное влияние на людей) и *ограничительный* (продвигающий родительские правила, регулирующие их использование) [9].

Таким образом, родители с авторитетным стилем чаще используют оценочные стратегии просмотра и обсуждения интернет-контента со своими детьми, в то время как родители с авторитарным и небрежным стилем чаще используют ограничительные методы, такие как блокирование доступа и количество времени, которое дети проводят в Интернете.

В отношении возраста учеников К. Митчел, Д. Финкельхор и Дж. Волак приводят следующие данные: родители детей в возрасте 10–12 лет имели тенденцию к высокой степени контроля и наставничества в Интернете (ограничение онлайн-времени и использование фильтров) в отличие от родителей подростков в возрасте 12–17 лет. Последние фактически склонны перенимать разрешающий и небрежный стили контроля в большей степени, чем родители детей более младшего возраста. Факт того, что родители хорошо осознавали риски использования Интернета, не был связан с применением более контролирующих стилей, таких как авторитарный или авторитетный. Тем не менее авторитетный стиль был связан с более низким уровнем рискованного поведения детей в Интернете [11].

М. Левин, А. Стеналанд и А. Миядзаки в своих исследованиях стратегий родительского посредничества и потенциальных интернет-рисков для их детей подросткового возраста провели различие между стратегиями ограничительного и активного посредничества. В первой стратегии родители пытаются установить ряд правил использования Интернета, связанных с количеством времени, проведенного в нем. Во второй стратегии они принимают активное

участие в использовании онлайн-пространства, оставаясь рядом со своими детьми во время нахождения в сети Интернет, разговаривая с ними о содержании доступных материалов, глядя прямо на экран. Результаты исследований показали, что установление правил пользования Интернетом (сколько времени дети могут находиться в сети, какие сайты они могут и (или) не могут посещать) не так эффективно, как разговор с детьми об опасности предоставления информации [12].

Итоги опроса А. Дюрагер, С. Ливингстон в 2012 г. свидетельствуют о том, что 89% родителей устанавливают правила относительно того, может ли ребенок выдавать личную информацию онлайн; 82% родителей говорят со своими детьми о том, что они делают в Интернете, и 58% взрослых остаются рядом, когда ребенок находится в онлайн-пространстве. 56% респондентов предпринимали позитивные шаги в разъяснении того, как детям общаться с другим людьми в Интернете; 52% опрошенных обсуждали со своими детьми вопросы, которые могут их беспокоить. Родители также ограничивали раскрытие детьми личной информации в 85% случаев, выгрузку и загрузку данных в 63 и 57% случаев соответственно. Более чем в половине случаев опрошенные использовали технические средства безопасности в сети Интернет: более четверти родителей блокируют или фильтруют веб-сайты (28%) и (или) отслеживают веб-сайты, которые посещал их ребенок (24%) [13].

В 2018 г. Г. И. Шарипова и И. Х. Тагиров опубликовали отечественные методические рекомендации для родителей (законных представителей), в которых говорится о возможностях организации родительского контроля за доступом детей в сеть Интернет. Авторы выделяют следующие основные методы контроля: установка фильтров веб-сайтов; ограничение времени, проводимого ребенком за компьютером; установка запретов на использование детьми отдельных программ; управление доступом к игровым приложениям; просмотр журнала отчетов о работе ребенка за компьютером [14].

Эмпирический анализ

Собственный педагогический опыт и проведенное исследование в МОУ «Гимназия № 2» г. Саратова позволяют утверждать, что каждая семья использует приложения-мессенджеры. Среди родителей учеников девяти классов начальной школы (216 человек) был проведен социальный опрос путем рассылки анкеты в программе «Viber» (95% родителей используют именно это приложение для связи с образо-

вательной организацией) на предмет оценки поддержки детей и использования различных вариантов контроля их действий в Интернете.

Анкетирование состояло из двух частей: первая содержала вопросы по вовлечению родителей в поддержку детей в Интернет-пространстве (1. Проводится ли обсуждение по поводу просматриваемого детьми материала? 2. Проводится ли совместный серфинг в Интернете? 3. Рекомендуют ли родители определенные интернет-ресурсы своим детям?). Вторая часть была направлена на выявление методов контроля присутствия в Интернете и создана на основе вышеупомянутых методических рекомендаций. Родителям была предоставлена возможность выбора нескольких вариантов ответов.

Проанализировав ответы всех респондентов, мы получили следующие данные:

1. 93% родителей (201 человек) тем или иным образом были вовлечены в интернет-поддержку своих детей;

2. Родительский контроль осуществлялся в 95% случаев (205 человек), из которых фильтры web-сайтов использовали 19% (39 человек); ограничивали время использования Интернета 89% (182 человека); вводили запрет на использование отдельных программ 20% (41 человек); ограничивали доступ к приложениям 25% (51 человек) и осуществляли контроль журнала посещений в браузере 92% (187 человек) опрошенных.

Результаты данного анкетирования свидетельствуют о том, что в большинстве случаев родители были вовлечены в процесс использования Интернета их детьми, а контроль осуществлялся путем ограничения времени пребывания в онлайн-пространстве и просмотра истории посещений сайтов. Таким образом, более 90% родителей учеников начальной школы МОУ «Гимназия № 2» г. Саратова использовали авторитетный стиль воспитания детей при использовании интернет-ресурсов.

Заключение

Анализ результатов настоящего исследования должен иметь ряд теоретических оснований и практических применений для определения статуса интернет-образования, его роли и распространённости в современном мире. Стили воспитания родителей в онлайн-пространстве могут выступать в качестве нового предиктора для объяснения и прогнозирования принятия решений в сети Интернет детьми начальной школы. Практические выводы связаны с той глобальной ролью, которую может играть интернет-образование в современном воспитании детей и их

развитии при тесном взаимодействии школы и семьи. В современном мире дети нуждаются в большей цифровой грамотности со стороны своих родителей, чтобы они могли стать авторитетными фигурами, которые сопровождают и регулируют использование Интернета.

Однако необходимо принять во внимания следующие ограничения в данном исследовании: не учитывались пол ребенка, родителя (респондентом были отец или мать), социальный статус семьи, образование родителей, регион проживания; небольшая выборка сделана в рамках одного учебного учреждения; также не была принята во внимание точка зрения самих детей. Все эти факторы могут быть изучены в дальнейшем. Таким образом, данная тема, являясь актуальной в настоящее время, требует более глобального подхода в отечественной педагогике и дальнейших исследований.

Список литературы

1. Александрова Е. А., Амтун М. Р., Ахметов С. И. Классификация стратегий электронного взаимодействия в web-обучении // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 329–333. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-329-333>
2. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. URL: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/> (дата обращения: 14.11.2020).
3. Смирнова С. Ю. Взаимодействие с родителями через социальные сети. URL: <https://infourok.ru/vzaimodeystvie-s-roditelyami-chere-socialnie-seti-4013662.html> (дата обращения: 22.12.2020).
4. Писаренко И. А. Цифровое родительство: отношение к цифровизации в начальной школе. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0AbdSaGn0PI> (дата обращения: 10.10.2020).
5. Livingstone S., Haddon L., Gorzig A. Risks and safety on the Internet: The perspective of European children // Full Findings. London : LSE, 2011. 171 p.
6. Baumrind D. Child care practices anteceding three patterns of preschool behavior // Genetic Psychology Monographs. 1967. № 75. P. 43–88.
7. Maccoby E. E., Martin J. A. Socialization in the context of the family: Parent-child interaction. New York : Wiley, 1983. 101 p.
8. Baumrind D. The influence of parenting style on adolescent competence and substance use // Journal of Early Adolescence. 1991. № 11. P. 56–96.
9. Eastin M., Greenberg B., Hofschire L. Parenting the Internet // Journal of Communication. 2006. № 56. P. 486–504.
10. Baumrind D. Effects of authoritative parental control on child behavior // Child Development. 1966. № 37. P. 887–907.

11. Mitchell K., Finkelhor D., Wolak J. Protecting youth online: Family use of filtering and blocking software // *Child Abuse & Neglect*. 2005. № 29. P. 753–765.
12. Lwin M., Stanaland A., Miyadzaki A. Protecting children's privacy online: How parental mediation strategies affect website safeguard effectiveness // *Journal of Retailing*. 2008. № 84. P. 205–217.
13. Duerager A., Livingstone S. How can parents support children's Internet safety? // *Children & Society*. 2012. № 22. P. 314–323.
14. Шарипова Г. И., Тагиров И. Х. Методические рекомендации о возможностях организации родительского контроля за доступом детей в сеть Интернет. Уфа : ИРОРБ, 2018. 64 с.
5. Livingstone S., Haddon L., Gorzig A. Risks and safety on the Internet: The Perspective of European Children. *Full Findings*. London, LSE, 2011. 171 p.
6. Baumrind D. Child care practices anteceding three patterns of preschool behavior. *Genetic Psychology Monographs*, 1967, no. 75, pp. 43–88.
7. Maccoby E. E., Martin J. A. *Socialization in the context of the family: Parent-child interaction*. New York, Wiley, 1983. 101 p.
8. Baumrind D. The influence of parenting style on adolescent competence and substance use. *Journal of Early Adolescence*, 1991, no. 11, pp. 56–96.
9. Eastin M., Greenberg B., Hofschire L. Parenting the Internet. *Journal of Communication*, 2006, no. 56, pp. 486–504.
10. Baumrind D. Effects of authoritative parental control on child behavior. *Child Development*, 1966, no. 37, pp. 887–907.
11. Mitchell K., Finkelhor D., Wolak J. Protecting youth online: Family use of filtering and blocking software. *Child Abuse & Neglect*, 2005, no. 29, pp. 753–765.
12. Lewin M., Stanaland A., Miyadzaki A. Protecting children's privacy online: How parental mediation strategies affect website safeguard effectiveness. *Journal of Retailing*, 2008, no. 84, pp. 205–217.
13. Duerager A., Livingstone S. How can parents support children's Internet safety? *Children & Society*, 2012, no. 22, pp. 314–323.
14. Sharipova G. I., Tagirov I. Kh. *Metodicheskie rekomendatsii o vozmozhnostjakh organizatsii roditel'skogo kontrolja za dostupom detej v set' Internet* [Guidelines on the Possibilities of Organizing Parental Control Over Children's Access to the Internet]. Ufa, IRORB Publ., 2018. 64 p. (in Russian).

References

1. Aleksandrova E. A., Attia M. R., Akhmetov S. I. Classification of e-interaction strategies in web-learning. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 329–333 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-329-333>
2. On Education in the Russian Federation: Federal Law 273 FZ of 12.12.2012. Available at: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/> (accessed 14 November 2020) (in Russian).
3. Smirnova S. Ju. *Vzaimodeystviye s roditelyami cherez sotsial'nyye seti* (Interaction with parents through social networks). Available at: <https://infourok.ru/vzaimodeystvie-s-roditelyami-chere-socialnie-seti-4013662.html> (accessed 22 December 2020) (in Russian).
4. Pisarenko I. A. *Tsifrovoye roditel'stvo: otnosheniye k tsifrovizatsii v nachal'noy shkole* (Digital parenting: Attitudes towards digitalization in elementary school). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=0AbdSaGn0PI> (accessed 10 October 2020) (in Russian).

Поступила в редакцию 20.04.2022; одобрена после рецензирования 10.05.2022; принята к публикации 17.10.2022
 The article was submitted 20.04.2022; approved after reviewing 10.05.2022; accepted for publication 17.10.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 464–468

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 464–468

<https://phpp.sgu.ru>

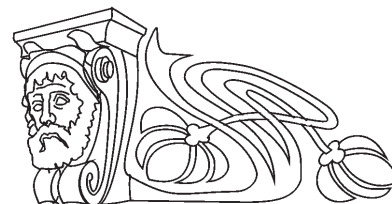
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-464-468>, EDN: BPGKON

Научная статья

УДК 37.013

Формирование экологической культуры в условиях полиэтничного образования

М. Т. Мингалеева

Филиал муниципального общеобразовательного учреждения «Октябрьский сельский лицей», Россия, 433435, Ульяновская область, с. Абдуллово, ул. Школьная, д. 1

Мингалеева Милеуша Талгатовна, кандидат педагогических наук, учитель биологии и географии, mil383@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8465-0857>

Аннотация. Введение. Формирование экологической культуры личности в современном мире актуализируется в связи с необходимостью подготовки современного молодого человека к адекватному поведению в условиях экологического кризиса и возрастания включенности в глобальный мир. Цель – раскрыть особенности формирования экологической культуры обучающихся школы с учетом этнокультурного компонента в условиях полиэтничного образования. **Теоретический анализ.** Теоретический анализ проблемы формирования экологической культуры в полиэтничной среде позволяет сделать вывод о том, что для формирования экологической культуры необходимо искать опору в традиционных этических нормах и ценностях, касающихся взаимоотношений в системе человек–природа. В статье обосновывается необходимость реализации полиэтничного образования в школах Поволжского региона, в процессе которой происходит приобщение детей к этнической культуре и вырабатывается умение жить в многонациональной стране. **Заключение.** Изучение этнокультурного компонента способствует формированию у каждого обучаемого жизненно востребованной системы знаний, выработки умений решать региональные экологические проблемы с опорой на традиционные ценности рационального природопользования. В результате учебно-воспитательной работы выпускник школы проявляет гражданскую ответственность, уважение к национальным традициям, толерантность, обладает высокой экологической культурой.

Ключевые слова: экологическая культура, полиэтничное образование, национальные традиции, экологический императив, этнокультурный компонент

Для цитирования: Мингалеева М. Т. Формирование экологической культуры в условиях полиэтничного образования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 464–468. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-464-468>, EDN: BPGKON

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Formation of ecological culture in the context of multicultural interaction

M. T. Mingaleeva

Branch of the municipal educational institution “Oktyabrsky rural lyceum”, 1 Shkolnaya St., village Abdullovo, Ulyanovsk region 433435, Russia

Mileusha T. Mingaleeva, mil383@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8465-0857>

Abstract. Introduction. The formation of the ecological culture of the individual in the modern world is being updated due to the need to prepare a modern young person for adequate behavior in an environmental crisis and an increase in involvement in the global world. The goal is to reveal the features of the ecological culture formation in school students, taking into account the ethno-cultural component in the conditions of multi-ethnic education. **Theoretical analysis.** The concept of “ecological culture” is a cumulative unity of ecology and culture; in order to form an ecological culture, it is necessary to seek support in traditional ethical norms and values regarding relationships in the human-nature system. The modern school requires the introduction of new educational paradigms, taking into account ethno-regional characteristics and ethno-cultural values of the educational environment. In the schools of the Volga region, an educational strategy called multi-ethnic education is being successfully implemented, during which children are introduced to ethnic culture and the ability to live in a multinational country. **Conclusions.** The study of the ethno-cultural component contributes to the formation of a vitally demanded knowledge system for each student and the development of skills to solve regional environmental problems based on the traditional values of environmental management. As a result of educational work, a school graduate shows civic responsibility, respects national traditions, shows tolerance, and has a high ecological culture.

Keywords: ecological culture, polyethnic education, national traditions, ecological imperative, ethno-cultural component

For citation: Mingaleeva M. T. Formation of ecological culture in the context of multicultural interaction. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 464–468 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-464-468>, EDN: BPGKON

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Формирование экологической культуры личности в современном мире актуализируется в связи с необходимостью подготовки современного молодого человека к адекватному поведению в условиях экологического кризиса и возрастания включенности в глобальный мир. Основные принципы охраны окружающей среды прописаны в основном экологическом законе страны «Об охране окружающей среды»: организация и развитие системы экологического образования, воспитание и формирование экологической культуры [1]. Экологическое просвещение реализуется посредством распространения экологических знаний об экологической безопасности в числе прочих организациями, осуществляющими образовательную деятельность. В школах Поволжского региона обучаются дети разных этнических групп. Учебно-воспитательный процесс приобретает полиэтничный образовательный характер: уделяется внимание обычаям, самобытной культуре, предусматривается проведение занятий, в которых используются языковые и культурные ресурсы, формируется межкультурное взаимопонимание.

Теоретический анализ

Экологическая культура представляет собой совокупное единство культуры и экологии и может быть рассмотрено в психолого-педагогической плоскости, в региональном и этнопедагогическом аспектах [2, 3]. Экологическая культура личности – это качество личности, субъекта культуры, обладающего экологическими знаниями и выражающего свое отношение к природе в рациональном природопользовании. Системный подход позволяет рассмотреть понятие «экологическая культура» как интегративный феномен, состоящий из когнитивного, аксиологического и деятельностного компонентов. Данные компоненты составляют целостность экологической культуры в диалектическом единстве. Когнитивный компонент включает систему экологических знаний, аксиологический – эмоционально-ценностное отношение к природной среде, деятельностный – практическую и творческую деятельность экологической направленности. Экологическая культура охватывает не только осознание экологических проблем и поиск выхода из экологического кризиса, но и представление о культуре в целом как о выстраивании отношений в социуме и развитии поликультурной личности в системе общего и экологического образования [4].

В условиях многообразия и богатства мировой и отечественной культуры человеку открываются истинные общечеловеческие ценности. Для воспитания духовной культуры и формирования целостного представления о человеке и мире необходимо приобщение к рациональной, эмоциональной и аксиологической формам мировоззрения, которые представлены в науке, искусстве и религии. Мировоззрение синтезирует естественные и гуманитарные знания, которые изначально имеют философскую основу. В поле зрения всеобщей экологии оказываются проявления экологии в биологии и географии, этнографии и культурологии, этике и эстетике [5, с. 3]. Поэтому при определении понятия «экологическая культура» нужно понимать, что оно является синтетическим, межпредметным результатом выражения качественной личностной характеристики человека. Концепция общего школьного экологического образования рассматривает экологическую культуру как результат экологического образования и воспитания. Новым его вектором выступают идеи образования для устойчивого развития.

Для реализации идей устойчивого развития предусмотрены интеграция экологического, экономического и социально-гуманитарного содержания образования, достижение качественно нового образовательного продукта – ноосферного интеллекта [6, с. 57]. Европейской экономической комиссией ООН принята «Стратегия для образования в интересах устойчивого развития». Согласно документу «Повестка 21 века» образование является важнейшим механизмом реализации устойчивого развития. Главный принцип устойчивого развития провозглашает, что наше развитие должно проходить без ущерба окружающей среде в интересах нынешних и будущих поколений [7, 8].

В школах Поволжского региона успешно реализуется образовательная стратегия, которая называется полиэтничным образованием, в процессе которого происходят приобщение детей к этнической культуре и формирование умения жить в многонациональной стране, развитие толерантности к другим культурам, создание условий для становления этнической идентичности и самоактуализации. К учебно-воспитательным направлениям полиэтничного образования относятся: способствование усвоению знаний о своей культуре и культуре других народов, становление этнической толерантности, умение поддерживать межнациональный диалог. Современная школа требует внедрения новых образовательных парадигм с учетом этнорегиональных особенностей и этнокультурных

ценностей образовательной среды. В этой связи проблема формирования экологической культуры в полиэтнической среде становится особенно актуальной. Полиэтническое образование включает организацию и содержание педагогического процесса, в котором представлены две или более культур, отличающихся по языковому, этническому признаку, и направлено на формирование человека, способного жить в мире и согласии с людьми разных национальностей в многонациональной поликультурной среде [9].

Важным фактором развития образовательных моделей в полиэтнической среде являются миграционные процессы в стране. Поэтому образовательные модели данного направления стали внедряться в странах с высоким сальдо миграции, таких как США, Канада, ФРГ. В странах Европы и США решением проблем обучения для детей разных национальностей стала реализация концепции «плавильного котла», согласно которой современный мир есть интеграция разных культур, способствующая стиранию различий между ними. Национальные школы в отличие от школ «плавильного котла» ориентированы на сохранение национальной специфики разных культур. Значима роль образовательных институтов в преодолении межэтнической напряженности в регионах Запада и Востока. Межнациональное воспитание направлено на борьбу с национальными предрассудками, обеспечение межкультурного диалога обучающихся. Согласно проведенному исследованию ЮНЕСКО такие ценности, как национальная идентичность и национальная культура, являются наиболее притягательными для граждан нашей страны.

Анализ проблемы по формированию экологической культуры в условиях полиэтнического образования позволил нам сформулировать ряд положений:

1. Решение глобальных экологических задач требует становления этического мировоззрения в условиях региона с различием культур для осуществления программы устойчивого развития. Среди условий успешного формирования экологической культуры школьников можно выделить воспитывающую роль учебного процесса, его национально-региональную направленность, взаимосвязь школы и семьи в воспитательной работе, экологически ориентированную педагогическую среду в семье и школе. На успешность формирования экологической культуры школьников оказывают влияние следующие средства: познавательные (система экологических знаний); этноориентированные (использование экологических традиций рационального

природопользования в учебно-воспитательной работе по формированию экологической культуры); практикоориентированные (деятельность экологической направленности, решение экологических проблем, экологические акции). Экологическое образование для устойчивого развития выступает в качестве обязательного элемента в проведении школьных занятий. В школе проводятся экологические уроки, направленные на решение проблем рационального энергосбережения, охраны почв, растительного и животного мира, организация акций по посадке деревьев. Учащиеся должны задуматься над вопросами возможных альтернативных сценариев будущего, важно лично принять участие в решении реальных экологических проблем местности. Народы Поволжья издавна проживают на единой территории, их культуры постоянно взаимодействуют, сохраняя при этом неповторимый национальный колорит. При изучении фольклорных и литературных произведений народов Поволжья важно выделить экологическое содержание для полиэтнического воспитания и формирования полиэтнического мировоззрения личности. На занятиях особое внимание должно уделяться изучению региональных экологических особенностей и взаимосвязи глобальных и местных проблем.

2. Нравственные понятия, содержащиеся в произведениях устного народного творчества (великодушие, сострадание к беззащитным, уважение человеческого достоинства), составляют основу народного гуманизма. В произведениях народного творчества отражаются этические принципы рационального отношения к природе. Основой экологоориентированных ценностей выступает нравственный императив, объединяющий владение знаниями естественных законов природы и реализацию коэволюции природы и общества. Экологический императив формирует систему ценностей экологической культуры, направленных на гармоничное развитие человека и природы. Он представляет собой форму запретов и ограничений, распространяющихся на человеческую деятельность. В народном творчестве этические принципы отражены в пословицах, сказках, сказаниях. «Береги землю родимую, как мать любимую», – гласит пословица. В сказках торжествуют ум и смекалка, добро всегда побеждает зло. Сказки позволяют понять характер народа, его понимание природных и социальных явлений. Возрождение традиций единения народов Поволжья с природой – необходимый ресурс решения экологических проблем региона. На-

родные знания обращены к самым жизненным сферам человеческой деятельности: земледелию, скотоводству, строительству. Культ природы существует у всех народов. Вокруг родника не рубят деревья. Для каждого народа существуют священные рощи и деревья. Марийцы к березе обращались с просьбами, было принято при рождении внука высаживать березу. Рябина является самым мощным средством, оберегающим человека от колдунов. Во время пасхи сеяли зерновой хлеб, наблюдали, как колосится рожь, совершали ритуалы, способствовавшие возрождению и расцвету природы.

3. Многообразные факторы окружающей природы, психологический склад этноса формируют традиции, обычаи, религиозные верования, создавая экоэтническую среду, определяющую этническое самосознание. Для изучения и сохранения памятников народной культуры в системе школьного воспитания используются этнографические материалы, экспонаты и фонды краеведческих музеев. Уголок природы в школе призван знакомить детей с растительным и животным миром. Через духовную культуру в процессе воспитания и практической совместной жизни передаются психические переживания этноса, историческая память. Поэзия, литература, мифология, музыка, народное творчество, развивая историческую память этноса, оказывают влияние на душевные переживания и настроение людей. Характер воспитания отличается сложившимися традиционными особенностями. Ребенок растет и развивается в родной языковой среде, на примере своих родителей и традиций народа.

4. Этнокультурный компонент в содержании учебных предметов позволяет включить обучающихся в родную этнокультурную среду и национальные традиции. Освоение этнокультурного компонента в школе – важнейшее средство связи с жизнью, направленное на воспитание культуры межнационального общения, патриотических чувств, воспитание экологической культуры в процессе приобщения к духовно-нравственному наследию и культуре своего народа. Интеграция этнокультурного компонента с предметами естественнонаучного, гуманитарного и эстетического направлений позволяет расширить познавательные потребности ребенка, рассматривать предмет изучения с разных сторон. На интегрированном занятии всесторонне изучаются природные сообщества, объекты и явления природы. Дети описывают объект природы, дают биологическую характеристику, находят литературное описание, сочиняют стихи, рисуют, делают

презентации. В процессе изучения устанавливаются причинно-следственные связи, творческое восприятие предмета. Коллективное творческое дело предполагает межличностное общение и межэтнический диалог. В ходе усвоения фольклорных жанров устанавливаются толерантные отношения и обмен культурными и личностными ценностями, что способствует нравственному развитию детей. Большую ценность для учащихся имеют этнографические знания о происхождении народов, своеобразии национальных норм поведения, одежды, быта, художественного творчества. На занятиях дети получают экологические знания о целостном динамично изменяющемся мире. Очень важно проводить коллективные формы занятий для установления межнациональных взаимоотношений на основе экологических идей природопользования. Приобщение к культуре своего народа и культурной жизни других народов региона целесообразно проводить в игровой и праздничной форме, используя фольклорные сценические образы.

Заключение

Особенности природы в разных регионах во многом определили разнообразие этносов, культур, систем ценностей. Культура мира и согласия обуславливает гармонию людей и природы. Тематический способ усвоения краеведческой информации помогает получить сведения о разных народах и создает целостную картину прошлой и современной жизни. Использование этнокультурного компонента в учебно-воспитательном процессе дает возможность приобщить человека к национальной культуре, знаниям и умениям. Изучение этнокультурного компонента способствует формированию у каждого обучающегося жизненно востребованной системы знаний, что помогает в выработке умений решать региональные экологические проблемы.

В процессе полиэтничского образования происходит приобщение детей к этнической культуре и формируется умение жить в многонациональной стране. Личность не может развиваться вне коллектива, поэтому обновляются формы и методы работы в группе для развития продуктивного общения на примере диалога культур региона. В результате проводимой воспитательной работы выпускник должен видеть и решать общественно значимые проблемы, уважать национальные традиции, проявлять толерантность, воспитывать в себе высокую гражданскую ответственность, быть носителем экологической культуры.

Список литературы

1. Об охране окружающей среды: федер. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 28.08.2022).
2. Горлачев В. П. Формирование экологической культуры личности в образовательном процессе: региональный аспект: дис. ...д-ра пед. наук. Чита, 2005. 376 с.
3. Пазова Р. И. Формирование экологической культуры младших школьников средствами абазинской народной педагогики: дис. ... канд. пед. наук. Пятигорск, 2010. 184 с.
4. Матис В. И. Поликультурное образование: учебное пособие. Барнаул : Алтайский государственный педагогический университет, 2016. 331 с.
5. Солодухо Н. М. Теоретико-методологические основы «Всеобщей экологии» // Формирование эколого-географической культуры учащейся молодежи в школе и вузе: материалы Всероссийской научно-методической конференции (с. Малая Цильна, 20–21 декабря 2013 г.). Казань : К(П)ФУ, 2013. С. 3–4.
6. Захлебный А. Н., Дзятковская Е. Н., Грачев В. А. Концепция общего экологического образования в интересах устойчивого развития // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. Вернадского. 2012. № 39. С. 55–59.
7. Colucci-Gray L., Perazzone A., Dodman M., Camino E. Science Education for Sustainability, Epistemological Reflections and Educational Practices: From Natural Sciences to Trans-Disciplinarity // Cultural Studies of Science Education. 2013. Vol. 8. P. 127–183.
8. Filho W. L., Raath S., Lazzarini B. The Role of Transformation in Learning and Education for Sustainability // Journal of Cleaner Production. 2008. Vol. 199. P. 286–295.
9. Ибрагимова Л. А. Поликультурное образование в многонациональном обществе. М. : Редакционно-издательский центр, 2006. 210 с.

References

1. *On Environmental Protection. Federal Law of 10.01.2002. no. 7-FZ.* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (accessed 28 August 2022) (in Russian).
2. Gorlachev V. P. *Formation of the Ecological Culture of the Individual in the Educational Process: The Regional Aspect.* Diss. Dr. Sci. (Ped.). Chita, 2005. 376 p. (in Russian).
3. Pazova R. I. *Formation of Ecological Culture of Younger Schoolchildren by Means of Abaza Folk Pedagogy.* Diss. Cand. Sci. (Ped.). Pyatigorsk, 2010. 184 p. (in Russian).
4. Matis V. I. *Polikulturnoe obrazovanie : uchebnoe posobie* [Multicultural Education: Textbook]. Barnaul, Altaiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2016. 331 p. (in Russian).
5. Solodukho N. M. Theoretical and methodological foundations of “General ecology”. In: *Formirovanie ekologo-geograficheskoy kul'tury uchashchejsya molodezhi v shkole i vuze* [Formation of Ecological and Geographical Culture of Student Youth at School and University: Proceedings of the All-Russian Scientific and Methodological Conference (Malaya Tsilna village, December 20–21, 2013)]. Kazan, K(P)FU Publ., 2013, pp. 3–4 (in Russian).
6. Zakhlebny A. N., Dzyatkovskaya E. N., Grachev V. A. The concept of general environmental education for sustainable development. *Voprosy sovremennoj nauki i praktiki. Universitet im. V. Vernadskogo* [Problems of Contemporary Science and Practice. V. Vernadsky University], 2012, no. 39, pp. 55–59 (in Russian).
7. Colucci-Gray L., Perazzone A., Dodman M., Camino E. Science Education for Sustainability, Epistemological Reflections and Educational Practices: From Natural Sciences to Trans-Disciplinarity. *Cultural Studies of Science Education*, 2013, vol. 8, pp. 127–183.
8. Filho W. L., Raath S., Lazzarini B. The Role of Transformation in Learning and Education for Sustainability. *Journal of Cleaner Production*, 2008, vol. 199, pp. 286–295.
9. Ibragimova L. A. *Polikul'turnoe obrazovanie v mnogonatsional'nom obshchestve* [Multicultural Education in a Multinational Society]. Moscow, Redaktsionno-izdatel'skii Tsentr, 2006. 210 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 05.05.2022; одобрена после рецензирования 20.05.2022; принята к публикации 17.10.2022
The article was submitted 05.05.2022; approved after reviewing 20.05.2022; accepted for publication 17.10.2022

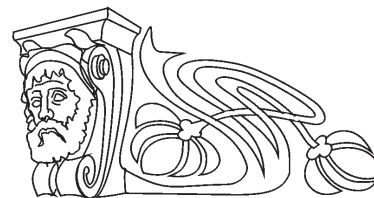

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 469–473
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 469–473
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-469-473>, EDN: JXRBSQ

Научная статья
УДК 376.1

Формирование толерантного отношения иностранных обучающихся к русской культуре в процессе эстетического воспитания

В. В. Романова

Вольский военный институт материального обеспечения, Россия, 412901, Саратовская область, г. Вольск, ул. М. Горького, д. 3

Романова Виктория Владимировна, старший преподаватель кафедры русского языка, Romanowa-1984@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1050-8532>

Аннотация. Введение. Воспитание толерантности интересовало ученых с давних времен. Еще в XVII–XVIII веках Дж. Локк, Вольтер, Ж.-Ж. Руссо высказывались о терпимости между религиями, о равноправии и о праве на свободу мышления. В России зарождение понятия «толерантность» связано с именами Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. А. Ухтомского и др. **Теоретический анализ.** Сравнительный анализ понятия «толерантность» позволяет сделать вывод о том, что его следует определять с разных позиций. Одни исследователи подчеркивают идею взаимоуважения и равенства, другие – не столько уважительное отношение и терпимость к иным людям независимо от расовой принадлежности, вероисповедания, социального положения и пр., сколько влияние толерантности на процесс социализации человека, третьи особое внимание обращают на духовную составляющую понятия «толерантность», относя последнюю к критериям нравственного воспитания личности. Рассмотрение проблемы воспитания толерантности позволило выявить механизмы ее развития. **Заключение.** Чтобы сформировать толерантное отношение к русской культуре у иностранных обучающихся, необходимо развить интерес к ней и научить адекватно понимать незнакомую окружающую действительность, уметь ориентироваться на соответствующее поведение и общение в русскоязычном обществе. На формирование толерантного отношения к русской культуре оказывают влияние занятия по культуре речи, на которых следует использовать эмоционально окрашенные ситуации творчества и общения. Наиболее важными компонентами толерантного отношения иностранных обучающихся к русской культуре являются культура речи и общения.

Ключевые слова: толерантность, воспитание, общение, иностранный обучающийся, отношения, коллектив

Для цитирования: Романова В. В. Формирование толерантного отношения иностранных обучающихся к русской культуре в процессе эстетического воспитания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 469–473. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-469-473>, EDN: JXRBSQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Forming a tolerant attitude of foreign students to Russian culture in the process of aesthetic education

V. V. Romanova

Volsk Military Institute of Material Support, 3 M. Gorky St., Volsk, Saratov region 412901, Russia

Viktoriya V. Romanova, Romanowa-1984@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1050-8532>

Abstract. Introduction. The education of tolerance has been of interest to scientists since ancient times. **Theoretical analysis.** A comparative analysis allows us to conclude that the concept of “tolerance” should be defined from different positions: some researchers emphasize the idea of mutual respect and equality, others underline not so much respect and tolerance for other people, regardless of race, religion, social status, etc., but more the influence of tolerance on the process of human socialization; others pay special attention to the spiritual component of the concept of tolerance, referring tolerance to the criteria of moral upbringing of the individual. Consideration of the problem of tolerance education made it possible to identify the mechanisms of its development. **Conclusion.** In order to form a tolerant attitude towards Russian culture in foreign students, it is necessary to develop their interest in Russian culture and teach them to adequately understand the unfamiliar surrounding reality, to be able to focus on appropriate behavior and communication in the Russian-speaking society. The formation of a tolerant attitude towards Russian culture is influenced by classes in Culture of Speech, in which emotionally colored situations of creativity and communication should be used. The most important components of the tolerant attitude of foreign students to Russian culture are the culture of speech and communication.

Keywords: tolerance, education, communication, foreign student, relations, team

For citation: Romanova V. V. Forming a tolerant attitude of foreign students to Russian culture in the process of aesthetic education. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 469–473 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-469-473>, EDN: JXRBSQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Проблема воспитания толерантности имеет давнюю историю. На рубеже XVII–XVIII вв. великие ученые того времени, такие как Дж. Локк, Вольтер, Жан-Жак Руссо, призывали к терпимости между религиями, выступали за равноправие и отстаивали право на свободу мышления. Начало зарождения понятия «толерантность» в России связывают с именами Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. А. Ухтомского и других, которые определяли терпимость как понимание, выступали за ненасилие.

Сегодня, несмотря на приоритет в получении российского образования, появляется все больше иностранных обучающихся, у которых к нашей стране ярко выражено критическое отношение и сформирована негативная оценка новой окружающей действительности, что является следствием введения санкций, желанием других государств создать дипломатическую изоляцию России, формирования российского образа агрессора в постоянно обостряющейся информационной войне, фальсификации истории Великой Отечественной войны и современных усилий России по урегулированию региональных конфликтов.

В этой связи в современной образовательной ситуации сложилась определенная оппозиция, связанная с возрастанием интереса иностранных государств к подготовке специалистов для всех отраслей в российских вузах. В то же время наблюдается снижение уровня толерантного отношения иностранных обучающихся как к русской культуре, так и к образу России в целом.

Теоретический анализ

В настоящее время ученые изучили общие вопросы формирования толерантности студентов вузов [1, 2]; педагогические условия формирования толерантности студентов и курсантов военных вузов [3, 4]; особенности формирования толерантности в процессе обучения различным дисциплинам [5–7]; особенности формирования толерантности [8–10] в условиях современной социокультурной среды, средствами духовной музыки и пр.

В данный момент понятие «толерантность» содержит широкий диапазон интерпретаций. Некоторые исследователи подчеркивают идею взаимоуважения и равенства [11], другие – не столько уважительное отношение и терпимость к иным людям, сколько влияние толерантности на процесс социализации человека [12].

А. А. Машанов понимает под толерантностью «признак высокого духовного и интеллектуального развития индивидуума, группы, общества в целом» [13, с. 132–161].

Несмотря на отсутствие единой точки зрения на определение данного понятия, многие исследователи высоко оценивают значение толерантности в процессе обучения. Следует подчеркнуть, что современные ученые относят толерантность и к необходимым качествам педагога, подразумевая под ней профессиональную компетентность, характеризующуюся готовностью специалиста принимать социокультурные отличия объекта деятельности.

Анализ педагогических источников показал: чтобы воспитать толерантность у подрастающего поколения, необходимо разработать механизмы ее развития. Толерантная личность должна быть способна без какого-либо принудительного давления и воздействия принимать другого человека, понимать его, несмотря на его этническую принадлежность. Поэтому важно акцентировать внимание на развитии эмоциональной составляющей общения, которая существенно влияет на формирование толерантности через положительные эмоции, получаемые обучающимися в процессе эстетического воспитания.

Приезжая в нашу страну, иностранные обучающиеся по-разному реагируют на российскую действительность, что выражается в их отношении к процессу обучения. Поэтому для реализации положительного образа России и ее культуры у иностранных студентов следует воспитывать толерантное отношение к русской культуре через культуру речи и общения, т. е. выработать позитивный настрой к изучению культурологического материала.

Формирование толерантного отношения к русской культуре – это продукт эстетического воспитания, в процессе которого иностранные обучающиеся знакомятся с русской культурой и правилами светского поведения в Российской Федерации. Изучение культуры речи как части русской культуры дает им возможность общения, осуществление активной созидательной деятельности в рамках эстетического воспитания. Сформированность толерантного отношения иностранных студентов к русской культуре выражается в оценивании российской действительности, в поведении, которое проявляется во взаимодействии с другими людьми обучающегося, когда он совершенствует свою культуру речи и общения.

Привитию толерантности способствуют индивидуальные воспитательные беседы с ино-

странными обучающимися, где последние делятся своими страхами, обидами, переживаниями, желаниями, сомнениями и т.д. Здесь перед преподавателем стоит нелегкая задача – наладить доверительный контакт со студентами. Именно поэтому преподавателю, работающему с иностранцами, необходимо выстроить такие взаимоотношения с ними, которые наиболее полно помогли бы им «раскрыться» и адаптироваться к незнакомой окружающей действительности, сложившаяся гармоничные личностно-культурные отношения между всеми участниками образовательного процесса, т. е. опять подчеркивается важность роли культурного диалога, или диалога культур.

Отношения включают в себя следующие компоненты: знания в определенной области, эмоции, побуждение действовать в данной системе. Из этого следует, что проявление толерантности к русской культуре у иностранных обучающихся может быть основано на сложившихся личностных качествах, желании осуществлять свою деятельность по общепризнанным законам межличностного общения, не разделяя межэтнических признаков. Наша задача по формированию толерантного отношения к русской культуре у иностранных обучающихся состоит в том, чтобы содействовать развитию интереса к русской культуре и научить адекватно понимать незнакомую окружающую действительность, ориентировать на соответствующее поведение и общение в русскоязычном обществе.

Включение в занятие литературных произведений является ведущим звеном в системе эстетического воспитания на занятиях. Чтение художественного текста воспитательного характера требует понимания и осмысления, что рождает тягу к красоте, доброте, справедливости и т.д. Изучение литературы предполагает сопровождение других видов искусства: музыки, живописи, театра, кино. Расширению знаний иностранных обучающихся о российской действительности способствует их участие в вечерах интернациональной дружбы, направленных на знакомство с традициями, обычаями других стран, совместно подготовленных мероприятиях по соответствующей тематике и т. д., а также в тематических вечерах.

Если обучающиеся проявляют интерес и к научно-исследовательской деятельности, то преподаватель оказывает им помощь по написанию и презентации работ, эссе, помогает в подготовке выступлений на творческих и межфакультетских конкурсах, в участии в проектах межнациональной культурной направленности, реконструкции

национальных праздников и традиций, тем самым осуществляя консультативную деятельность, т. е. совместную форму учебной деятельности. Такая деятельность преподавателя и обучающихся проявляется также в подготовке, организации и проведении концертов, проектов и пр., т. е. в активных формах мероприятий. Необходимо учитывать тот факт, что тематика мероприятий должна отражать направления эстетического воспитания, желания и потребности обучающихся, чтобы каждый мог внести свой вклад в его планирования.

Говорить об эффективности формирования толерантного отношения к русской культуре в процессе эстетического воспитания следует только тогда, когда иностранные граждане позитивно и активно проявляют себя, высказывая свои мнения и суждения, оценивают предложенные ситуации, т. е. максимально выражают свое сложившееся позитивное отношение к миру русской природы, русской культуре, обществу и пр. Степень проявления отношений будет зависеть от уровня их активной включенности в деятельность, от общего уровня активности личности.

Если преподавателю удалось включить иностранных обучающихся в воспитательные отношения, основанные на толерантности, и они нашли отклик во внутреннем состоянии обучающихся, что непосредственно отражается в их деятельности, то эти отношения необходимо закрепить.

Стабилизация толерантного отношения к русской культуре достигается через их многократное «проживание» в различных предлагаемых ситуациях совместности. Понимая, что сформированные нравственно-эстетические качества личности – закономерный результат стабилизированных отношений, преподаватель организует закрепляющие ситуации. Если возникает необходимость изменения позиции личности по отношению к чему-либо или к кому-либо, скорректировать отношения целесообразно, используя практику группового эффекта, т. е. микрогрупповую форму организации.

В качестве наиболее важных компонентов толерантного отношения иностранных обучающихся к русской культуре мы выделяем: культуру общения, т. е. заинтересованность иностранного обучающегося в соблюдении правил и норм поведения, принятых в инокультурном обществе; культуру речи – речевые умения иностранных студентов, которые стараются не совершать коммуникативных ошибок, соблюдать логичность и точность.

Заключение

Задача преподавателя заключается в том, чтобы помочь обучающимся сформировать представление о толерантности как о ценности, научить их понимать культуры других стран, уметь создавать вокруг себя атмосферу культуры и духовности и др. Сформированность толерантного отношения к русской культуре у иностранных обучающихся заключается в развитии интереса к русской культуре и научении адекватно понимать незнакомую окружающую действительность, ориентировании на соответствующее поведение и общение в русскоязычном обществе. Привитию толерантного отношения к русской культуре способствуют занятия по культуре речи с использованием эмоционально окрашенных ситуаций творчества и общения. Поэтому наиболее важными компонентами толерантного отношения иностранных обучающихся к русской культуре являются культура речи и общения.

Следует подчеркнуть, что преподаватель должен быть убежден в желании иностранного обучающегося быть уверенным в себе, инициативным, чтобы достичь этой цели. Когда реализуется индивидуальная траектория обучающегося (несмотря на расовую принадлежность, возраст, мировоззрение), тогда и преподаватель продвигает свою профессиональную педагогическую позицию в процессе педагогического сопровождения.

Список литературы

1. Кудзиева Н. Ю. Формирование толерантности у субъектов высшего профессионального образования: дис. ... канд. пед. наук. М., 2003. 163 с.
2. Рыбак Е. В. Формирование толерантности у студентов высших учебных заведений: дис. ... канд. пед. наук. М., 2004. 135 с.
3. Сергеева Е. В. Организационно-педагогические условия формирования этнической толерантности у курсантов военного вуза: дис. ... канд. пед. наук. Ульяновск, 2009. 246 с.
4. Яруллина А. Р. Педагогические условия развития социальной активности и толерантности студентов педагогического колледжа: дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2010. 237 с.
5. Майковская Л. С. Феномен этнокультурной толерантности в музыкальном образовании: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2009. 467 с.
6. Можейкина Л. Б. Развитие толерантности подростков в процессе обучения русскому языку: дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 2007. 235 с.

7. Харламова О. Ю. Воспитание у студентов вузов профессиональной толерантности в ходе обучения иностранному языку: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2004. 208 с.
8. Ковалева О. С. Воспитание толерантных межличностных отношений воспитанников детского дома: дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2007. 190 с.
9. Филянина Л. А. Воспитание толерантных отношений у студентов университета средствами духовной музыки: дис. ... канд. пед. наук. Ульяновск, 2005. 240 с.
10. Сюйжун Я. Педагогические условия формирования толерантных отношений студентов различных национальностей музыкально-педагогическими средствами: дис. ... канд. пед. наук. Воронеж, 2008. 193 с.
11. Овинникова Ю. А., Рожковский В. Б. Эстетика: курс лекций. Ростов н/Д : Феникс, 2008. 350 с.
12. Shegay A., Esmagulova A. To the question about the need for the education of the culture of tolerance in the education system of the republic of kazakhstan // Актуальные проблемы современности. 2018. № 4 (22). С. 123–127.
13. Артюхова Т. Ю., Бенькова О. А., Гончаревич Н. А., Ерошина А. А., Колкова С. М., Малимонов И. В., Маишанов А. А., Потапова Е. В., Ростовцева М. В., Скутина Т. В., Шайдунова О. В., Юдина Ю. Г. Толерантность и межэтническая толерантность // Современные вызовы и психологические ресурсы. Ульяновск : ИП Кеньшенская (издательство «Зебра»), 2021. С. 132–161.

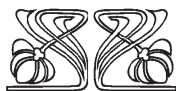
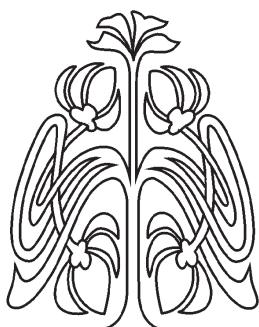
References

1. Kudzieva N. Yu. *Formation of Tolerance Among Subjects of Higher Professional Education*. Diss. Cand. Sci. (Ped.). Moscow, 2003. 163 p. (in Russian).
2. Rybak E. V. *Formation of Tolerance Among Students of Higher Educational Institutions*. Diss. Cand. Sci. (Ped.). Moscow, 2004. 135 p. (in Russian).
3. Sergeeva E. V. *Organizational and pedagogical conditions for the formation of ethnic tolerance among cadets of a military university*. Diss. Cand. Sci. (Ped.). Ulyanovsk, 2009. 246 p. (in Russian).
4. Yarullina A. R. *Pedagogical Conditions for the Development of Social Activity and Tolerance of Students of the Pedagogical College*. Diss. Cand. Sci. (Ped.). Kazan, 2010. 237 p. (in Russian).
5. Maykovskaya L. S. *Phenomenon of Ethnocultural Tolerance in Musical Education*. Diss. Dr. Sci. (Ped.). Moscow, 2009. 467 p. (in Russian).
6. Mozheykina L. B. *The Development of Adolescent Tolerance in the Process of Teaching the Russian Language*. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Novosibirsk, 2007. 235 p. (in Russian).
7. Harlamova O. Yu. *Education of Professional Tolerance Among University Students in the Course of Teaching a*

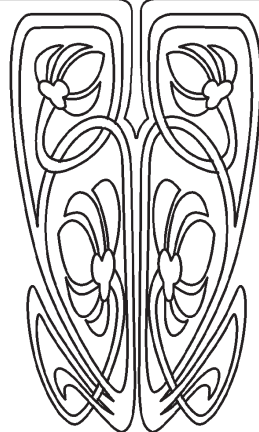

- Foreign Language*. Diss. Cand. Sci. (Ped.). St. Petersburg, 2004. 208 p. (in Russian).
8. Kovaleva O. S. *Education of Tolerant Interpersonal Relations of Pupils of the Orphanage*. Diss. Cand. Sci. (Ped.). Orenburg, 2007. 190 p. (in Russian).
 9. Filyanina L. A. *Education of Tolerant Relations Among University Students by Means of Sacred Music*. Diss. Cand. Sci. (Ped.). Ulyanovsk, 2005. 240 p. (in Russian).
 10. Sjuzhun Ya. *Pedagogical Conditions for the Formation of Tolerant Relations Among Students of Different Nationalities by Musical and Pedagogical Means*. Diss. Cand. Sci. (Ped.). Voronezh, 2008. 193 p. (in Russian).
 11. Ovinnikova Yu. A., Rozhkovskiy V. B. *Estetika: kurs lektsiy* [Aesthetics. A Course of Lectures]. Rostov-on-Don, Phoenix Publ., 2008. 350 p. (in Russian).
 12. Shegay A., Esmagulova A. On the issue of the need for the education of the culture of tolerance in the education system of the republic of Kazakhstan. *Aktual'nye problemy sovremennosti* [Actual Problems of the Present], 2018, no. 4 (22), pp. 123–127 (in Russian).
 13. Artyukhova T. Yu., Benkova O. A., Goncharevich N. A., Eroshina A. A., Kolkova S. M., Malimonov I. V., Mashanov A. A., Potapova E. V., Rostovtseva M. V., Skutina T. V., Shaydurova O. V., Yudina Yu. G. Tolerance and Interethnic Tolerance. In: *Sovremennye vyzovy i psikhologicheskie resursy* [Modern Challenges and Psychological Resources]. Ulyanovsk, IP Ken'shenskaya (izdatel'stvo "Zebra"), 2021, pp. 132–161 (in Russian).

Поступила в редакцию 10.07.2022; одобрена после рецензирования 03.08.2022; принята к публикации 17.10.2022
The article was submitted 10.07.2022; approved after reviewing 03.08.2022; accepted for publication 17.10.2022

ПОДПИСКА

Подписка на печатную версию

Подписной индекс издания 36014
Оформить подписку на печатную версию
можно в интернет-каталоге
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)

Журнал выходит 4 раза в год
Цена свободная

Электронная версия журнала находится
в открытом доступе (phpp.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7 (845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7 (845-2) 27-85-29

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83,

СГУ имени Н. Г. Чернышевского,
философский факультет

Тел./факс: +7 (845-2) 22-51-12

E-mail: aporia@inbox.ru

Website: <https://phpp.sgu.ru>